

CONTENTS

TYPICAL ERRORS OF IRANIAN STUDENTS IN WRITTEN RUSSIAN: A COMPREHENSIVE ANALYSIS BASED ON EXAMINATION PAPERS	11
Gholami Hossein / Fallahi Ali	
PREVENTING AND CORRECTING STUDENT ERRORS WHEN COMPLETING INDEPENDENT ASSIGNMENTS	33
Nagzibekova Mehriniso / Bozorovna / Ruzieva Lola Tolibovna / Ergasheva Shakhnoza Kuganovna	
THE COLOR OF THE PLANT WORLD IN THE MIRROR OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT	53
Yahyapour Marzieh / Karimi-Motahhar Janolah	
THE CONCEPT “ARAB EAST” IN THE INDIVIDUAL STYLE OF N. GUMILYOV	71
Eltsova Elena N.	
SYNTAGMATIC RELATIONS OF THE ADJECTIVE <i>МИГРАНТСКИЙ</i> AS A KEY COMPONENT OF MIGRATION DISCOURSE	91
Zubareva Ekaterina Olegovna / Afanaseva Arina Alekseevna	
ADAPTATION CLASSES AS AN INSTITUTIONAL MODEL FOR PREVENTING DEVIANT BEHAVIOR IN CHILDREN FROM FAMILIES WITH A MIGRATION HISTORY: LINGUODIDACTIC AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECTS	111
Krinitzyna Olga Pavlovna / Kolomiychenko Lyudmila Vladimirovna	
FORECAST CATEGORY IN FOLKLORE TEXTS	127
Menshakova Nadezhda N. / Khorosheva Natalya V.	
CULTURAL LIBERALIZATION DURING THE KHRUSHCHEV THAW AND THE TRANSFORMATION OF SOVIET LITERATURE: A NARRATIVE REVIEW	147
Siyami Eidlak Khalida / Sabzi Ali /Khalafi Hossein	
COLOR CONCEPTUALIZATION OF THE PLANT WORLD: ON THE COLOR OF THE BIRD CHERRY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW (POLYDISCURSIVE STUDY)	167
Sivova Tatyana Viktorovna	
REPRESENTATIONS OF “WHITE COLOR”: FROM SYMBOLIC FIXATION OF MEANINGS TO DENOTATIONS OF LOSS OF MEANING	187
Shafaghi Maryam	
PROBLEMS OF TRANSLATING NON-EQUIVALENT LEXEMS OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE IRANIAN LINGUOCULTURAL CONTEXT	207
Salimi Abdolmaleki Kosar	
TEMPORAL SYNTAXEMES AS A MEANS OF EVENT CONCEPTUALIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE	223
Shankhoeva Yakha Akhmet-Bashirovna / Bugaeva Irina Vladimirovna	

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Motamednia Masoumeh, Associate professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Mazandaran (Babolsar, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Bogdanova Olga Alimovna, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities (Moscow, Russia)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
 - **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
 - **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
 - **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Типичные ошибки иранских студентов в письменной русской речи: комплексный анализ на материале экзаменационных работ	Голами Хоссейн / Фаллахи Али	11
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК СТУДЕНТОВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ	Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна / Рузиева Лола Толибовна / Эргашева Шахноза Кугановна	33
ЦВЕТ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	Яхьяпур Марзие / Карими-Мотаххар Джанолах	53
КОНЦЕПТ «АРАБСКИЙ ВОСТОК» В ИДИОСТИЛЕ Н. ГУМИЛЕВА	Ельцова Елена Николаевна	71
АКТУАЛИЗАЦИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АДЪЕКТИВА МИГРАНТСКИЙ КАК КЛЮЧЕВОГО КОМПОНЕНТА МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА	Зубарева Екатерина Олеговна / Афанасьева Арина Алексеевна	91
АДАПТАЦИОННЫЕ КЛАССЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	Криницына Ольга Павловна / Коломийченко Людмила Владимировна	111
КАТЕГОРИЯ ПРОГНОЗА В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ	Меньшакова Надежда Николаевна / Хорошева Наталья Владимировна	127
КУЛЬТУРНАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПЕРИОДА «ХРУЩЁВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: НАРРАТИВНЫЙ ОБЗОР	Сиями Эйдлак Халида / Сабзи Али / Халяфи Хоссейн	147
ЦВЕТОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА РАСТЕНИЙ: О ВЕТЕ ЧЕРЕМУХИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (ОПЫТ ПОЛИДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	Сивова Татьяна Викторовна	167
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «БЕЛОГО ЦВЕТА»: ОТ ИМВОЛИЧЕСКОЙ ЗАКРЕПЛЁННОСТИ СМЫСЛОВ К ДЕННОТАЦИЯМ УТРАТЫ СМЫСЛА	Шафаги Марьям	187
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ИРАНСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА	Салими Абдолмалеки Косар	207
ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСЕМЫ КАК СРЕДСТВО СОБЫТИЙНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	Шанхоева Яха Ахмет-Башировна / Бугаева Ирина Владимировна	223

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы

Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джаноллах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мотамедния Масуме, Доцент кафедры русского языка и литературы, Мазандаранский университет (Баболсар, Иран)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук; профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Филологического факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт "Times New Roman"; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

TYPICAL ERRORS OF IRANIAN STUDENTS IN WRITTEN RUSSIAN: A COMPREHENSIVE ANALYSIS BASED ON EXAMINATION PAPERS

Gholami Hossein^{1*}

Professor of Russian Language and Literature,
Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran.

Fallahi Ali²

M.A Student, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran
Tehran, Iran.

(date of receiving: May, 2026; date of acceptance July, 2026)

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of typical errors in the written Russian of Iranian undergraduate students studying Russian as a foreign language. Based on 40 examination papers of second- and third-year students at the University of Tehran, grammatical, lexical, syntactic, and graphic-orthographic errors are examined. The findings show that grammatical errors, especially prepositional-case government and aspect-tense forms, are the most widespread. The profile of errors depends on the task type: productive translation reveals more lexical-syntactic difficulties, whereas the test reveals orthographic ones. The results confirm the systematic nature of the errors, caused by interlingual interference and insufficient automation of writing skills. Methodological recommendations for teaching Russian as a foreign language in the Iranian classroom are offered.

Keywords: Russian as a Foreign Language, Iranian Students, Written Speech, Interlingual Interference, Error Analysis, Prepositional-Case Government, Teaching Methodology.

1. E-mail: hgholamy@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6343-2690>

* Corresponding author

2. E-mail: ali.fallahi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0009-0001-5381-6949>

Типичные ошибки иранских студентов в письменной русской речи: комплексный анализ на материале экзаменационных работ

Голами Хоссейн^{1*}

Профессор, Кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет,
Тегеран, Иран.

Фаллахи Али²

Магистрант кафедры русского языка литературы, Тегеранский университет
Тегеран, Иран.

(дата получения: май 2026 г., дата принятия: июль 2026 г.)

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу типичных ошибок в письменной речи иранских студентов-бакалавров. На материале 40 экзаменационных работ студентов 2-го и 3-го курсов Тегеранского университета рассматриваются грамматические, лексические, синтаксические и графико-орфографические ошибки. Показано, что наиболее распространёнными являются грамматические ошибки, прежде всего нарушения предложно-падежного управления и выбора видо-временных форм. Установлено, что профиль ошибок зависит от типа задания: продуктивный перевод выявляет больше лексико-синтаксических трудностей, тест — орфографических. Результаты подтверждают системный характер ошибок, обусловленный межъязыковой интерференцией и недостаточной автоматизацией письменных навыков. Предложены методические рекомендации для преподавания русского языка как иностранного в иранской аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иранские студенты, письменная речь, межъязыковая интерференция, анализ ошибок, предложно-падежное управление, методика преподавания.

1. E-mail: hgholamy@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6343-2690> * Ответственный автор

2. E-mail: ali.fallahi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0009-0001-5381-6949>

Введение

Расширение академических контактов между Ираном и Россией актуализирует задачу качественной подготовки иранских студентов-русистов. Несмотря на длительную историю преподавания русского языка в Иране, сохраняется устойчивое противоречие между теоретическим знанием грамматической системы и способностью применять это знание в продуктивных видах речевой деятельности, прежде всего в письменной речи (Резаи Азин 2012, 37; Калаши 2013, 124). Письменная речь требует от учащегося одновременной актуализации нескольких уровней языковой компетенции, поэтому анализ письменных работ студентов является ценным источником сведений о закономерностях формирования иноязычной речевой компетенции. Трудности иранских студентов при овладении русской письменной речью имеют комплексную природу. С одной стороны, они обусловлены межъязыковой интерференцией: персидский и русский языки существенно различаются по морфологическому строю, способам выражения синтаксических отношений, категории рода, системе падежей, особенностям глагольного вида и порядку слов (Искандари 2012, 34; Эстири, Сиями Эйdlak 2021, 179). С другой стороны, важную роль играет доминирование грамматико-переводного подхода в иранской образовательной традиции: учащиеся нередко успешно усваивают правила в теоретической форме, однако испытывают затруднения при их самостоятельном применении в реальном письме (Ханджани 2014, 206; Камелова 2018, 284). Дополнительным фактором выступает отсутствие естественной русскоязычной среды, ограничивающее возможности для регулярной практики и автоматизации навыков. В иранской русистике накоплен значительный опыт изучения отдельных аспектов интерференции — падежных ошибок, фонетической интерференции, трудностей усвоения русской грамматики и проблем организации обучения РКИ (Siyami Eidlak 2019, 45; Эстири, Сиями Эйdlak 2021, 179; Искандари

2012, 34). Вместе с тем сохраняется потребность в исследованиях, основанных на системном анализе реального письменного материала и сочетающих качественное описание ошибок с количественным учётом их распространённости. Цель настоящего исследования — выявить, классифицировать и интерпретировать типичные ошибки в письменной русской речи иранских студентов-бакалавров на материале экзаменационных работ 2-го и 3-го курсов. В соответствии с целью решаются задачи: выделить основные типы отклонений от норм русского литературного языка в письменных работах; разработать классификацию ошибок с учётом специфики иранской аудитории; определить распространённость основных категорий ошибок в двух группах учащихся; описать возможные причины выявленных ошибок с позиций сопоставительного анализа русского и персидского языков; сформулировать методические рекомендации для преподавания РКИ в иранской аудитории.

Объектом исследования является письменная русская речь иранских студентов-бакалавров. Предметом исследования выступают повторяющиеся ошибки грамматического, лексического, синтаксического и графико-орфографического характера. Научная новизна работы заключается в комплексном количественно-качественном анализе письменных ошибок иранских студентов на материале двух типов экзаменационных заданий, отражающих разные уровни самостоятельности речевой деятельности.

Основная часть

Теоретические основы и обзор литературы

1. Письменная речь как сложный вид речевой деятельности

В современной психолингвистике письменная речь рассматривается как сложная, опосредованная и сознательно организованная форма речевой деятельности. Она не сводится к механическому переносу устной речи в

графическую форму, а предполагает предварительное смысловое планирование, выбор языковых средств, грамматическое оформление высказывания и его последующую самопроверку.

Для изучающих русский язык как иностранный письменная речь представляет особую трудность, поскольку требует одновременного владения графикой, орфографией, морфологией, синтаксисом и лексической сочетаемостью. В методике преподавания РКИ традиционно разграничиваются понятия «письмо» как технический навык, связанный с графикой и орфографией, и «письменная речь» как способность создавать связный текст в соответствии с коммуникативной задачей (Каховская, Маркасова 2023, 156). Однако на практике эти уровни тесно взаимосвязаны: недостаточная автоматизация графико-орфографических навыков увеличивает когнитивную нагрузку и затрудняет решение более сложных задач — построение предложения, выбор грамматической формы и выражение смысла.

Предупреждение графических и орфографических ошибок должно рассматриваться не как вспомогательный элемент начального этапа обучения, а как систематическая часть формирования письменной компетенции (Сандалова 2019, 108). Это положение особенно важно для иранских студентов, поскольку они осваивают не только новую орфографическую систему, но и кириллическую графику, отличающуюся от привычной для них персидской письменности.

2. Межъязыковая интерференция и понятие «иранизмов»

Одним из центральных понятий при анализе ошибок иностранных учащихся является межъязыковая интерференция. Под интерференцией понимается влияние системы родного языка на усвоение и использование изучаемого языка. Это влияние особенно актуально, поскольку русский и

персидский языки различаются по ряду базовых грамматических параметров. Русский язык относится к языкам флективного типа и характеризуется развитой системой падежных форм, категорией грамматического рода, сложной системой согласования и противопоставлением глагольных видов. Персидский язык, напротив, является аналитическим языком с элементами агглютинации; грамматические отношения в нём выражаются преимущественно с помощью служебных слов, порядка слов, изафетных конструкций и послелогов. Отсутствие в персидском языке категории падежа и грамматического рода создаёт объективные трудности при усвоении русских падежных форм, согласования прилагательных с существительными и выбора правильной предложно-падежной конструкции. В иранской русистике устойчивые отклонения, возникающие под влиянием персидского языка, нередко обозначаются термином «иранизмы» (Эстири, Сиями Эйдляк 2021, 179). К числу таких ошибок относятся, например, перенос персидского порядка слов на русское предложение, неправильное оформление управления, пропуск необходимых служебных слов, а также калькирование устойчивых выражений. Лексическая интерференция проявляется в буквальном переводе персидских слов и конструкций, нарушении лексической сочетаемости и выборе слов, близких по общему значению, но не соответствующих конкретному контексту (Вертинская, Остапенко 2019, 47).

3. Специфика обучения русскому языку в иранской аудитории

Преподавание русского языка в Иране имеет устойчивую академическую традицию, при этом в методической литературе неоднократно отмечались проблемы, связанные с преобладанием грамматико-переводной модели обучения (Резаи Азин 2012, 37; Калаши 2013, 124). При такой модели значительная часть учебного времени уделяется изучению грамматических правил, выполнению письменных переводов и анализу языковых форм, тогда

как практика свободной письменной речи остаётся ограниченной. Одной из ключевых проблем является разрыв между декларативным и процедурным знанием. Студент может знать правило и распознать правильную форму в тестовом задании, но при самостоятельном порождении высказывания не успевает применить это знание автоматически. В результате ошибки не всегда свидетельствуют о полном незнании правила; часто они указывают на недостаточную степень его автоматизации. Кроме того, обучение русскому языку в Иране в большинстве случаев происходит вне естественной языковой среды. Студенты редко имеют возможность регулярно читать современные русские тексты, слышать живую русскую речь и использовать русский язык в реальной коммуникации. Это ограничивает развитие языковой интуиции и приводит к тому, что письменная речь формируется преимущественно как учебная, а не как коммуникативная деятельность. В связи с этим анализ ошибок приобретает не только диагностическое, но и методическое значение: он позволяет выявить зоны устойчивых трудностей и разработать упражнения, направленные на предупреждение системных ошибок.

Методология исследования

1. Материал исследования

Эмпирическую базу исследования составил корпус письменных экзаменационных работ 40 иранских студентов-бакалавров, обучающихся на кафедре русского языка и литературы Тегеранского университета. В исследование вошли работы студентов 2-го и 3-го курсов. Всего были проанализированы две группы материалов.

А) Работы студентов 3-го курса. В анализ вошли письменные переводы 10 предложений с персидского языка на русский, выполненные 20 студентами. Общий объём материала составил 199 письменных фрагментов. Предложения были подобраны таким образом, чтобы стимулировать употребление

пассивных, условных, целевых и объектно-изъяснительных конструкций, а также различных типов предложно-падежного управления.

Б) Работы студентов 2-го курса. В анализ вошёл лексико-грамматический тест, выполненный 20 студентами. Тест включал 20 заданий, среди которых были задания на заполнение пропусков с опорой на предложенные варианты, выбор глагольной формы, употребление глаголов движения и трансформацию прямой речи в косвенную. Общий объём материала составил 400 ответов.

Различие в форматах заданий учитывалось при интерпретации результатов. Перевод с персидского языка на русский рассматривался как более продуктивный вид речевой деятельности, требующий самостоятельного выбора лексических, грамматических и синтаксических средств. Лексико-грамматический тест, напротив, представлял собой рецептивно-репродуктивный формат с большей степенью опоры на заданный языковой материал. Поэтому сопоставление двух групп не трактуется как прямое измерение прогресса от 2-го к 3-му курсу, а используется для выявления различий в профиле ошибок при разных типах письменной деятельности.

2. Процедура анализа

Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе методом сплошной выборки из письменных работ были выделены все отклонения от норм современного русского литературного языка. При определении нормативности учитывались грамматические справочники, словари, учебные материалы по русскому языку как иностранному, а также лингвистическая экспертиза авторов. На втором этапе каждое выявленное отклонение было квалифицировано и отнесено к одной из четырёх основных категорий: грамматической, лексической, синтаксической или графико-орфографической. В случаях, когда один и тот же фрагмент содержал несколько ошибок разных типов, каждая ошибка фиксировалась отдельно. Например, форма

помошами могла рассматриваться одновременно как показатель ошибочного управления и как орфографическое отклонение. Такой способ кодирования позволил более полно отразить структуру ошибок, однако он объясняет, почему отдельные проценты в итоговом описании не должны интерпретироваться как взаимоисключающие показатели. На третьем этапе был проведён количественный подсчёт распространённости ошибок. В таблице проценты отражают долю студентов, в работах которых была зафиксирована хотя бы одна ошибка соответствующей категории. Таким образом, данные показывают не абсолютное количество ошибок, а степень распространённости каждого типа ошибок внутри исследуемой группы. На четвёртом этапе был проведён качественный анализ наиболее характерных примеров. Особое внимание уделялось тем случаям, которые могли быть объяснены влиянием персидского языка, недостаточной автоматизацией грамматического навыка или особенностями формата экзаменационного задания.

3. Классификация ошибок

С учётом целей исследования, особенностей письменного материала и специфики иранской аудитории была разработана следующая рабочая классификация ошибок. Грамматические ошибки включают нарушения предложно-падежного управления, ошибки в выборе падежной формы, нарушения согласования в роде, числе и падеже, а также ошибки в употреблении видо-временных форм глагола. Лексические ошибки включают неверный выбор слова, неточный перевод, смешение близких по значению лексем, нарушение лексической сочетаемости, калькирование с персидского языка и употребление слов, не соответствующих данному контексту. Синтаксические ошибки включают отклонения в порядке слов, нарушение структуры простого или сложного предложения, неправильное употребление

союзов и союзных слов, пропуск необходимых элементов придаточного предложения, а также ошибки при трансформации прямой речи в косвенную. Графико-орфографические ошибки включают смешение графем, пропуск или неверное употребление мягкого знака, ошибки в написании безударных гласных, оглушение согласных на письме, а также искажение словоформ, связанное с недостаточной автоматизацией русской графики и орфографии.

Результаты исследования

Количественно-качественный анализ письменных работ позволил выявить основные категории ошибок и определить их распространённость в двух группах студентов. Обобщённые результаты представлены в таблице.

Распространённость ошибок по категориям (доля студентов, допустивших хотя бы одну ошибку соответствующего типа)

Категория ошибок	Студенты 2-го курса	Студенты 3-го курса
Грамматические	85%	90%
Лексические	65%	80%
Синтаксические	55%	75%
Графико-орфографические	70%	60%

Данные показывают, что грамматические ошибки являются наиболее распространёнными в обеих группах. При этом у студентов 3-го курса заметно возрастает доля лексических и синтаксических ошибок, что связано не столько с ухудшением языковой компетенции, сколько с более продуктивным характером переводческого задания, требующего самостоятельного построения высказывания. У студентов 2-го курса относительно высокую долю составляют графико-орфографические ошибки, что может объясняться

меньшей степенью автоматизации письменного навыка и форматом тестовых заданий.

1. Грамматические ошибки

Грамматические ошибки оказались наиболее частотной категорией в обеих группах: они были зафиксированы у 85 % студентов 2-го курса и у 90 % студентов 3-го курса. Наиболее устойчивыми являются ошибки в предложно-падежном управлении, выборе падежной формы, согласовании и употреблении видов глагола. У студентов 3-го курса значительное количество ошибок наблюдалось при переводе конструкций, требующих точного предложно-падежного оформления. Так, при переводе конструкции «помочь с переводом» встречались варианты типа **помогал ей с перевода*, **в перевести статью* и другие формы, демонстрирующие трудность выбора правильной модели управления. Подобные ошибки указывают на то, что студент часто понимает общий смысл высказывания, но не владеет устойчивой грамматической схемой его выражения в русском языке. Отдельную трудность представляет выбор вида глагола. В одном из заданий, где требовалось употребить форму будущего времени, у 40 % студентов 3-го курса была зафиксирована форма **будет статья*. Такая форма представляет собой контаминацию аналитической модели будущего времени несовершенного вида и формы совершенного вида. Ошибка показывает, что противопоставление совершенного и несовершенного видов остаётся одной из наиболее сложных зон для иранских учащихся. У студентов 2-го курса грамматические трудности проявились, в частности, в заданиях на выбор глагольной формы и управление. В задании 9 60 % студентов выбрали форму **кончатся* вместо **кончаются*, что свидетельствует о недостаточной дифференциации видо-временных и аспектуальных значений. В задании 12 80 % студентов допустили ошибку при употреблении глагола *надеяться*:

встречались варианты **Над Вашими помошами*, **Вашей помощи* вместо нормативного *На Вашу помощь*. Данный пример особенно показателен, поскольку сочетает трудности предложного управления, падежного оформления и, в ряде случаев, орфографии. Грамматические ошибки в обеих группах можно объяснить как объективной сложностью русской грамматической системы, так и влиянием персидского языка, в котором отсутствует падежная парадигма, аналогичная русской. Для иранских студентов русские падежи часто воспринимаются не как единая система смысловых и синтаксических отношений, а как набор отдельных форм, требующих запоминания.

2. Лексические ошибки

Лексические ошибки были выявлены у 65 % студентов 2-го курса и у 80 % студентов 3-го курса. Их более высокая распространённость в работах студентов 3-го курса связана с характером переводческого задания, в котором учащиеся должны были самостоятельно выбирать русские эквиваленты персидских слов и выражений. У студентов 3-го курса наиболее типичными оказались ошибки, связанные с калькированием и неточным подбором лексического эквивалента. Например, при переводе персидского слова «رطوبت» наряду с нормативным вариантом *влажность* встречались ненормативные или стилистически неудачные формы типа **мокрость*, **веложность*. В этих примерах проявляется как влияние родного языка, так и недостаточная сформированность лексико-семантических связей в русском языке. Показательным является также перевод слова «ابزار», для которого студенты предлагали разные варианты: *приборы*, *инструменты*, *конструкции*, *препараты*. Некоторые из этих слов могут быть нормативными в определённых контекстах, но не всегда соответствуют конкретной коммуникативной ситуации. Следовательно, проблема заключается не только

в незнании слова, но и в недостаточном владении лексической сочетаемостью и контекстуальным выбором эквивалента. У студентов 2-го курса лексические ошибки особенно заметны в заданиях на глаголы движения и глаголы передачи информации. В задании 15 форма *увезла* смешивалась с вариантами *приехала* и *везла*; ошибочные ответы составили 45 %. В задании 20 глагол *прислал* заменялся формой *пришёл*, что было зафиксировано у 65 % студентов. Эти ошибки демонстрируют трудность разграничения направленности действия, способа перемещения и семантики передачи объекта или сообщения. Таким образом, лексические ошибки иранских студентов часто имеют не случайный, а системный характер. Они возникают на пересечении нескольких факторов: буквального перевода с персидского языка, недостаточной практики употребления слов в контексте, слабого владения лексической сочетаемостью и ограниченного контакта с аутентичной русской речью.

3. Синтаксические ошибки

Синтаксические ошибки были зафиксированы у 55 % студентов 2-го курса и у 75 % студентов 3-го курса. Наиболее характерными являются нарушения порядка слов, ошибки в построении сложного предложения, неправильное употребление союзов и трудности при трансформации прямой речи в косвенную. У студентов 3-го курса особенно заметным оказалось влияние персидской синтаксической модели. В одном из переводческих заданий 35 % ответов содержали перенос глагола в конец предложения. Такая структура соответствует типичному порядку компонентов в персидском предложении, но в русском языке в ряде случаев воспринимается как неестественная или стилистически маркированная. Данный тип ошибок можно рассматривать как один из наиболее очевидных примеров синтаксической интерференции.

Значительные трудности вызвали также конструкции с союзом *чтобы*. В соответствующих заданиях 45 % студентов допустили ошибки в оформлении

придаточной части. Ошибки проявлялись в неправильном выборе формы сказуемого, пропуске необходимых элементов, нарушении связи между главным и придаточным предложением. Это показывает, что даже при знании значения союза учащиеся не всегда владеют полной синтаксической моделью русской целевой конструкции. У студентов 2-го курса особенно проблемными оказались задания 19 и 20, связанные с трансформацией прямой речи в косвенную. 30 % студентов сохранили прямую речь без изменений, а ещё 25 % пропустили частицу *ли* в косвенном вопросе, например: **Я спросил друга, часто он ходит в кино* вместо нормативной конструкции *Я спросил друга, часто ли он ходит в кино*.

Подобные ошибки свидетельствуют о том, что служебные слова, не имеющие прямых и устойчивых аналогов в родном языке учащихся, усваиваются медленнее и чаще выпадают из активного письменного употребления. Синтаксические ошибки особенно важны для методического анализа, поскольку они непосредственно влияют на связность и естественность письменной речи. Даже при относительно правильном выборе отдельных слов и форм нарушение синтаксической организации может затруднить понимание текста и снизить его коммуникативную эффективность.

4. Графико-орфографические ошибки

Графико-орфографические ошибки были зафиксированы у 70 % студентов 2-го курса и у 60 % студентов 3-го курса. Несмотря на некоторое снижение показателя у студентов 3-го курса, данная категория сохраняет значительную распространённость и не может рассматриваться как проблема только начального этапа обучения. Наиболее частотными оказались следующие типы ошибок: пропуск мягкого знака, неверное написание безударных гласных, искажение словоформ под влиянием произношения, а также оглушение

конечных согласных на письме. В работах студентов встречались формы типа **поетаму, *сколка, *писме, *запет, *дас, *увзел*.

Некоторые ошибки отражают фонетическое восприятие русской речи, другие связаны с недостаточным знанием орфографических правил или неустойчивостью графического образа слова. Особого внимания заслуживает тот факт, что орфографические ошибки сохраняются даже у студентов 3-го курса. Это означает, что технический навык письма не автоматизируется сам по себе по мере изучения грамматики и перевода. Он требует регулярной, целенаправленной и систематической тренировки, включающей диктанты, письменное воспроизведение текстов, редактирование собственных ошибок и работу с типичными орфографическими моделями русского языка.

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют выделить несколько важных закономерностей, имеющих как теоретическое, так и методическое значение.

1. Доминирование грамматических ошибок и влияние межъязыковой интерференции

Преобладание грамматических ошибок в обеих группах подтверждает, что именно грамматический уровень остаётся наиболее уязвимым при формировании письменной русской речи иранских студентов. Особенно устойчивыми являются ошибки в предложно-падежном управлении и выборе видо-временных форм глагола, что непосредственно связано с системными различиями русского и персидского языков: отсутствие в персидском падежной системы и категории вида, аналогичных русским, приводит к тому, что студенты длительное время воспринимают русские падежи как набор отдельных форм, а не как единую систему смысловых отношений.

2. Зависимость профиля ошибок от типа задания

Сравнение двух групп показывает, что характер задания существенно влияет на профиль ошибок. В переводческих работах студентов 3-го курса заметно увеличивается доля лексических и синтаксических ошибок, поскольку перевод требует самостоятельного выбора слов и перестройки исходной персидской структуры в соответствии с нормами русского языка. В тесте часть языковых средств уже задана, поэтому степень самостоятельности ниже, но отчётливее проявляются ошибки, связанные с распознаванием грамматических моделей и орфографическим оформлением ответа. Следовательно, более высокий процент некоторых ошибок у студентов 3-го курса не обязательно означает регресс; скорее, он показывает, что при переходе от контролируемых заданий к продуктивной письменной деятельности активизируются скрытые трудности.

3. Прямая и косвенная речь как зона повышенной трудности

Особое место среди выявленных трудностей занимает трансформация прямой речи в косвенную. Ошибки в заданиях 19 и 20 показывают, что студенты испытывают затруднения не только при изменении формы высказывания, но и при употреблении служебных элементов, прежде всего частицы *ли* в косвенном вопросе. Служебные слова обладают высокой грамматической нагрузкой, но часто не имеют самостоятельного лексического значения, поэтому они могут восприниматься учащимися как второстепенные и легче выпадать из письменного высказывания. Это наблюдение согласуется с выводами А. Д. Маккензи и Н. Н. Сакальчиковой о трудности усвоения служебных слов иностранными учащимися (Маккензи, Сакальчикова 2019, 85). Для иранской аудитории данная проблема особенно актуальна, поскольку структура косвенного вопроса в русском языке требует не буквального перевода, а перестройки всей синтаксической модели.

4. Устойчивость графико-орфографических ошибок и стратегия избегания

Высокая распространённость графико-орфографических ошибок показывает, что овладение русским письмом требует длительной и системной работы. Для иранских студентов русская графика и орфография представляют двойную трудность: осваивается новая графическая система и одновременно усваиваются орфографические принципы, не всегда совпадающие с произношением. Сохранение таких ошибок на 3-м курсе свидетельствует о том, что работа над техникой письма не должна ограничиваться начальными этапами обучения. Анализ работ также позволяет предположить наличие стратегии избегания: в ряде случаев студенты пропускали сложные задания, сохраняли прямую речь без трансформации или заменяли требуемую конструкцию более простой. Такая стратегия может указывать не на отсутствие знания, а на неуверенность в применении правила в условиях экзамена. Поэтому наряду с коррекцией ошибок необходимо создавать условия для безопасной письменной практики, в которой внимание уделяется не только правильности, но и коммуникативной успешности высказывания.

Заключение

Проведённое исследование позволило описать основные типы ошибок в письменной русской речи иранских студентов-бакалавров и выявить факторы, влияющие на их возникновение. Анализ экзаменационных работ 40 студентов 2-го и 3-го курсов показал, что наиболее распространёнными являются грамматические ошибки, прежде всего нарушения предложно-падежного управления, согласования и выбора видо-временных форм глагола. Результаты подтверждают, что ошибки иранских студентов имеют во многом системный характер и обусловлены взаимодействием структурных различий русского и

персидского языков, недостаточной автоматизацией письменных навыков, спецификой учебной традиции и ограниченным объёмом реальной русскоязычной практики. На основе полученных данных можно сформулировать следующие методические рекомендации.

1. Усилить работу над предложно-падежным управлением, вводя упражнения, основанные на сопоставлении персидской модели выражения отношения и русской предложно-падежной конструкции.

2. Развивать автоматизацию грамматических навыков с помощью серий варьирующихся ситуативных упражнений: подстановки, трансформации, перевода и редактирования ошибочных фрагментов.

3. Систематически обучать глагольному виду, уделяя внимание не только формальному различию, но и коммуникативным функциям совершенного и несовершенного вида.

4. Формировать лексическую сочетаемость, предъявляя новую лексику не изолированно, а в составе типичных словосочетаний и контекстов.

5. Отрабатывать синтаксические модели сложного предложения, прежде всего конструкции с союзами *что*, *чтобы*, *если* и косвенные вопросы с частицей *ли*.

6. Продолжать систематическую работу над орфографией на всех этапах обучения, включая диктанты, саморедактирование и составление индивидуальных орфографических карт.

7. Снижать страх ошибки и развивать письменную продуктивность, включая задания, в которых оценивается не только формальная правильность, но и способность передать смысл и построить связное высказывание.

Ограничения исследования связаны с относительно небольшим объёмом выборки и тем, что материал был собран в рамках одного университета. Кроме того, задания для студентов 2-го и 3-го курсов различались по формату, что не позволяет рассматривать сопоставление как строгое измерение динамики

обучения. Вместе с тем это различие позволило выявить особенности ошибок в разных типах письменной деятельности — тестовой и переводческой.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпуса письменных работ, включении студентов из разных университетов Ирана, проведении лонгитюдного анализа и сопоставлении письменных ошибок на разных этапах обучения. Отдельного внимания заслуживает разработка национально-ориентированных учебных пособий и диагностических материалов, основанных на реальных ошибках иранских студентов.

Литература

- 1- Вертинская О. М., Остапенко А. А. (2019). *Иллюстрированный словарь польско-русских лексических интерферентов* // Сборник статей РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2019. С. 47–52.
- 2- Искандари М. (2012). *Обучение грамматике русского языка на занятиях по РКИ в Иране: проблемы и пути их решения* // Язык и культура. 2012. № 4. С. 34–42.
- 3- Калаши Н. (2013). *Проблемы современного преподавания РКИ в иранских вузах* // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 3. С. 124–128.
- 4- Камелова С. И. (2018). *Об особенностях обучения русской речи иранских студентов* // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. Vol. 3, Issue III. С. 284–287.
- 5- Каховская Ю. В., Маркасова Д. М. (2023). *Обучение письму и письменной речи на русском языке иностранных студентов подготовительных отделений* // Сборник статей. СПб., 2023. С. 156–167.
- 6- Маккензи А. Д., Сакальчикова Н. Н. (2019). *Служебные слова: союз и частица «ли»* // Сборник статей РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2019. С. 85–89.
- 7- Резаи Азин М. (2012). *Современная система обучения РКИ в иранских языковых университетах: проблемы и перспективы* // Русский язык за рубежом. 2012. № 4. С. 37–43.
- 8- Сандалова Т. А. (2019). *К проблеме предупреждения графических ошибок в письменных работах иностранных студентов* // Сборник статей РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2019. С. 108–112.
- 9- Ханджани Л. (2014). *Проблемы обучения русскому языку студентов, изучающих русский язык в Иране* // Научно-образовательный центр «Знание». 2014. С. 206–208.

- 10- Эстири М., Сиями Эйдляк Х. (2021). *Проявление межъязыковой интерференции при использовании надежей студентами Ирана* // Преподаватель XXI век. 2021. № 3, Ч. 1. С. 179–186.
- 11- Ян Лифэн. (2023). *Обучение китайских студентов письменной монологической речи с использованием современных интерактивных технологий*: дис. ... канд. пед. наук. М., 2023. 162 с.
- 12- Siyami Eidlak K. (2019). *Features of phonetic interference in the Russian speech of Iranian students* // Applied and Mathematical Linguistics. 2019. Vol. 12, Issue 7. С. 45–53.

Bibliography

- 1- Vertinskaia O. M., Ostapenko A. A. (2019). *Illustrirovannyi slovar' pol'sko-russkikh leksicheskikh interferentov* // Sbornik statei RGPU im. A. I. Gertsena. SPb., 2019. S. 47–52.
- 2- Iskandari M. (2012). *Obuchenie grammatike russkogo iazyka na zaniatiakh po RKI v Irane: problemy i puti ikh resheniia* // Iazyk i kul'tura. 2012. № 4. S. 34–42.
- 3- Kalashi N. (2013). *Problemy sovremennogo prepodavaniia RKI v iranskikh vuzakh* // Vestnik TsMO MGU. 2013. № 3. S. 124–128.
- 4- Kamelova S. I. (2018). *Ob osobennostiakh obucheniia russkoi rechi iranskikh studentov* // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. Vol. 3, Issue III. S. 284–287.
- 5- Kakhovskaia Iu. V., Markasova D. M. (2023). *Obuchenie pis'mu i pis'mennoi rechi na russkom iazyke inostrannykh studentov podgotovitel'nykh otdelenii* // Sbornik statei. SPb., 2023. S. 156–167.
- 6- Makkenzi A. D., Sakal'chikova N. N. (2019). *Sluzhebnye slova: soiuz i chastitsa «li»* // Sbornik statei RGPU im. A. I. Gertsena. SPb., 2019. S. 85–89.
- 7- Rezai Azin M. (2012). *Sovremennaia sistema obucheniia RKI v iranskikh iazykovykh universitetakh: problemy i perspektivy* // Russkii iazyk za rubezhom. 2012. № 4. S. 37–43.
- 8- Sandalova T. A. (2019). *K probleme preduprezhdeniia graficheskikh oshibok v pis'mennykh rabotakh inostrannykh studentov* // Sbornik statei RGPU im. A. I. Gertsena. SPb., 2019. S. 108–112.
- 9- Khandzhani L. (2014). *Problemy obucheniia russkomu iazyku studentov, izuchaiushchikh russkii iazyk v Irane* // Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr «Znanie». 2014. S. 206–208.
- 10- Estiri M., Siyami Eidlak Kh. (2021). *Proiavlenie mezh"iazykovoï interferentsii pri ispol'zovanii padezhei studentami Irana* // Prepodavatel' XXI vek. 2021. № 3, Ч. 1. С. 179–186.

- 11- Ian Lifen. (2023). *Obuchenie kitaiskikh studentov pis'mennoi monologicheskoi rechi s ispol'zovaniem sovremennykh interaktivnykh tekhnologii*: dis. ... kand. ped. nauk. M., 2023. 162 s.
- 12- Siyami Eidlak K. (2019). *Features of phonetic interference in the Russian speech of Iranian students* // Applied and Mathematical Linguistics. 2019. Vol. 12, Issue 7. S. 45–53.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Gholamy, H., & Fallahi, A. (2026). TYPICAL ERRORS OF IRANIAN STUDENTS IN WRITTEN RUSSIAN: A COMPREHENSIVE ANALYSIS BASED ON EXAMINATION PAPERS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 11-32.

DOI: 10.66224/IARLL.28.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/419>

خطاهای معمول دانشجویان ایرانی در گفتار نوشتاری روسی: تحلیلی جامع بر پایه برگه‌های امتحانی

حسین غلامی^{*۱}

استاد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشکده زبان‌ها و ادبیات خارجی، دانشگاه تهران، تهران، ایران.

علی فلاحی^۲

دانشجوی کارشناسی ارشد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشکده زبان‌ها و ادبیات خارجی، دانشگاه تهران، تهران، ایران

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۶)

چکیده

پژوهش حاضر به تحلیل جامع خطاهای نوشتاری معمول در گفتار روسی دانشجویان ایرانی در مقطع کارشناسی می‌پردازد. مواد پژوهش شامل ۴۰ برگه امتحانی از دانشجویان سال دوم و سوم دانشگاه تهران است و خطاها در چهار دسته دستوری، واژگانی، نحوی و نگارشی-املائی بررسی شده‌اند. نتایج نشان می‌دهد که خطاهای دستوری، به‌ویژه در حیطه مدیریت حروف اضافه و حالت و نیز انتخاب وجه و زمان فعل، بیشترین فراوانی را دارند. همچنین الگوی خطاها به نوع تمرین بستگی دارد: ترجمه تولیدی مشکلات واژگانی-نحوی بیشتری را آشکار می‌سازد، درحالی‌که آزمون بسته خطاهای املائی را برجسته‌تر می‌کند. یافته‌ها ماهیت نظام‌مند خطاها را که ناشی از تداخل بین‌زبانی و خودکارنشدن مهارت‌های نوشتاری است تأیید می‌کنند و مقاله توصیه‌هایی روش‌شناختی برای تدریس زبان روسی به فارسی‌زبانان ارائه می‌دهد.

واژگان کلیدی: زبان روسی به‌عنوان زبان خارجی، دانشجویان ایرانی، گفتار نوشتاری، تداخل بین‌زبانی، تحلیل خطا، مدیریت حروف اضافه و حالت، روش‌شناسی آموزش.

1. E-mail: hgholamy@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6343-2690>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

2. E-mail: ali.fallahi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0009-0001-5381-6949>

PREVENTING AND CORRECTING STUDENT ERRORS WHEN COMPLETING INDEPENDENT ASSIGNMENTS

Nagzibekova Mehriniso Bozorovna^{1*}

Doctor of Philological Sciences, Professor, Tajik National University
Dushanbe, Tajikistan

Ruzieva Lola Tolibovna²

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Tajik National University
Dushanbe, Tajikistan

Ergasheva Shakhnoza Kuganovna³

Senior Lecturer, A. Rudaki Kulyab State University
Kulyab, Tajikistan

(date of receiving: January, 2026; date of acceptance May, 2026)

Abstract

The article discusses how the existing methodology addresses the issue of error prevention and correction, as well as other aspects of spelling instruction, by understanding spelling skill as a skill that develops not mechanically, but through students' conscious activity. At the same time, the methodology addresses the issue of errors based on a number of factors: the nature of the errors, the stage of mastering the spelling rule, and their individual characteristics. The problems and difficulties students encounter when completing independent assignments touch upon a wide range of both academic and personal aspects. One of the most common difficulties is a lack of self-organization. Students often struggle to manage their time effectively, especially if they combine studying with work or other responsibilities. The lack of a clear plan, a tendency to procrastinate, and an inability to prioritize can significantly reduce the effectiveness of independent work. Significant difficulties also arise when students lack the necessary knowledge and skills. This may be due to gaps in students' previous learning, poor grasp of theoretical material, or a lack of knowledge about how to approach the assignment: where to look for information, how to analyze it, or how to format an answer correctly. This problem is especially acute when completing assignments that require an analytical or creative approach, if the student lacks confidence in their abilities.

Keywords: Errors, Correction, Independent Work, Skill, Methodology, Competence.

1. E-mail: mnagzibekova55@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5610-6655>

* Corresponding author

2. E-mail: akila.ru@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0561-5722>

3. E-mail: shahnozaer@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0561-5722>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК СТУДЕНТОВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна^{1*}

Доктор филологических наук, профессор,
Таджикский национальный университет
Душанбе, Таджикистан

Рузиева Лола Толибовна²

Доктор педагогических наук, профессор,
Таджикский национальный университет
Душанбе, Таджикистан

Эргашева Шахноза Кугановна³

старший преподаватель,
Кулябский государственный университет имени А. Рудаки
Куляб, Таджикистан

(дата получения: январь 2026 г., дата принятия: май 2026 г.)

Аннотация

В статье говорится о том, что существующая методика подходит к решению вопроса о предупреждении и исправлении ошибок, как и к другим вопросам обучения правописанию, на основе понимания орфографического навыка, как образующегося не механическим путем, а в результате сознательной деятельности студентов. Вместе с тем методика разрешает вопрос об ошибках в зависимости от ряда факторов: характера ошибок, этапа усвоения орфографического правила, их индивидуальных особенностей. Проблемы и затруднения, с которыми сталкиваются студенты при выполнении самостоятельных заданий, затрагивают широкий спектр как учебных, так и личностных аспектов. Одной из наиболее распространённых трудностей является недостаточная самоорганизация. Студентам зачастую сложно грамотно распределить своё время, особенно если они совмещают учёбу с работой или другими обязанностями. Отсутствие чёткого плана, склонность к откладыванию дел на последний момент и неспособность расставить приоритеты могут существенно снизить эффективность самостоятельной работы. Существенные трудности возникают и в тех случаях, когда у студента не хватает необходимых знаний и навыков. Это может быть связано с пробелами студентов в предыдущем обучении, слабо усвоенным теоретическим материалом или с тем, что студент не знает, как подступиться к заданию: где искать информацию, как её анализировать, как правильно оформлять ответ. Особенно остро такая проблема проявляется при выполнении заданий, требующих аналитического или творческого подхода, если студент не чувствует уверенности в своих силах.

Ключевые слова: ошибки, исправление, самостоятельная, работа, навык, методика, компетенция.

1. E-mail: mnagzibekova55@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5610-6655>

* Ответственный автор

2. E-mail: akila.ru@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0561-5722>

3. E-mail: shahnozaer@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0561-5722>

Введение

Проблемы и затруднения, с которыми сталкиваются студенты при выполнении самостоятельных заданий, затрагивают широкий спектр как учебных, так и личностных аспектов. Одной из наиболее распространённых трудностей является недостаточная самоорганизация. Студентам зачастую сложно грамотно распределить своё время, особенно если они совмещают учёбу с работой или другими обязанностями. Отсутствие чёткого плана, склонность к откладыванию дел на последний момент и неспособность расставить приоритеты могут существенно снижать эффективность самостоятельной работы.

Существенные трудности возникают и в тех случаях, когда у студента не хватает необходимых знаний и навыков. Это может быть связано с пробелами в предыдущем обучении, слабо усвоенным теоретическим материалом или с тем, что студент не знает, как подступить к заданию: где искать информацию, как её анализировать, как правильно оформлять ответ. Особенно остро такая проблема проявляется при выполнении заданий, требующих аналитического или творческого подхода, если студент не чувствует уверенности в своих силах.

Психологические барьеры также являются серьёзным препятствием. Многие студенты испытывают страх перед ошибкой, тревожность из-за сроков сдачи и сомнения в своих способностях. Это может привести к снижению мотивации, эмоциональному выгоранию и даже отказу от выполнения задания. К тому же, если преподаватель не даёт чётких и понятных инструкций или не предоставляет обратную связь, студент может чувствовать себя потерянным, не зная, в правильном ли направлении он движется (Шмидт, 2010).

Вопрос об ошибках о предупреждении и исправлении их, а также о приемах работы над ними тесно связывается с другими методическими вопросами обучения студентов правописанию. То или иное понимание этого

вопроса, наряду с другими методическими вопросами, определенным образом характеризует систему обучения студентов правописанию. Сторонники разных методических направлений, имевших место в истории обучения орфографии, выдвигали разные системы обучения правописанию, в зависимости от понимания психологической природы орфографического навыка; в соответствии с предлагавшейся системой они решали и вопрос об ошибках (Аникина, 2017)

Основная часть

Существующая методика подходит к решению вопроса о предупреждении и исправлении ошибок, как и к другим вопросам обучения правописанию, на основе понимания орфографического навыка, как образующегося не механическим путем, а в результате сознательной деятельности студентов. Вместе с тем методика разрешает вопрос об ошибках в зависимости от ряда факторов: характера ошибок, этапа усвоения орфографического правила, их индивидуальных особенностей.

Вся организация и вся методическая система обучения грамотному письму, если они правильные, предупреждают орфографические ошибки студентов. Но речь идет в данном случае о предупреждении ошибок не в широком плане, а применительно к отдельным случаям проведения тех или других видов письменных работ. Вопрос о предупреждении ошибок в самостоятельных письменных работах студентов включает два аспекта: 1) все ли ошибки надо предупреждать, 2) каковы способы предупреждения ошибок.

Методика обучения правописанию, признавая единственно правильным формирование орфографических навыков на основе деятельности мышления, считает необходимым, где только возможно, доводить студента до осознания тех или иных правил, а не механически подсказывать их ему. Вместе с тем вопрос о предупреждении ошибок не может быть снят. Необходимость

предупреждения ошибок вытекает из установленного выше положения о факторах усвоения правил разных типов. Так как для большинства студентов почти все слова для письма являются новыми, то предупреждение ошибок является особо важным средством обучения грамотному письму. Но хотя грамматические занятия занимают большое место в общей системе работы по языку и усвоение орфографических навыков опирается на грамматические знания, тем не менее, и здесь предупреждение ошибок имеет свое значение (Смирнова, 2016).

Во-первых, в опыт студентов вводится значительное количество слов, написание которых не подчиняется правилам и усваивается зрительно-моторным путем. Следовательно, при написании этих слов студент лишен возможности проконтролировать свое письмо. А всякое не подчиняющееся правилу слово, неверно написанное, может способствовать укреплению навыка неправильного написания. Поэтому, если у преподавателя нет уверенности, что студенты верно могут написать слово, относящееся к этой группе правил, лучше предупредить неправильное написание.

Во-вторых, студенты пользуются словами на новые правила и тоже делают ошибки, которые также могут закрепляться зрительно-моторной памятью. И в этих случаях целесообразно предупредить неправильное написание слов, чтобы в дальнейшем не пришлось переучивать студентов.

В-третьих, при самостоятельном изложении студентами мыслей преподаватель предупреждает ошибки на правило, хотя уже и известное студентам, но еще недостаточно ими усвоенное. Если внимание студента направлено на содержание, последовательность изложения и на стилистическое оформление, он при несформированном навыке письма данных слов может допустить ошибку. Поэтому в данном случае предупреждение ошибки имеет обоснование. Но само собой разумеется, что далеко не всегда ошибки на изученные правила следует предупреждать.

Необходимо, чтобы студенты научились сами себя контролировать при письме. Предупреждение ошибок организуется так, чтобы оно не освобождало студента от самоконтроля, а развивало и укрепляло в нем этот навык (Рузиева 2025.107).

Меры предупреждения ошибок можно указать следующие.

1. При письме студенты при затруднении обращаются к преподавателю с вопросом, как надо писать слово. Для этого создаются такие взаимоотношения студента и преподавателя, при которых студенты могут обращаться к преподавателю во всех затруднительных случаях (хотя бы и при письме на пройденные правила), не боясь получить от него упрек за свое незнание. В зависимости от характера правила, по поводу которого студент обращается к преподавателю, а также от индивидуальных возможностей этого студента, преподаватель выбирает тот или иной прием оказания ему помощи: он может натолкнуть студента на правило, дать контрольное слово, иногда заставить произнести слово по слогам, провести аналогию, воспроизвести весь тот ход рассуждения, который приучает к самоконтролю при письме, или рекомендовать обратиться за справкой к той или иной таблице или к словарю.

2. Очень важно, чтобы студенты привыкли обращаться в случае затруднений к орфографическому словарю не только на занятиях русского языка, но и на других занятиях. Эта привычка особенно нужна в целях предупреждения ошибок в домашних работах студентов.

3. Перед самостоятельной работой студентов (эссе, сочинение по картине и пр.) преподаватель проецирует заведомо трудные по написанию слова на электронную доску. Преподаватель не обязывает всех студентов пользоваться ими, но те студенты, которые введут эти слова в свою работу, смогут написать их уже безошибочно.

4. Полезно проецировать на электронную доску слова, которые являются довольно употребительными в речи и в то же время затруднительными для

студентов по написанию. Эти слова берутся преимущественно из числа уже знакомых студентам слов, написание которых не проверяется правилами.

5. Проецируются также таблицы, в том или ином виде воспроизводящие орфографические правила или напоминающие о нем. Например,

- а) жи-, ши- пиши с И: *лыжи, машина.*
- б) Проверяйте ударением безударные гласные: *горка – гора, белый – бельё.*
- в) 2-е склонение 3-е склонение Муж. Род Жен. Род сторож рожь луч
ночь камыш мышь товарищ помощь
- г) 1-е спряжение 2-е спряжение –УТ -ЮТ-; -АТ -ЯТ

Чем выше качество методической работы по обучению студентов грамотному письму, тем меньше ошибок они допускают. Тем не менее, даже при высоком качестве обучения правописанию ошибки в тетрадях студентов наблюдаются. Формирование и развитие навыков грамотного письма - процесс сложный, требующий систематических тренировочных упражнений на протяжении более или менее длительного периода. Вполне понятно, что пока у студентов навык письма слов по тому или иному орфографическому правилу не сформирован, ошибки в этих словах наблюдаются. Поэтому вопрос об исправлении ошибок не может быть исключен из круга других методических вопросов, связанных с обучением орфографии (Воронова, 2018).

Опыт свидетельствует, что нередко те или иные ошибки у разных групп студентов имеют устойчивый характер. Успех борьбы с орфографическими ошибками в большой мере зависит от знания преподавателем причин, порождающих ошибки у студентов. При этом условии преподаватель имеет возможность установить в каждом конкретном случае наиболее рациональные пути борьбы с ошибками. Причины орфографических ошибок студентов разнообразны. Поэтому не всегда легко вскрыть истинную причину тех или других ошибок, допущенных студентами. Но это посильно для преподавателя,

который хорошо знает всех своих студентов, причем знает не только пробелы и недостатки в овладении учебным материалом у отдельных студентов, но знает также индивидуальные особенности развития их, способности, свойства их характеров, нервной системы.

Каковы же основные причины ошибок студентов при письме?

а) Студент не знает или знает недостаточно четко орфографическое правило, на которое допускает ошибки.

б) У студента нет твердых знаний тех основ грамматики, на которые опирается какое-либо орфографическое правило.

Так, студент может твердо помнить правило об окончаниях –Ы-, -И- в родительном и –Е- в дательном и предложном падежах существительных 1-го склонения и, тем не менее, вследствие неумения распознавать падежи, допускает ошибки в этих написаниях. Или: зная правило проверки написания слов с безударными гласными, студент делает ошибки из-за того, что не умеет найти ударение в слове.

в) У студента не сформировано умение применять правило в практике письма. Он может владеть грамматическими знаниями, хорошо помнить формулировку правила и все же делать ошибки. Студент не контролирует написание, все ему кажется ясным без проверки, но так как навык его далек от автоматизации, он допускает ошибки. Это ослабление или даже отсутствие самоконтроля наблюдается часто именно при самостоятельном изложении детьми мыслей, когда внимание их отвлечено от орфографии в сторону содержания и стилистического оформления мыслей.

г) Студент пользуется ложной аналогией, прибегает к ложному обобщению. Например, пишет *учиник* по аналогии с *преподаватель*, *вскачил* по аналогии со словами *скачет*, *в тетраде* по аналогии с написанием *в тетрадке*.

д) Студент не понимает или понимает не совсем точно смысл слова, сочетания слов или целого предложения. Иногда при письме под диктовку он просто не узнает слово, по-своему осмысливает его и применяет несоответствующее правило.

е) Ошибочное написание слова может быть следствием дефектов речи пишущего или недостаточного развития у него речевого слуха. Как известно, эти недостатки часто служат причиной пропусков букв, замен их другими.

ж) Источником ошибок могут быть индивидуальные психологические особенности студентов, свойства их нервной системы. Например, в письме под диктовку отдельные студенты отстают иногда в темпе письма от других, потому что один медленнее думает, другой отличается неустойчивостью внимания и пр. Стремясь догнать товарищей, эти студенты пишут, не прибегая ни к какой самопроверке, и поэтому допускают ошибки.

Существующая методика обучения правописанию рассматривает исправление ошибок не как самоцель, а как средство борьбы с ошибками, как одно из важнейших средств обучения студентов грамотному письму (Калугина, 2014). Поэтому не может быть случайным ни выбор способов исправления преподавателем ошибок в тетрадях студентов, ни выбор приемов работы студентов над ошибками. Чем же руководствуется преподаватель при выборе способов исправления ошибок?

Во-первых, преподаватель стремится, как говорилось выше, выявить причину ошибки, допущенной студентом.

Во-вторых, учитывается характер ошибки: связана ли она с правилами морфологического характера, или фонетического, или же допущена в слове, написание которого не проверяется правилами.

В-третьих, учитывается стадия усвоения орфографического правила, на которое допущена ошибка: на начальной стадии изучения правила

преподаватель может сам исправить ошибку; если же оно изучено давно, преподаватель может рассчитывать на исправление ее самим студентом.

В-четвертых, преподаватель принимает во внимание индивидуальные особенности студента: один студент может самостоятельно исправить ошибку, а другого надо натолкнуть на исправление, поставив, например, наводящий вопрос.

С учетом всех этих данных преподаватель и выбирает способы исправления ошибок в тетрадях студентов. Преподаватель исправляет ошибки, допущенные студентами на незнакомые им правила. Преподавателем исправляются ошибки в тех случаях, когда усвоение правильного написания слова опирается на зрительное восприятие и зрительную память (сочетания ЖИ, ШИ; слова с непроверяемыми безударными гласными).

В практике чаще всего применяется, независимо от характера ошибки, такой прием исправления: неправильно употребленная буква зачеркивается, над ней пишется правильная буква. Однако этот способ исправления ошибки не всегда оправдан. Вызывает сомнение его применение при исправлении ошибок в словах, написание которых усваивается зрительным путем. Несмотря на перечеркивание ошибочное написание все-таки еще раз запоминается, так как оно воспринимается студентом в более благоприятных для усвоения условиях: он видит его в составе слова. Поэтому ошибочное написание исправляется, по возможности, в самом слове, чтобы студент воспринимал данное слово в правильном виде. Например, при наличии ошибки в слове *собака* (*сабака*) преподаватель пишет букву *о* на букве *а*. Затем исправленное слово преподаватель пишет в тетради под выполненной студентом работой. При исправлении ошибок в словах преподаватель обычно прибегает к приемам, активизирующим умственную деятельность студентов. Он зачеркивает ошибочно написанную букву и делает условную пометку *сл* над ней или на полях. Этот условный знак требует от студентов проверки

написания слова в словаре. При исправлении ошибок в написаниях, проверяемых правилами, преподаватель пользуется такими способами исправления, которые наталкивают студентов на размышления об основаниях для написания слова. К числу таких способов относятся следующие.

а) Зачеркивание ошибки с записью на полях слова, помогающего своей формой определить, как надо написать слово (прием аналогии).

Примеры: ... *про(з)ьба просить* ... *под(о)вать подать* ... *купа(т)ся купать* ... *красн(а)го молодого* ... *ска(с)ки сказывать* ... *на крыш(и) на доске*.

б) Зачеркивание ошибки без исправления ее и постановка вопроса (над словом или на полях), помогающего студенту выяснить нужную форму написания.

Примеры: ... *купае(ть)ся что делает?* ... *надо занима(т)ся* ... *в нов(ы)м доме что делать?* *в каком?* ... *берег речк(е) чего?* ... *осв(и)тило какой корень?*

в) Зачеркивание ошибки и указание на грамматическую форму данного слова, требующую иного написания. Например: 2-е скл. ... *луч(ь)* 3-е скл. ... *на площад(е)* ... *берег речк(е)* род. пад. ... *за стар(о)м домом* Тв. пад. ... *надо отправи(т)ся* неопр. ф.

г) Зачеркивание ошибки и подчеркивание ее без всяких указаний тоже возможно в случаях, когда она допущена в написании на хорошо знакомое студенту правило.

д) Простое подчеркивание практикуется и в случаях пропуска буквы в слове, легко обнаруживаемого при произнесении слова в целом или по слогам: *календар (календарь), отправился (отправился), вечерий (вечерний)*.

Все эти способы рассчитаны на умственную активность студентов, все они требуют от них той или иной степени самостоятельности. Поэтому работа

студентов над ошибками в этих случаях требует от преподавателя особенно тщательного руководства и контроля.

Специальные уроки работы над ошибками достигают своей цели только в том случае, если материал занятия систематизирован, последовательность работы на занятии и методические приемы тщательно продуманы преподавателем. Вряд ли можно считать ценным такой урок работы над ошибками, когда по порядку читаются предложения из текста, указываются ошибки и устанавливаются правильные написания. Недостаток этого занятия в том, что поскольку ошибки в предложениях носят различный характер, студентам приходится непрерывно переключать свое внимание с одного правила на другое. Это ведет к неглубокому, поверхностному разбору ошибок, при котором знания студентов не систематизируются и не закрепляются. Значительно продуктивнее занятие, на котором работа над ошибками проводится в определенной системе, намеченной преподавателем. Проверив работы студентов, преподаватель производит качественный учет ошибок, он группирует их в зависимости от того, на какие правила они допущены, и отмечает те группы ошибок, которые являются типичными в данном случае и над которыми, следовательно, надо особенно поработать на занятии.

Работа над ошибками обычно начинается с того, что преподаватель дает общую характеристику результатов контрольной диктовки. Он указывает, на какие правила студенты не сделали ошибок, на какие правила, напротив, ошибки допущены. При этом преподаватель подчеркивает достижения средних и отстававших студентов, а также указывает, если это имеет место, на небрежное письмо или на наличие ошибок, допущенных явно из-за невнимания, у сильных студентов. После этого раздаются тетради, и происходит общее ознакомление с исправлениями и пометками преподавателя в тетрадях. Затем начинается коллективная работа над ошибками под руководством преподавателя. Работа приобретает более четкий характер, если

преподаватель сначала обращает внимание студентов на фонетические ошибки, потом на ошибки морфологического характера или наоборот. Работа начинается обычно с тех правил, которые являются основными в данной диктовке. Например, если проверка предполагала, прежде всего, усвоение студентами правописания падежных окончаний существительных 3-го склонения в сопоставлении с падежными окончаниями 1-го склонения, то и работа начинается с анализа морфологических ошибок и в первую очередь ошибок на падежные окончания. Преподаватель предлагает студентам найти в тексте случаи употребления существительных 3-го склонения в дательном и предложном падежах. Студенты находят эти формы и указывают их написание.

В работе, таким образом, принимают активное участие не только те студенты, которые допустили ошибки, но и все остальные. Преподаватель уделяет особое внимание студентам, допустившим ошибки. Ошибки на данное правило исправляются. Параллельно отыскиваются формы дательного и предложного падежей существительных 1-го склонения. Затем студенты сами придумывают примеры на падежные формы существительных 3-го склонения; один-два примера записываются. Далее преподаватель переходит к другим правилам, в которых есть ошибки, например, к родовым окончаниям прилагательных. Последовательно определяется их род, число, окончание, подбираются аналогичные примеры. Некоторые сочетания прилагательных с существительными записываются. Если допущены ошибки на безударные гласные в корнях, студентам предлагается в тех или иных предложениях найти слова с безударным гласным в корне и подобрать проверочное слово. Проводится небольшая письменная работа по подбору однокоренных слов к тому или иному слову. Такого рода письменная работа может проводиться и по отношению к слову с непроверяемой безударной гласной, если ошибка в нем допущена не одним студентом. Как видно из приведенных примеров, к

активному участию в работе привлекаются не только допустившие ошибки в данной диктовке, но и все другие.

Работа над орфографическими правилами, на которые допущены ошибки, находит место на ближайших занятиях при орфографическом разборе, при проведении диктовок и другого рода орфографических упражнений обучающего характера. Если ошибки были допущены в знакомых словах, написание которых не проверяется правилами, преподаватель включает эти слова в предложения для грамматического разбора, дает их студентам для склонения, спряжения, для подбора к ним однокоренных слов, включает их в тексты диктовок и пр. Однако коллективная работа над ошибками не устраняет необходимости индивидуальной работы студентов именно над своими ошибками. Преподаватель, работая со студентами, постоянно имеет в виду их индивидуальные ошибки и пробелы в правописании. Тетрадь учета ошибок студентов всегда под рукой у преподавателя. У студентов иногда имеются специальные тетради-словарики для записи слов, в которых были допущены ошибки. В этих тетрадках-словариках отводится по страничке на каждое из изученных правил, а также страничка на слова с непроверяемыми правилами. На соответствующей страничке студент записывает слово, в котором допустил ошибку, в той грамматической форме, в какой следовало употребить его в письменной работе. Если слово стояло, например, в дательном падеже, то и записывается оно в этом же падеже вместе со словом, которое им управляет (*обрадовался книге или подошел к пристани*). Слово с безударным гласным, глухим или звонким согласным, нуждающимся в проверке, записывается обычно с проверочным словом (*ловит - изловил, сладость - сладкий*).

Для индивидуальной работы студентов над правилами, которые ими недостаточно прочно усвоены, преподаватели нередко используют презентации, содержащих разного рода упражнения («контрольное»

списывание, списывание с подбором проверочных слов, с указанием грамматических форм и пр.). Подобного рода презентации создаются самими преподавателями. Индивидуальная работа по презентациям дается в качестве домашних заданий, а также время от времени проводится и в аудитории. Успех работы над ошибками у каждого отдельного студента в большой мере зависит от сознательного отношения его к своим ошибкам и от его активного желания избавиться от этих ошибок. Поэтому очень важен в этом деле педагогический такт преподавателя. Упреки и возмущение преподавателя в адрес студентов, делающих много ошибок, постоянные указания на плохое состояние навыка грамотности у отдельных студентов, конечно, не могут дать никаких положительных результатов. Такое отношение преподавателя не мобилизует, а, напротив, подавляет у студента волю к преодолению орфографических трудностей, лишает его веры в свои силы и возможности, и он часто вовсе перестает работать.

Наоборот, когда преподаватель, учитывая индивидуальные особенности студента, спокойно, терпеливо и настойчиво помогает ему избавиться от ошибок, поощряет всякое скромное достижение его и внушает студенту уверенность в его силах, результат получается иной. Студент чувствует доброжелательное отношение преподавателя, ощущает его помощь, и у него появляется стремление избавиться от ошибок. Он не боится лишний раз обратиться к преподавателю с вопросом, зная, что в ответ не услышит упрека, а получит реальную помощь.

Учет орфографической грамотности студентов имеет целью выяснить наиболее слабо усвоенные случаи правописания как у отдельного студента, так и у всей аудитории в целом. Только знание слабых мест дает возможность преподавателю правильно организовать работу по устранению недочетов, имеющихся у группы или у отдельных студентов. Учет состояния орфографической грамотности группы осуществляется преподавателем

повседневно в текущей работе. Преподавателю приходится ежедневно проверять письменные работы студентов, выполняемые ими в аудитории и дома. Поэтому у него складывается достаточно ясное представление о степени овладения тем или иным орфографическим материалом разными студентами. Кроме того, общее состояние навыков грамотности у студентов, а также степень практического усвоения ими отдельных орфографических правил проверяется путем проведения контрольных работ (Рузиева 2025.108).

Для этих целей обычно применяется контрольный диктант. Для контрольного диктанта чаще используется связный текст, а не отдельные предложения. Связный текст создает более спокойную обстановку работы для студентов: текст прочитывается преподавателем, после чего содержание текста уже не отвлекает внимания студентов в сторону. Отдельные же предложения, наполненные разным содержанием, неизбежно переключают внимание студента с одного предмета на другой и тем мешают сосредоточению его внимания на орфографической стороне. Кроме того, диктантом проверяется степень готовности студентов к самостоятельному письму. После проверки контрольных работ студентов преподаватель производит точный учет ошибок, допущенных аудиторией и отдельными студентами, чтобы затем на основе этого учета наметить рациональные пути устранения недочетов. Практикуются два вида учета: количественный и качественный. Количественный учет представляет собою сводку, в которой указывается, сколько студентов не сделало ошибок, сколько сделало одну ошибку, сколько две и т.д. Качественный учет ошибок имеет целью выявить число ошибок по их отдельным видам (на безударные гласные, разделительный Ъ, падежные окончания существительных и пр.). Этот вид учета в одних случаях нужен преподавателю для того, чтобы определить, в каких правилах студенты отстают. Для этого учета составляется табличка правил, знакомых студентам, и в нее заносится количество ошибок на каждый

отдельный вид их. В других случаях такой же учет проводится не только по отношению к аудитории в целом, но и по отношению к каждому студенту в отдельности. В таблице против имени каждого студента в соответствующих рубриках отмечается, сколько он/она сделал(-а) ошибок на то или другое правило. Затем производится подсчет ошибок по каждому правилу.

Показатели учета ошибок

№	Фамилии студентов	Виды ошибок
1	Ситора М.	Орфографическая-1, пунктуационная-5
2	Комил С.	Грамматическая-1
3	Сорбон А.	Орфографическая-2
4	Махина Ю.	Лексическая-1, стилистическая-1
5	Акобир К.	Пунктуационная-1
6	Дилдора Р.	Орфографическая-6, грамматическая-3
7	Умед Н.	Фактическая-1
8	Фатима С.	Стилистическая-1
9	Баходур Дж.	Орфографическая-4, пунктуационная-6
10	Нигина Х.	Грамматическая-1
11	Зоир Б.	Орфографическая-4
12	Хушнуд И.	Лексическая-2
13	Шахноза Т.	Стилистическая-3, пунктуационная-6
14	Далер К.	Фактическая-3
15	Арниса Г.	Орфографическая-2, стилистическая-1
16	Исмоил Ш.	Пунктуационная-4
17	Манижа С.	Грамматическая-4, орфографическая-2
18	Ардашер И.	Лексическая-6
19	Зилола Р.	Стилистическая-3
20	Томирис Ю.	Орфографическая-4, пунктуационная-2

Заключение

Сопоставляя итоговые данные этого учета с результатами предшествующего контрольного диктанта, преподаватель тем самым выясняет, насколько группа и отдельные студенты продвинулись вперед в усвоении тех или других правил. Важно, однако, заметить, что результат диктанта может в известной степени зависеть от большого или малого количества возможных ошибок в тексте. Поэтому при сопоставлении количества ошибок группы (или студента) на одно и то же орфографическое правило нельзя не принимать во внимание соотношение числа сделанных ошибок с числом возможных ошибок. Без учета этих данных показатели продвижения или отставания студентов в усвоении тех или других правил могут оказаться неточными.

Таким образом, выполнение самостоятельных заданий требует от студента не только определённого уровня знаний, но и развитых навыков планирования, самодисциплины, критического мышления и уверенности в себе. Преодоление указанных трудностей возможно при условии комплексного подхода со стороны как самого обучающегося, так и образовательной среды, которая должна быть ориентирована на поддержку, сопровождение и развитие самостоятельности.

Литература

- 1- Аникина, Н.П. (2017). *Методика преподавания русского языка как иностранного: лексика и грамматика*. В книге: Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Москва: Логос. 2017. С.13-20.
- 2- Воронова, Н. В. (2018). *Самостоятельная работа студентов как средство повышения языковой компетенции*. Москва: Изд-во МГПУ. 2018. 142с.
- 3- Калугина, Н.С. (2014). *Организация самостоятельной работы студентов при изучении русского языка как иностранного: теория и практика*. Санкт-Петербург: Лань. 2014. 201с.

- 4- Рузиева Л.Т. (2025). *Трудные случаи для студентов вопроса о постановке точки с запятой*. Вестник Таджикского национального университета. Сино. ТНУ. 2025. №5. С. 106-111.
- 5- Смирнова, И.В. (2016). *Обучение русскому языку на основе самостоятельной работы студентов: лексико-грамматические упражнения*. Санкт-Петербург: Невский Литератор. 2016. 148с.
- 6- Шмидт, Р. (2010). *Теория и практика обучения второму языку: как помочь студентам учить язык самостоятельно*. Москва: РГГУ. 2010.124с.

Bibliography

- 1- Anikina, N.P. (2017). *Metodika prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo: leksika i grammatika*. V knige: Novoe v teorii i praktike opisaniia i prepodavaniia russkogo iazyka. Moskva: Logos. 2017. S.13-20.
- 2- Voronova, N. V. (2018). *Samostoiatel'naia rabota studentov kak sredstvo povysheniia iazykovoï kompetentsii*. Moskva: Izd-vo MGPU. 2018. 142s.
- 3- Kalugina, N.S. (2014). *Organizatsiia samostoiatel'noi raboty studentov pri izuchenii russkogo iazyka kak inostrannogo: teoriia i praktika*. Sankt-Peterburg: Lan'. 2014. 201s.
- 4- Ruzieva L.T. (2025). *Trudnye sluchai dlia studentov voprosa o postanovke točki s zapiatoi*. Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta. Sino. TNU. 2025. №5. S. 106-111.
- 5- Smirnova, I.V. (2016). *Obuchenie russkomu iazyku na osnove samostoiatel'noi raboty studentov: leksiko-grammaticheskie uprazhneniia*. Sankt-Peterburg: Nevskii Literator. 2016. 148s.
- 6- Shmidt, R. (2010). *Teoriia i praktika obucheniia vtoromu iazyku: kak pomoch' studentam učit' iazyk samostoiatel'no*. Moskva: RGGU. 2010.124s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Nagzibekova, M., Ruzieva, L., & Ergasheva, S. (2026). PREVENTING AND CORRECTING STUDENT ERRORS WHEN COMPLETING INDEPENDENT ASSIGNMENTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 14(2), 33-52.

DOI: 10.66224/IARLL.28.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/407>

پیشگیری و اصلاح اشتباهات دانشجویان هنگام انجام تکالیف مستقل

مهرالنساء بازارونا نغزبیکووا^{۱*}

استاد، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان

لاله طالینونا روزیووا^۲

استاد، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان

شهناز کاگانوونا ارگاشووا^۳

استادیار، دانشگاه دولتی رودکی کولاب،
کولاب، تاجیکستان

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۶)

چکیده

پژوهش حاضر به بررسی روش شناختی آموزش املا با تأکید بر مسئله اشتباهات نوشتاری و راهکارهای اصلاح آنها می‌پردازد. رویکرد اتخاذشده در این مقاله، بر خلاف دیدگاه‌های سنتی که مهارت املائی را حاصل فرایندی مکانیکی می‌دانند، بر شکل‌گیری این مهارت در بستر فعالیت‌های هشیارانه و آگاهانه فراگیران استوار است. روش‌شناسی مورد بحث، مسئله خطا را در ارتباط با سه دسته عامل تبیین می‌نماید: ماهیت خطا، سطح فراگیری قاعده، و تفاوت‌های فردی دانشجویان. در چارچوب کار مستقل دانشجویان، چالش‌های یادگیری نه تنها جنبه‌های آموزشی، بلکه ابعاد شناختی و فراشناختی را نیز در بر می‌گیرد. از برجسته‌ترین موانع، ضعف در خودساماندهی و خودتنظیم‌گری است که با برنامه‌ریزی ناکارآمد، اولویت‌بندی نامناسب و تأخیر در انجام وظایف، بازدهی فعالیت‌های مستقل را به‌طور معناداری کاهش می‌دهد. افزون بر این، کمبود دانش پیش‌نیاز و نارسایی مهارت‌های پایه، به‌ویژه در مواجهه با تکالیف تحلیلی و خلاقانه، از عوامل اصلی ناکارآمدی شناختی محسوب می‌شود؛ به‌گونه‌ای که ناآشنایی با راهبردهای جستجو، تحلیل و تنظیم پاسخ، فرایند یادگیری مستقل را با دشواری مضاعف مواجه می‌سازد. در مجموع، یافته‌ها بر ضرورت تقویت شایستگی‌های فراشناختی و خودتنظیمی در کنار دانش محتوایی، به‌عنوان پیش‌نیاز اصلاح مؤثر خطاها و ارتقای مهارت املائی تأکید دارند.

واژگان کلیدی: خطاهای نوشتاری، اصلاح خطا، کار مستقل آموزشی، مهارت املائی، روش‌شناسی آموزش، شایستگی‌های شناختی و فراشناختی.

* نویسنده مسئول 1. E-mail: mnagzibekova55@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5610-6655>

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

2. E-mail: akila.ru@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0561-5722>

3. E-mail: shahnozaer@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0561-5722>

THE COLOR OF THE PLANT WORLD IN THE MIRROR OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Yahyapour Marzieh¹

Professor of Russian Language and Literature,
Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran.

Karimi-Motahhar Janolah^{2*}

Professor of Russian Language and Literature,
Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran.

(date of receiving: May, 2026; date of acceptance August, 2026)

Abstract

The present article provides an overview of contemporary research directions in the field of color linguistics, which has gained considerable momentum in Russian and Iranian studies (Russian studies and Iranian studies) due to the prominent role of color terms in literature and culture.. Against the backdrop of a review of scientific events dedicated to the study of color currently being held in Russia, Iran, and Belarus, as well as notable recent monographic studies, the article presents a lexicographic project unique to associative color lexicography: T.V. Sivova's *Associative Dictionary of Color: The World of Flora* (Belarus, Grodno, 2025). Compiled on the basis of a series of directed associative experiments conducted by the author (involving over 1,700 respondents in total), the dictionary reflects a segment of the color conceptual sphere within the floristic domain of the Russian language. The article outlines the concept of the *Associative Dictionary of Color*, which comprises 160 dictionary entries, provides a detailed description of its three-part structure, and offers examples of how the linguistic material is presented. The *Dictionary* is of both scholarly interest – for specialists working in lexicography, text linguistics, color linguistics, ethnolinguistics, and psycholinguistics – and practical value, as it can be utilized by professionals in the fields of advertising, branding, and, more broadly, information and communication.

Keywords: Color Linguistics, Color Term, Phytonym, Linguistic Consciousness, Associative Experiment, Associative Dictionary of Color.

1. E-mail: myahya@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>; ScopusID: 57219025316

2. E-mail: jkarimi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>; Scopus ID: 57270830600

* Corresponding author

ЦВЕТ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Яхьяпур Марзие¹

Профессор, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет,
Тегеран, Иран.

Карими-Мотаххар Джанолах^{2*}

Профессор, кафедра русского языка и литературы Тегеранского университета,
Тегеран, Иран.

(дата получения: май 2026 г., дата принятия: август 2026 г.)

Аннотация

В статье представлен собой обзор современных исследований в области лингвистики цвета, которая получила значительное развитие в российских и иранских исследованиях (русистике и иранистике) благодаря выдающейся роли цветообозначений в литературе и культуре. На фоне обзора посвященных исследованию цвета научных мероприятий, проводимых сегодня в России, Иране и Беларуси, а также значимых монографических исследований последнего времени представлен уникальный для ассоциативной цветовой лексикографии лексикографический проект Т.В. Сивовой «Ассоциативный словарь цвета: мир флоры» (Беларусь, Гродно, 2025 г.). Словарь, созданный на основе результатов серии проведенных автором направленных ассоциативных экспериментов (в общей сложности к ним было привлечено свыше 1700 респондентов), отражает сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. В статье представлена концепция содержащего 160 словарных статей «Ассоциативного словаря цвета», подробно описана его трехчленная структура, приведены примеры подачи языкового материала. «Словарь» представляет как научный интерес – для специалистов, работающих в области лексикографии, лингвистики текста, лингвистики цвета, этнолингвистики, психолингвистики, так и практический – он может использоваться специалистами, работающими в области рекламы, брендинга, шире – информации и коммуникации.

Ключевые слова: Лингвистика цвета, Термин цвета, Фитоним, Языковое сознание, Ассоциативный эксперимент, Ассоциативный словарь цвета.

1. E-mail: myahya@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>; ScopusID: 57219025316, Scopus ID: 57219025316

2. E-mail: jkarimi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>; Scopus ID: 57270830600

* Ответственный автор

Введение

В современной лингвистике перспективным объектом изучения для понимания процесса формирования национальной языковой картины мира становится перцептивная лексика. Самым информативным в этом отношении является модус зрительного восприятия – он категоризирует явления действительности по цвету, светлости, объему, форме, длине и другим параметрам. Одной из ментально значимых, востребованных в текстах разного вида и типа является лексика цвета.

Цвет, будучи мощным и эффективным невербальным инструментом коммуникации, вызывает повышенный исследовательский интерес у биологов и психологов, социологов и культурологов, литературоведов и лингвистов. Функциональный потенциал лексики цветообозначения, реализуемый в текстах различных дискурсов, актуализирует междисциплинарные исследования, значительно расширяющие представление о возможностях применения цветовых номинаций в процессе коммуникации. В практической деятельности значимое воздействие цветообозначений на потребителя активно используется в рекламе, маркетинге, брендинге, технологическом дизайне.

В изучении функциональных возможностей цветообозначений применяются моно- и полилингвальные исследования, в которых используется сопоставительный подход и актуализируется переводческий аспект. Помимо синхронии, исследователей сегодня привлекает и диахронический аспект изучения цветолексики – ее происхождение и последующее смысловое наполнение.

Тематический диапазон исследований цветолексики в русистике включает фоносемантику цветообозначений, лексическую семантику и фразеологию, словообразование. Перечисленные аспекты обуславливают становление лингвистики цвета как самостоятельной отрасли гуманитаристики, получившей активное развитие в России, Иране и Беларуси.

Материалом исследований чаще всего являются художественные тексты. Так, лингвистическому исследованию цвета посвящены работы иранских филологов. В статье «“Зеленый стяг” Востока в руках Ивана Бунина» М. Яхьяпур и Дж. Карими-Мотаххар рассматривают историю зеленого цвета, а также «его функции и символику в персидской литературе и в произведениях Ивана Бунина на восточные темы» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. 196). Исследователи, подчеркивают, что «зеленый цвет занимает священное место в исламских странах, имея как религиозный, так и культурный и художественный смысл» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. 197), приходят к выводу о том, что «творчество Бунина демонстрирует, что он, глубоко понимая персидскую мистическую поэзию и символику цвета, сумел отразить иранскую и исламо-иранскую культурную традицию в своих русских стихах» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. 206)¹.

Основная часть

Об активном научно-исследовательском интересе к лингвистике цвета свидетельствуют проводимые в крупных научных центрах международные научные конференции, в проблемное поле которых уже традиционно включаются вопросы исследования цвета.

Так, в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (Беларусь) 16–17 мая 2024 г. были проведены XVII Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», собравшие более 60 специалистов, работающих в области лингвистики цвета из 9 стран мира.

1. Об этом также см.: Шафаги Марьям. «Зеленый» как зеркало иранских лингвокультурных представлений // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2025. № 5. С. 20-26. DOI 10.20339/PhS.6-25.020

В рамках Первого Евразийского конгресса лингвистов в Институте языкознания РАН 9–13 декабря 2024 г. была организована работа круглого стола «Лингвистика цвета в парадигмах современности» (ведущая – д.ф.н. В.Г. Кульпина, ИНИОН РАН), который собрал лингвистов из Беларуси, России, Казахстана.

В Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины (Беларусь) 24–26 ноября 2025 г. состоялась международная научная конференция «Актуальные проблемы славянской фразеологии и паремиологии». Проблемное поле конференции охватывало вопросы лингвокультурного кода цвета.

В Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина 6–7 июня 2025 г. состоялась юбилейная XXX Международная научная конференция «Пушкинские чтения-2025», в научное поле которой были включены направления: цветовые обозначения в языке, речи и художественном тексте; поэтика цвета в языке, речи и художественном тексте; поэтика цвета в языке, литературе и культуре. Конференция собрала около 40 исследователей, работающих в области лингвистики цвета, представляющих научные центры России, Беларуси, Ирана, КНР, Казахстана.

В 2026 г. состав разрабатывающих вопросы лингвистического исследования цвета участников XVIII Международных Карских чтений «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» (14–15 мая 2026 г.) расширился. В работе «цветовых» секций приняли участие свыше 90 исследователей из 8 стран мира, которые работали по направлениям: славянская цветовая картина мира: социо-, прагма- и психолингвистика; исторические, сопоставительные и типологические исследования в лингвистике цвета; лингвопоэтика, стилистика и когнитивная этнолингвистика цвета.

Об активном развитии лингвистики цвета свидетельствуют и выходящие в свет монографии: И.А. Герасименко (Герасименко 2010), В.Г. Кульпиной

(Кульпина 2019), Т.В. Слестниковой и Е.И. Черкашиной (2021), Ю.А. Грибер (Грибер 2021), В.К. Харченко (Харченко 2023), коллективная монография под редакцией Е.М. Марковой «Цветовая картина мира в поликультурном пространстве» (2024) и др. Закономерно получают свое развитие и лексикографические исследования цветообозначений (Сафина 2018). Обзору таких лексикографических проектов за 2003–2023 гг. посвящена статья Т.В. Сивовой (Сивова 2024). Исследователь систематизировала «цветовые словари» и выделила такие их виды: словари общего каталогизирующего типа, словари цвета энциклопедического типа, аспектные словари, авторская лексикография цвета и ассоциативные словари цвета, двуязычные и многоязычные словари цвета, специальные словари цвета с лингвистической направленностью (Сивова 2024. 1). Практически все указанные виды словарей имеют прототипы на материале других областей знания, кроме ассоциативных словарей.

Цель настоящей статьи – рассмотреть становление лексикографической традиции ассоциативного словаря цвета. Материалом статьи являются ассоциативные словари с лексикографическим описанием цветообозначений. Объект исследования – стратегии составления ассоциативного словаря цвета.

Лексикографические исследования цветообозначений

Представления любой языковой личности о цвете имеют как общий характер, обусловленный национальной спецификой мышления, так и индивидуальные особенности, отражающие личный культурный опыт носителя языка, эмоциональную и функциональную нагруженность цветолексемы в его языковом сознании и др. Несовпадение представлений о цвете на межнациональном и субъектном уровне проявляется в ассоциативных реакциях на цветообозначения. Символически-ассоциативная широта семантики цвета у носителей современного русского языка, его вербализация в

авторских идиолектах и различных текстах требуют учета психолингвистических, культурно-исторических и других особенностей восприятия цвета, осложняя его лексикографическое описание.

Интерсемиотический характер терминов цвета, расширение их номинаций показали, что описания в традиционных толковых словарях для них недостаточно. Необходима систематизация лексики тематической группы цвета на современном материале и моделирование новых способов их лексикографирования. По словам известного лингвиста А. П. Василевича, назрела «необходимость теоретического обоснования имеющихся противоречивых экспериментальных данных относительно функционирования этой лексической группы» (Василевич 2003).

Следует упомянуть, что попытка обосновать необходимость особого подхода к лексике цвета была предпринята в монографии Р. М. Фрумкиной «Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа», в которой обосновывалась необходимость психолингвистического аспекта исследования семантики цветообозначений (Фрумкина 1984). А. П. Василевич в 1987 году предложил экспериментальную методику изучения семантики цвета (Василевич 1987). На основе психолингвистического эксперимента по восприятию семантики цвета он осуществил первый описанный «эксперимент со свободными ассоциациями» (стимул – слово) (Василевич 2003) и сделал вывод об определенной степени универсальности цветообозначений как результате психической деятельности их носителей (на материале 15 языков). Им был впервые подготовлен тезаурус цветоименований и разработаны методические процедуры экспериментов с участием носителей языка (Василевич 2002, 2005).

Подобный лексикографический проект представлен в диссертационном исследовании казахстанского лингвиста А.К. Калжановой «Психолингвистические аспекты соотнесенности эмотивной и

колористической лексики (на материале русского и казахского языков)» (Калжанова 2004), посвященном изучению «традиционно сложившихся связей эмотивной и цветовой лексики в языковом сознании разноязычных индивидов (русских и казахов) с точки зрения их национально-культурной специфики» (Калжанова 2004. 2). Автор представляет «Прямой и обратный словари ассоциаций эмотивной и цветовой лексики русского и казахского языка», приводя переводы стимулов и реакций на русский язык, расширяет «возможности пользования словарем и включения его материалов в широкие межъязыковые сопоставительные исследования» (Калжанова 2004. 5).

Спустя более 20 лет в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы издан «Ассоциативный словарь цвета: мир флоры» авторства белорусского лингвиста Т.В. Сивовой. Данный словарь создан на основе серии проведенных автором в 2021–2022 гг. направленных ассоциативных экспериментов с участием свыше 1700 респондентов – студентов Гродненского государственного университета.

«Ассоциативный словарь цвета: мир флоры» «призван особым образом – в виде ассоциативных полей – отразить запечатленный в языковом сознании носителя русского языка сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка» (Сивова 2025. 3).

В словаре представлена трехчленная структура. Часть 1 «От фитонима к термину цвета» включает 160 словарных статей о фитонимах, где эксплицируется сложившееся у носителей обыденного языкового сознания представление о цвете того или иного растения. Т.В. Сивова приводит в каждой словарной статье статистику по запросу: количество цветowych реакций на стимул-фитоним, количество различных цветowych реакций на стимул-фитоним, количество одиночных цветowych реакций на стимул-фитоним и количество отказов от ответа. Далее в порядке убывания приводятся

«цветовые» реакции на стимул-фитоним. Приведем фрагмент примера подачи материала (см. с. 162–163).

ТЮЛЬПАН (611 респондентов)

СТАТИСТИКА: всего цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 550, различных цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 35, одиночных цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 22, отказов: 61.

РЕЗУЛЬТАТЫ: **красный 182**: 96 (ж), 86 (м); желтый 173: 111 (ж), 62 (м); белый 67: 20 (ж), 47 (м); розовый 51: 42 (ж), 9 (м); фиолетовый 16: 7 (ж), 9 (м); оранжевый 10: 6 (ж), 4 (м); синий 8: 2 (ж), 6 (м); голубой 6: 1 (ж), 5 (м); алый 4: 2 (ж), 2 (м); черный 4: 3 (ж), 1 (м); красный, желтый 3: 3 (ж); зеленый 2: 2 (м); красный, желтый, розовый 2: 2 (ж); бежевый 1: 1 (м); белый, желтый 1: 1 (ж) <...>; нет ответа 61: 6 (ж), 55 (м).

Несомненным достоинством словаря является включение соответствующих цитат из 7 авторитетных ассоциативных словарей разного времени, репрезентирующих лингвистическую и культурологическую составляющую фитонима. Так, привлекаются данные «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса» (Черкасова, Уфимцева 2014), «Русского ассоциативного словаря» (Караулов 2002), «Словаря ассоциативных норм русского языка» (Леонтьев 1977), «Славянского ассоциативного словаря» (Уфимцева 2004), «Русской региональной ассоциативной базы данных» (СИБАС 1) (Шапошникова, Романенко 2008–2023), «Русского регионального ассоциативного словаря» (СИБАС 2) (Шапошникова, Романенко 2022), а также «Словаря обыденных толкований русских слов. Лексика природы» (Голев 2012). Обратимся к примеру (см. с. 163).

ТЮЛЬПАН – нет. ТЮЛЬПАНЫ ← прекрасный (2); прислать [САНРЯ 1977].

ТЮЛЬПАН. Прямой поиск: всего реакций на стимул «тюльпан»: 104; различных реакций на стимул «тюльпан»: 34; одиночных реакций на стимул

«тюльпан»: 24; отказов: 0. Реакции на стимул «тюльпан»: красный 20, цветок 19, Фанфан 13, черный 11, красивый 6, роза 3, желтый 2, распустился 2, степь 2, цветы 2, алый 1, аромат 1, ботан 1, бутон 1, бутон (красный) самого цветка 1, в вазе 1, ваза 1, голубой <...>. Обратный поиск: всего стимулов, вызвавших реакцию «тюльпан»: 32; различных стимулов, вызвавших реакцию «тюльпан»: 16; стимулы, вызвавшие реакцию «тюльпан» один раз: 10; отказов: 0. Стимулы, вызывающие реакцию «тюльпан»: цветок 11, голландский 3, ромашка 2, фиолетовый 2, цветущий 2, черный 2, алый 1, желтый 1, нравится 1, похожий 1, приземистый 1 <...> [РАС 2002].

Часть 2 «От фитонима к термину цвета: гендерная репрезентация цветовых ассоциаций» содержит сведения, которые демонстрируют гендерную соотнесенность цветовых реакций на стимул-фитоним. В словарной статье последовательно приводится статистика по запросу: общее количество цветовых реакций на стимул; количество женских цветовых реакций на стимул; количество мужских цветовых реакций на стимул. Результаты ранжированы по гендерному и по количественному признаку (Сивова 2025. 10). Доминанта цвета выделяется жирным шрифтом. Приведем фрагмент примера (см. с. 255).

ТЮЛЬПАН

Всего цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 550; женских цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 308; мужских цветовых реакций на стимул «тюльпан»: 242.

ЖЕН.: красный 182: 96 (ж); **желтый** 173: **111** (ж); белый 67: 20 (ж); розовый 51: 42 (ж); фиолетовый 16: 7 (ж); оранжевый 10: 6 (ж); синий 8: 2 (ж); голубой 6: 1 (ж); алый 4: 2 (ж); черный 4: 3 (ж); красный, желтый 3: 3 (ж); красный, желтый, розовый 2: 2 (ж) <...>; нет ответа 61: 6 (ж).

МУЖ.: **красный** 182: **86** (м); желтый 173: 62 (м); белый 67: 47 (м); розовый 51: 9 (м); фиолетовый 16: 9 (м); оранжевый 10: 4 (м); синий 8: 6 (м); голубой 6:

5 (м); алый 4: 2 (м); черный 4: 1 (м); зеленый 2: 2 (м); бежевый 1: 1 (м); зеленый, оранжевый, розовый, красный и др. 1: 1 (м) <...>; нет ответа 61: 55 (м).

В ходе эксперимента подтверждается большее разнообразие оттенков у респондентов женского пола.

Часть 3 «От термина цвета к фитониму» представляет собой обратный словарь. Она включает 1208 статей, озаглавленных терминами цвета, которые являются цветовыми реакциями на стимулы-фитонимы. По наблюдениям Т.В. Сивовой, «данные реакции могут быть выражены как одиночным термином цвета, так и цепочкой цвета, некоторой последовательностью терминов цвета <...>, цветовыми композитами различного состава, лексемами с семей 'свет' и др.» (Сивова 2025. 11). В словарной статье представлен организованный в порядке убывания частотности реестр фитонимов, «сопровождающийся указанием как общего числа реакций, так и их гендерного распределения» (Сивова 2025. 11). Фитонимическая доминанта выделяется жирным шрифтом. Словарная статья также содержит при возможности соответствующие цитаты из авторитетных ассоциативных словарей. Обратимся к примеру (см. стр. 291).

ЖЕЛТО-ОРАНЖЕВЫЙ хурма 5: 3 (ж), 2 (м); горчица 4: 3 (ж), 1 (м); персик 4: 4 (ж); алыча 3: 3 (ж); грейпфрут 3: 1 (ж), 2 (м); апельсин 1: 1 (м); зверобой 1: 1 (м); картофель 1: 1 (ж); лисичка 1: 1 (м); лук 1: 1 (ж); настурция 1: 1 (ж); овес 1: 1 (ж); ольха 1: 1 (ж); пшеница 1: 1 (ж); рожь 1: 1 (м); роза 1: 1 (ж); тыква 1: 1 (м).

«Ассоциативный словарь цвета: мир флоры», таким образом, отражает стереотип цветового восприятия того или иного растения. Он эксплицирует гендерные цветовые предпочтения носителей обыденного языкового сознания. Важно отметить, что рецензируемый словарь отражает стремление респондентов как можно точнее передать цветовое впечатление, для чего

используются многокомпонентные цветовые композиты различной модификации: БЕЖЕВО-ЗОЛОТОЙ овес 1: 1 (ж); СЕРО-ГОЛУБО-ЗЕЛЕНый ива 1: 1 (ж). Актуализируются цепочки цвета: БЕЛый, СВЕТЛО-ЗЕЛЕНый капуста 2: 2 (ж); береза 1: 1 (ж); СВЕТЛО-КОРИЧНЕВый, ЗЕЛЕНый, ГОЛУБОЙ сосна 1: 1 (ж); ЗЕЛЕНый, БЛЕДНО-РОЗОВый, КРАСНый, ЖЕЛТый яблоня 1: 1 (ж).

«Ассоциативный словарь цвета: мир флоры» фиксирует многообразие способов передачи цветового впечатления. Он отмечает использование приема сравнения: ЖЕЛТый, КАК СОЛНЦЕ подсолнечник 1: 1 (м); фиксирует обращение к прототипу, эталону цвета: КРАСНО-КРОВАВый гранат 1: 1 (м); ТЕМНО-МАЛАХИТОВый плющ 1: 1 (ж); фиксирует актуализацию иных сопутствующих (культурологических) ассоциаций: БЕЛый ЦВЕТ, ЧЕРЕМУХИ ЦВЕТ (ПЕСНЯ) черёмуха 1: 1 (м); находит отражение оценочности цвета: ОТВРАТНО-БОЛОТНый кофе 1: 1 (м), а также расширение лексической сочетаемости цветообозначений: ГНЕДОй – алыча 1: 1 (ж). «Словарь» фиксирует актуализацию временной составляющей: ОСЕННЕ-ЖЕЛТый тыква 1: 1 (ж) и случаи авторского словотворчества: КОСТНО-СЕРый – бессмертник 1: 1 (м). «Словарь...» отмечает активность процесса создания новых (и потенциальных) терминов цвета на основе цветowych дескрипций растений: ГВОЗДИЧНый – гвоздика 1: 1 (м); ГЕРАНЕВый – герань 1: 1 (ж).

«Ассоциативный словарь цвета» включает 6 приложений: «Фитоним – термин цвета: доминанты», в котором представлено соотношение фитонима и доминирующей цветовой реакции; «Термин цвета – фитоним: доминанты», в котором представлена корреляция доминирующей цветовой реакции с фитонимом; «Фитоним – термин цвета: количественная репрезентация цветowych реакций», которое демонстрирует количественное соотношение фитонимов и коррелирующих с ними цветowych реакций; «Термин цвета –

фитоним: количественная репрезентация фитонимического состава», которое представляет количественное соотношение цветковых реакций и коррелирующих с ними фитонимов; «Цветовые композиты», в котором представлено несколько реестров цветковых композитов; «Списочный состав цветковых реакций», в котором представлены все выявленные в ходе ассоциативного эксперимента цветковые реакции на стимулы-фитонимы.

Заключение

«Ассоциативный словарь цвета: мир флоры» представляет новый тип ассоциативного словаря, теоретическая значимость которого состоит в уточнении индивидуальных цветковых картин мира и соотнесении их с национальной цветовой картиной мира. Словарь создан на основе результатов проведенных автором направленных ассоциативных экспериментов в репрезентативной группе носителей языка (было привлечено свыше 1700 респондентов). Словарь отражает сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

Трехчленная структура словаря методологически выверена. Первая часть включает 160 словарных статей, названных фитонимами. В ней эксплицируется сложившееся у носителей обыденного языкового сознания представление о цвете того или иного растения. Словарь фиксирует многообразие способов передачи цветкового впечатления, стремление респондентов максимально точно передать личное цветковое впечатление фитообраза, используя многокомпонентные цветковые композиты различной модификации. Такой подход значительно обогащает цветовой лексикон.

Вторая часть эксплицирует гендерные цветковые предпочтения носителей обыденного языкового сознания. Материал подтверждает большее разнообразие оттенков у респондентов женского пола. Третья часть представляет собой обратный словарь и включает 1208 статей, озаглавленных

терминами цвета, которые являются цветовыми реакциями на стимулы-фитонимы. В словарной статье представлен организованный в порядке убывания частотности реестр фитонимов.

Подобная структура может быть распространена и на ассоциативные эксперименты с другими группами колоративов.

Богатый актуальный языковой материал «Ассоциативного словаря цвета: мир флоры» представляет как научный интерес – для специалистов, работающих в области лингвистики цвета, лингвистики текста, лексикологии, психолингвистики, лингвокультурологии, так и практический – для специалистов, работающих в области рекламы, брендинга, дизайна.

Литература

- 1- Герасименко И.А. (2010). *Семантика русских цветообозначений: монография*. Горловка: Изд-во ГПНИИЯ, 2010. 440 с.
- 2- Грибер Ю.А. (2021). *Картография цвета: диагностика развития цветоименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов*. М.: Согласие, 2021. 152 с.
- 3- Василевич А.П. (1987). *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте на материале цветообозначения в языках разных систем*. М.: Наука, 1987. 160 с.
- 4- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. (2002). *Каталог названий цвета в русском языке*. М.: Смысл, 2002. 98 с. (Серия "Технологии массовой коммуникации". Вып. 1).
- 5- Василевич А.П. (2003). *Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 95 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-kartina-mira-tsveta-metody-issledovaniya-i-prikladnye-aspekty> (дата обращения: 01.07.2026)
- 6- Василевич А.П. (2005). *Цвет и названия цвета в русском языке*. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
- 7- Калжанова А.К. (2004). *Психолингвистические аспекты соотношенности эмотивной и колористической лексики: на материале русского и казахского языков*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2004.

- 8- Кульпина В.Г. (2019). *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер*. М.: Макс Пресс, 2019. 288 с.
- 9- *Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток): 2008–2023 гг.* / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru>.
- 10- *Русский ассоциативный словарь: в 2 т.* (2002). / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ-Астрель, 2002. 2002. Т. 1: От стимула к реакции. 784 с.; Т. 2: От реакции к стимулу. 992 с. URL: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict>.
- 11- Сафина З.М. (2018). *Способы описания цветовой лексики в словаре* // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 3. С. 847–851.
- 12- Сивова Т.В. (2025). *Ассоциативный словарь цвета: мир флоры*. Гродно: ГрГУ, 2025. 540 с.
- 13- Сивова Т.В. (2024). *Словари цвета: состоявшиеся и прогнозируемые издания в пространстве близких лингвокультур* // Фундаментальная лингвистика. 2024. № 3–4. С. 1–38.
- 14- *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский* (2004). / Н. В. Уфимцева [и др.]. М., 2004. 800 с.
- 15- Сланикова Т.В., Черкашина Е.И. (2021). *Цвет и цветообозначения в лингвистических исследованиях*. М.: Языки народов мира, 2021. 239 с.
- 16- *Словарь ассоциативных норм русского языка* (1977) / под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 192 с. URL: <http://itclaim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>.
- 17- *Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т.* (2012). / под ред. Н. Д. Голева; авт.-сост.: М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев [и др.]; Кемеров. гос. ун-т Кемерово, 2012. Т. 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов). 536 с.
- 18- Фрумкина Р.М. (1984). *Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа*. М.: АН СССР, 1984. 174 с.
- 19- Харченко В.К. (2023). *Богатство цвета в русском языке*. М.: ИНФРА-М, 2023. 233 с.
- 20- *Цветовая картина мира в поликультурном пространстве* (2024). / под редакцией Е.М. Марковой. М.: Прометей, 2024. 240 с.
- 21- Черкасова Г.А. (2014). *Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2 т.* / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН – МИЛ, 2014. Т. 1. От стимула к реакции. 279 с.
- 22- Шапошникова И.В. (2022). *Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): в 2 т.* / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: НГУ, 2022. Т. 1. От стимула к реакции. 920 с.

- 23- Шафаги М. (2025). «Зеленый» как зеркало иранских лингвокультурных представлений // Филологические науки: Научные доклады высшей школы, 2025, 5, С. 20–26. DOI 10.20339/PhS.6-25.020
- 24- Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Д., Мальцева Т.В. (2026). «Зеленый стяг» Востока в руках Ивана Бунина // Вестник славянских культур. 2026. Т. 80. С. 195–209. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209>

Bibliography

- 1- Gerasimenko I.A. (2010) (2010). *Semantika russkikh tsvetooboznachenii: monografiia*. Gorlovka: Izd-vo GGPIIIa, 2010. 440 s.
- 2- Griber Iu.A. (2021). *Kartografiia tsveta: diagnostika razvitiia tsvetonaimenovanii russkogo iazyka s ispol'zovaniem estestvenno-nauchnykh, istoriograficheskikh, sotsiologicheskikh i psikhologicheskikh metodov*. M.: Soglasie, 2021. 152 s.
- 3- Vasilevich A.P. (1987). *Issledovanie leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente na materiale tsvetooboznachenii v iazykakh raznykh sistem*. M.: Nauka, 1987. 160 s.
- 4- Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. (2002). *Katalog nazvanii tsveta v russkom iazyke*. M.: Smysl, 2002. 98 s. (Serii "Tekhnologii massovoi kommunikatsii". Vyp. 1).
- 5- Vasilevich A.P. (2003). *Iazykovaia kartina mira tsveta. Metody issledovaniia i prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. M.: Institut iazykoznanii RAN, 2003. 95 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-kartina-mira-tsveta-metody-issledovaniya-i-prikladnye-aspekty> (data obrashcheniia: 01.07.2026)
- 6- Vasilevich A.P. (2005). *Tsvet i nazvaniia tsveta v russkom iazyke*. M.: KomKniga, 2005. 216 s.
- 7- Kalzhanova A.K. (2004). *Psikholingvisticheskie aspekty sootnesennosti emotivnoi i koloristicheskoi leksiki: na materiale russkogo i kazakhskogo iazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. M.: In-t iazykoznanii RAN, 2004.
- 8- Kul'pina V.G. (2019). *Lingvisticheskaia tsvetologiya: ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer*. M.: Maks Press, 2019. 288 s.
- 9- *Russkaia regional'naia assotsiativnaia baza dannykh (Sibir' i Dal'nii Vostok): 2008–2023 gg.* / avt.-sost.: I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko. URL: <http://adictru.nsu.ru>.
- 10- *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t.* (2002). / redkol.: Iu.N. Karaulov [i dr.]. M.: AST-Astrel', 2002. T. 1: Ot stimula k reaktsii. 784 s.; T. 2: Ot reaktsii k stimulu. 992 s. URL: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict>.
- 11- Safina Z.M. (2018). *Sposoby opisaniia tsvetovoi leksiki v slovare* // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2018. T. 23. № 3. S. 847–851.
- 12- Sivova T.V. (2025). *Assotsiativnyi slovar' tsveta: mir flory*. Grodno: GrGU, 2025. 540 s.

- 13- Sivova T.V. (2024). *Slovari tsveta: sostoiavshiesia i prognoziruemye izdaniia v prostranstve blizkikh lingvokul'tur* // Fundamental'naia lingvistika. 2024. № 3–4. S. 1–38.
- 14- *Slavianskii assotsiativnyi slovar': russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrainskii*, (2004). / N. V. Ufimtseva [i dr.]. M., 2004. 800 s.
- 15- Slastnikova T.V., Cherkashina E.I. (2021). *Tsvet i tsvetooboznacheniiia v lingvisticheskikh issledovaniiax*. M.: Iazyki narodov mira, 2021. 239 s.
- 16- *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo iazyka*, (1977). / pod red. A.A. Leont'eva. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. 192 s. URL: <http://itclaim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>.
- 17- *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody: v 2 t.*, (2012). / pod red. N. D. Goleva; avt.-sost.: M lu. Basalaeva, M.E. Vorob'eva, N.D. Golev [i dr.]; Kemerov. gos. un-t. Kemerovo, 2012. T. 1: A – M (ABRIKOS – MURAVEI) (478 slov-stimulov). 536 s.
- 18- Frumkina R.M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza*. M.: AN SSSR, 1984. 174 s.
- 19- Kharchenko V.K. (2023). *Bogatstvo tsveta v russkom iazyke*. M.: INFRA-M, 2023. 233 s.
- 20- *Tsvetovaia kartina mira v polikul'turnom prostranstve* (2024). / pod redaktsiei E.M. Markovoi. M.: Prometei. 2024. 240 s.
- 21- Cherkasova G.A. (2014). *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EVRAS: v 2 t.* / G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva. M.: In-t iazykoznaniia RAN – MIL, 2014. T. 1. Ot stimula k reaktsii. 279 s.
- 22- Shaposhnikova I.V. (2022). *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar': Sibir' i Dal'nii Vostok (SIBAS 2): v 2 t.* / I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko; In-t filologii SO RAN; Novosib. gos. un-t. Novosibirsk: IPTs NGU, 2022. T. 1. Ot stimula k reaktsii. 920 s.
- 23- Shafagi M., (2025). «Zelenyi» kak zerkalo iranskikh lingvokul'turnykh predstavlenii, *Filologicheskie nauki: Nauchnye doklady vysshei shkoly*, 2025, 5, S. 20-26, DOI 10.20339/PhS.6-25.020
- 24- Yahyapour, M., Karimi-Motahhar, Ja., Maltseva, T.V. (2026). “The Green Banner” of the East in the Hands of Ivan Bunin.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 80, 2026, pp. 195–209. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Yahyapour, M., & Karimi-Motahhar, J. (2026). THE COLOR OF THE PLANT WORLD IN THE MIRROR OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 53-70.

DOI: 10.66224/IARLL.28.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/424>

رنگِ دنیای گیاهان در آیینۀ آزمون تداعی معنایی

مرضیه یحیی پور^۱

استاد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشکده زبان‌ها و ادبیات خارجی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران.

جان‌اله کریمی مطهر^{*۲}

استاد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشکده زبان‌ها و ادبیات خارجی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۶)

چکیده

مقاله حاضر مروری است بر جهت‌گیری‌های پژوهشی معاصر در حوزه زبان‌شناسی رنگ که به دلیل نقش برجسته نام‌های رنگ در ادبیات و فرهنگ، در مطالعات روسی و ایرانی (روسیه‌شناسی و ایران‌شناسی) رونق چشمگیری یافته است. در کنار مرور رویدادهای علمی مرتبط با مطالعه رنگ که امروزه در روسیه، ایران و بلاروس برگزار می‌شوند و نیز آثار تک‌نگاشتی مهم سال‌های اخیر، یک پروژه فرهنگ‌نگاری منحصربه‌فرد در حوزه فرهنگ‌های تداعی‌گر رنگ معرفی می‌شود: «فرهنگ تداعی‌گر رنگ: جهان گیاهان» به نویسندگی ت. و. سیووا (بلاروس، گروتنو، ۲۰۲۵). این فرهنگ‌نامه بر پایه نتایج مجموعه‌ای از آزمایش‌های تداعی‌گر هدفمند انجام‌شده توسط نویسنده (که در مجموع بیش از ۱۷۰۰ پاسخ‌دهنده در آنها شرکت داشته‌اند) تدوین شده و بخشی از حوزه مفهومی رنگ را در فضای گیاهی زبان روسی بازتاب می‌دهد. در مقاله، مفهوم این «فرهنگ تداعی‌گر رنگ» که شامل ۱۶۰ مدخل است، ارائه شده، ساختار سه‌بخشی آن به تفصیل توصیف و نمونه‌هایی از شیوه عرضه داده‌های زبانی آورده شده است. این فرهنگ‌نامه افزون بر ارزش علمی برای متخصصان حوزه فرهنگ‌نگاری، زبان‌شناسی متن، زبان‌شناسی رنگ، قوم‌زبان‌شناسی و روان‌شناسی زبان، کاربرد عملی نیز دارد و می‌تواند مورد استفاده فعالان حوزه تبلیغات، برندسازی و به‌طور کلی اطلاعات و ارتباطات قرار گیرد.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی رنگ، اصطلاح رنگ، نام گیاه (فیتونیم)، هشیاری زبانی، آزمایش تداعی‌گر، فرهنگ تداعی‌گر رنگ.

1. E-mail: myahya@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>; ScopusID: 57219025316

2. E-mail: jkarimi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>; Scopus ID: 57270830600

* نویسنده مسئول؛ نوع مقاله: علمی - پژوهشی

THE CONCEPT “ARAB EAST” IN THE INDIVIDUAL STYLE OF N. GUMILYOV

Eltsova Elena N.^{1*}

Associate Professor, Higher Institute of Languages of Tunis,
University of Carthage,
Tunis, Republic of Tunisia.

(date of receiving: June, 2026; date of acceptance: August 2026)

Abstract

Unlike the Symbolist tradition, the Acmeist poet Nikolay Gumilyov creates not an abstract, but a materially tangible, "thing-like" image of the Arab East, based on personal experience and the principles of Acmeist poetics. In the article based on the poet's works containing Oriental vocabulary, a lexical-semantic and conceptual analysis of the structure and dynamics of the concept "Arab East". Particular attention is paid to the methods of linguistic verbalization of the concept, as well as its philosophical-symbolic and plot-forming significance. The formation of the conceptual field occurs through the artistic reworking of elements of medieval Arabic poetry, as well as Qur'anic and Sufi motifs. The juxtaposition of the concepts poet-dervish marks the deep impact of Sufism upon Gumilyov's poetic philosophy. As a result, the concept "Arab East" is transformed from a geographical reality into a complex religious and philosophical construct, reflecting the evolution of the author's worldview – from romantic exoticism to Acmeist precision in depicting the East and its deep existential comprehension.

Keywords: N. S. Gumilyov, Acmeism, Arab East, Concept, Eastern Text, Individual Style, Vocabulary.

1. E-mail: elcova-elena@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359> * Corresponding author

КОНЦЕПТ «АРАБСКИЙ ВОСТОК» В ИДИОСТИЛЕ Н. ГУМИЛЕВА

Ельцова Елена Николаевна^{1*}

доцент, Высший институт языков г. Туниса,

Университет Карфагена,

Тунис, Тунисская Республика

(дата получения: июнь; дата принятия: август 2026 г.)

Аннотация

В отличие от символистской традиции, поэт-акмеист Н. С. Гумилев создает не абстрактный, а материально осязаемый, «вещный» образ Арабского Востока, основанный на личном опыте и принципах акмеистической поэтики. В статье на материале произведений поэта, содержащих ориентальную лексику, проводится лексико-семантический и концептуальный анализ структуры и динамики концепта «Арабский Восток». Особое внимание уделяется способам языковой вербализации концепта, его философско-символическому и сюжетообразующему значению. Формирование концептуального поля происходит через художественную переработку элементов средневековой арабской поэзии, а также коранических и суфийских мотивов. Сопряжение концептов *поэт* – *дервиш* служит маркером глубокого влияния суфизма на поэтическую философию Гумилева. В результате концепт «Арабский Восток» трансформируется из географической реалии в сложный религиозно-философский конструкт, отражая эволюцию мировосприятия автора – от романтической экзотики к акмеистической точности в изображении Востока и его глубокому экзистенциальному осмыслению.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, акмеизм, Арабский Восток, концепт, восточный текст, идиостиль, лексика.

1. E-mail: elcova-elena@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359> *Ответственный автор

Введение

Творчество Н. С. Гумилева (1886–1921), поэта-воина, поэта-путешественника, занимает уникальное место в литературе Серебряного века, во многом благодаря формированию в его поэтике самобытного «восточного текста». На фоне символистского увлечения абстрактным, мистическим Востоком, Н. Гумилев как основатель и идеолог акмеизма предложил принципиально новый подход. Его Арабский Восток – не просто экзотическая декорация, а материальный, «вещный» мир, геопозитическое пространство, осмысленное через призму личного опыта.

С. Л. Слободнюк утверждает, что восточные мотивы у Н. Гумилева носят не только эстетический, но и глубоко духовно-мировоззренческий характер. «Там, в неведомых таинственных странах, большой художник, постоянно искавший пути слияния культур Востока и Запада, обрел источник духовных сил» (Слободнюк 1994. 183). По мнению Т. К. Акимовой и К. Х. Ибрагима, «центральным смысловым ядром арабского культурного кода» поэта является «поиск лирическим героем духовного совершенствования и идеальной возлюбленной, периферией – экзотический тоpos, сформированный и из географических особенностей обитания арабских жителей – бедуинов и феллахов, – и из исторических параллелей, отсылающих либо к периоду правления царицы Клеопатры, либо султана Гассана, либо времени жизни Хафиза» (Акимова, Ибрагим 2024. 185). Следует обратить внимание, что выделенная авторами модель взаимодействия ядра и периферии культурного кода выглядит упрощенной, поскольку в художественном тексте периферийные зоны не просто создают ядро, но и активно формируют его.

В рамках данной статьи рассматривается концепт «Арабский Восток» и способы его вербализации в идиостиле Н. Гумилева. В работе исследована динамика изменения семантики «восточных» слов в контексте акмеистической

поэтики, а также раскрыто философско-символическое и сюжетобразующее значение концепта. **Материалом исследования** послужили тексты произведений Н. Гумилева, содержащие ориентальную лексику, извлеченные методом сплошной выборки из собрания сочинений поэта. В работе использовался комплексный филологический подход, сочетающий методы лексико-семантического и концептуального анализа с контекстуальным и лингвокультурологическим.

Основная часть

В поэтике акмеизма, заявившего о себе в начале 1910-х гг. как о преодолении символистского кризиса, категория пространства претерпела радикальные изменения. Если для поэтов-символистов (А. Блока, К. Бальмонта, Вяч. Иванова) земное пространство было лишь зыбкой, иллюзорной декорацией, скрывающей «высшие миры» и «неведомые дали», то акмеисты провозгласили возврат к самоценности материального мира, предпочитая «борьбу за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время» (Городецкий 1913. 48). Провозглашая принципы новой эстетической программы, Н. Гумилев одним из первых выдвинул идею о том, что подлинная культурная ценность включает в себя «доцивилизованные» формы – «африканскую», «арабскую», «персидскую», «китайскую». Эти культуры, по мнению поэта, сохранили первозданную связь природы с человеком, выражая жизнь через «первобытные» образы и действия.

В художественной системе акмеизма происходит демифологизация и одновременно новое открытие Востока. Н. Гумилев-путешественник (поездки в Египет в 1908 и 1910 гг., экспедиции в Абиссинию в 1910 и 1913 гг.) трансформирует книжные образы в достоверный географический текст, где названия городов, рек и народов становятся пространственными опорами поэтической реальности.

Восток у Гумилева визуализирован флорой и фауной, а также галереей ярких образов: бедуина-кочевника, феллаха-крестьянина, «скитальца-араба», арабчат, марабута, девы Луны и т. д. Поэт прямо отождествляет себя с этим миром. В стихотворении «Я и Вы» (1918) он сравнивает себя с вольным арабом: «Я люблю – как араб в пустыне / Припадает к воде и пьет, / А не рыцарем на картине, / Что на звезды смотрит и ждет» (Гумилев 1991а. 212).

Мифопоэтический и духовно-религиозный уровень концепта, где происходит переход от внешней экзотики к внутреннему осмыслению, представлен словами-символами, отсылающими к коранической картине мира (*Аллах, Пророк, Истина*) и мистическим учениям (*суфизм*).

Восточный топонимический мир в поэтике Гумилева разнообразен: *Восток, Африка, Левант, Каир, Тунис, Алжир, Красное море, Нил* и т. д. Одним из самых частотных восточных микротопонимов выступает *Багдад*, употребленный 18 раз в шести произведениях поэта: «Орел Синдбада» (1907), «Ослепительное» (1911), «Паломник» (1911), сценарий пьесы «Гарун аль-Рашид» (1913), путевые записки «Африканский дневник» (1916), арабская сказка «Дитя Аллаха» (1917). В стихотворении «Ослепительное» Н. Гумилев объединяет несколько восточных стран – Ирак (Бассора), Турцию (Смирна) и Египет, формируя концептуальный образ Востока, который выходит за пределы географии и превращается в духовно-поэтическое измерение: «И снова властвует *Багдад*, / И снова странствует *Синдбад*, / Вступает с демонами в ссору, / И от *египетской земли* / Опять уходят корабли / В великолепную *Бассору*» (Там же. 132).

Большую лексическую группу произведений Н. Гумилева представляют поэтонимы, относящиеся к арабскому и персидскому фольклору, историческим событиям. Они создают богатый контекст, позволяющий читателю глубже проникнуть в культурные коды, на котором зиждутся

авторские размышления о постижении Истины – основном концепте коранической картины мира.

Одним из многозначных поэтонимов в произведениях Н. Гумилева выступает заимствованный из сказки «Тысяча и одна ночь» *Синдбад-Мореход*. Уже в раннем сборнике «Романтические цветы» (1918) в стихотворении «Орел Синдбада» он пишет:

«Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий» (Там же. 71).

В поэтике Н. Гумилева Синдбад, помимо восточной экзотики, олицетворяет глубокие философско-психологические искания автора. Если в сказке «Тысяча и одна ночь» Синдбад выходит в море в поисках богатства, славы и является собирательным образом арабских купцов, то у Гумилева данный поэтоним выступает своего рода символом, связанным с понятием о странствии, о путешествии как самоцели, о столкновении с неизвестностью, со стремлением к познанию и внутреннему преображению. Путешествия Синдбада становятся метафорой поиска смысла жизни, стремления к духовному обогащению. В стихотворении «Вы все, паладины Зеленого Храма» (1909) Синдбад-Мореход не случайно включен поэтом в перечень имен легендарных путешественников: «*Ганнон Карфагенянин*, князь Сенегамбий, / *Синдбад-Мореход* и могучий *Улисс*, / О ваших победах гремят в дифирамбе / Седые валы, набегая на мыс!» (Там же. 117).

Поэтика Н. Гумилева строится на взаимодействии концептов «поэт» – «Истина» – «дервиш», включающем суфийские концепции единства с Божественным, стремления к самопознанию, духовного развития, силе слова. Так, история жизни и смерти известного арабского поэта VI в. *Имру аль-Кайса*

(ок. 500 – ок. 540) была переосмыслена Гумилевым в трагедии из византийской жизни «Отравленная туника» (1917). Арабские исследователи считают Имру аль-Кайса создателем касыды со всеми ее композиционными элементами – оплакиванием следов кочевья, воспоминаниями о возлюбленной, описаниями и самовосхвалением (Фильштинский 1985. 73). Н. Гумилев не просто заимствует исторический сюжет, но и ведет диалог с литературной традицией, переосмысляя, адаптируя ее под свои художественные задачи. Этот диалог создает многослойность текста, включает древние культурные коды. В произведении выражаются такие ключевые концепты арабского общества, как «любовь», «предательство», «мечь», «честь».

«С тех пор как я, бродяга безрассудный,
Узнал о том, что мой отец убит,
Я вечно слышу сердцем голос чудный,
Который мне о мщенье говорит.
И этот голос, пламенем пропитан,
В толпе и битве заглушил бы всех...» (Гумилев 1991а. 94).

В сборнике «Огненный столп» (1921) можно выделить три стихотворения, представляющих сопряжение концептов *поэт – дервиш*. В стихотворении «Подражание персидскому» (1919) (Гумилев 1991а. 294–295) Н. Гумилев не просто передает содержание оригинала, но и стремится сохранить тонкие нюансы, стилистические приемы, характерные для персидской литературы. В частности, он использует традиционную форму бейта (двухстрочная строфа, включающая тезу и антитезу). Судьба поэта, подобно судьбе дервиша, сопряжена с утратами, касающимися не только материальных богатств, но и внутренних ценностей: «Золото мое рассыпал я / Нагим и голым стал, красавица» (Там же. 294). Отказ от всего материального, пренебрежение им является необходимым условием для достижения духовного совершенства

(«Если солнце есть и вечен Бог»), воплощенного в образе возлюбленной. В суфийской трактовке, это символ Истины, идеала, единения с Богом.

Следующее стихотворение «Персидская миниатюра» (1919) (Там же. 295–296) поднимает глубокие вопросы о природе творчества, силе слова, способности человека влиять на собственную судьбу. Здесь визуальный образ *персидской миниатюры* становится символом бессмертия творческих усилий: «Когда я кончу наконец / Игру в сache-sache со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой» (Там же. 295). Н. Гумилев провозглашает идею о том, что произведения искусства, подобно персидским миниатюрам, могут пережить своего создателя, становясь частью вечности. В стихотворении лирический герой дает иносказательное определение Высшей Силы – «его» (лика друга): «Его однообразных дней / Звездой я буду путеводной». В суфийской мистической лирике образ друга или прекрасной возлюбленной выступают развернутой метафорой, символизирующей божественную творческую энергию, через которую был сотворен весь мир. Ключевой лексической единицей данного концепта выступает «слово», содержащее несколько онтологических значений: слово – ‘*атрибут Творца* (поэта)’, наделяющего его властью для самовыражения и создания уникальных художественных произведений; ‘*инструмент*’, позволяющий постигать глубинные истины бытия; ‘*акт творения*’: поэт создает мир, изменяя собственное существование и реальность вокруг.

Стихотворение «Пьяный дервиш» (1919) (Там же. 301) выдержано в форме газели с традиционной восточной символикой (*соловьи, луна, оппозиция белого и черного* и т. д.). В основе стихотворения лежит строфическая поэма (тарджи’банд) поэта-суфия XIV в. Насира Бухараи (Пригарина, Шелаев 2014. 120).

«Виночерпия взлюбил я не сегодня, не вчера,
Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.

И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество:
 Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!»¹

Путь «бродяги» становится метафорой странствия: не только физического передвижения, но и внутреннего роста. В основе этого мотива лежит концепт «духовный поиск», где Бог предстает как Истина. Этот путь предполагает встречу с различными сторонами жизни, которые также включены в данное концептуальное поле: радость («торжество»), трагедия («тайна гроба»), осознание тонких граней бытия (пение соловья, символизирующее красоту и мудрость поэзии). Квинтэссенцией стихотворения является бейт-рефрен «Мир лишь луч от лика друга, все иное – тень его!», в которой ключевое слово «друг» имеет особое значение «символ божественной сущности», тогда как остальной мир – лишь его отражение.

Обращаясь к мотиву *опьянения и веселья* («неимуший гуляка», «пьяный дервиш»), символизирующим «обретение свободы духа, пренебрежение условностями, безразличие к “вере и безверью”, отказ от аскетизма и показного благочестия <...>, равнодушие к превратностям бытия <...>» (Пригарина, Шелаев 2014. 142), поэт привносит в стихотворение дополнительное значение: *‘мистическое восприятие мира’*, характерное для исламских мистиков, у которых «опьянение» (сукр) символизирует «экстатическое состояние, когда возможен “прорыв” в подлинному, целокупному бытию Абсолюта» (Насыров 2009. 244). Этот мотив передает также *‘радость и торжество’*, испытываемые героем в процессе духовного поиска и самопознания (*«узнал я торжество»*). «Пьяный дервиш» здесь

1. В русскоязычных текстах стих «Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его!» приписывается Насиру Хосрову, однако иранские исследователи обратили внимание на эту распространённую ошибку и считают, что он принадлежит Насиру Бухараи. См. Яхьяпур М. и др. Николай Гумилёв и мир Востока, 2013, 1-ое изд. Тегеран: Пажухешгах улум енсани ва моталат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы. С.78-79.

символизирует странствие по миру, полное отказа от земных привязанностей: опьянения, любви и дружбы. Аналогичная очередность присутствует в стихотворении «Персидская миниатюра»: «Вино, любовниц и друзей / Я заменю поочередно» (Гумилев 1991a. 301), – где герой отказывается от мирского, находя утешение в творчестве как пути к духовному просветлению.

Наиболее ярко в художественном отношении сопряжение концептов *поэт* – *дервиш* выражено в арабской сказке «Дитя Аллаха» (1916). Восточность произведения выведена автором в жанровом определении (*арабская сказка*), в самом названии и именах героев («Дервиш, Пери, Юноша, Раб, Бедуин, Искандер, Калиф, Астролог, Старуха, Кади, Шейх, Сын Халифа, Пират, 1-й евнух, 2-й евнух, Синдбад, Глашатай, Гафиз, Эль-Анка, крылатая девушка...» (Гумилев 1991b: 21)), многочисленных метафорах и сравнениях.

Фабула арабской пьесы построена на метафоре «нисхождение небесного»: небесная дева Пери (от перс. *pari* 'окрыленный'), покинув райские пределы, спускается к «сынам Адама», чтобы найти среди них достойного избранника. Пери заимствована Н. Гумилевым из персидской мифологии. В Энциклопедическом словаре дается следующее определение: «Духи зла называются дэвами; они олицетворяют дурные наклонности человека, губительные явления природы... Есть и женские дэвы, известные под именем друджей (ложь, обман) и пайрик (в новоперсидском Пери)» (Брокгауз, Ефрон 1890–1907). Русский читатель был знаком с образом Пери благодаря переводам В. А. Жуковского «Пери и ангел» (1821), поэмам «Див и Пери» (1827), «Смерть Пери» (1837) А. И. Подолинского.

«Проводником небесной девы Пери <...> в земном мире выступает *Дервиш*, одаренный способностью узнавать смысл происходящих событий, который приводит ее в сад певца Гафиза» (Ельцова 2024. 98):

«Благословен Аллах, создавший
Солнцеворот с зимой и летом

И в мраке ночи указавший
Пути планетам и кометам <...>.
Велик Аллах, создавший сушу
И океан вокруг создавший...» (Гумилев 1991б. 21–22).

В монологе Дервиша выражен один из постулатов суфизма о мнимости земного мира, согласно которому путь Дервиша заключается в познании Абсолюта. Дервишу ведомы «все семь небес и все четыре стихии» (Там же. 22) – кристалл, пустыня, солнце и полнолуние. «Семь твердей», согласно исламским представлениям (Сура «Весть» 78:12), доступны лишь душам праведников (Коран 1998. 513). Дервиш передает Пери волшебные средства – Белого единорога и Соломоново кольцо, которые должны помочь прекрасной деве не ошибиться в своем избраннике: «Дитя мое, молю, не требуй / Уроков мудрости моей: / Я предался душою небу, / Бегу мятущихся людей» (Гумилев 1991б. 23).

Образ Белого единорога с раннего творчества поэта наделен символическим значением. В сказке единорог проявляет двойственность характера: он покорен, мягок перед чистой девой, отражая ее небесную чистоту, но в гневе страшен, непобедим. Он становится испытующим символом, проверяющим искренность, чистоту помыслов тех, кто ищет небесную любовь Пери.

Эта проверка осуществляется также с помощью силы Соломонова кольца, обнажающей настоящие мотивы персонажей: «Кольцо с молитвою Господней / На палец милому надень, / И, если слаб он, в преисподней / Еще одна заплачет тень» (Гумилев 1991б. 23). Согласно священному Корану (Сура «Саба» 34:11(12)), Соломону были даны сверхъестественные способности: управлять ветрами, общаться с джиннами, понимать язык птиц (Коран 1998. 364). Соломоново кольцо также обладает мистической силой. В гумилевской

сказке испытанию Соломоновым кольцом подвергается Халиф, правитель, обладающий огромной властью и влиянием.

В произведении Н. Гумилева идея поэтического служения в духовном поиске Истины выражается в образе Гафиза¹: «Я тоже дервиш, но давно / Я изменил свое служенье: / Мои дары Творцу – вино, / Молитвы – песнь о наслажденье» (Гумилев 1991б. 44). Для представителей Серебряного века имя персидского поэта Хафиза Ширази (ок. 1321–1389/1390), связанного с суфийской духовной традицией, выступало символом Поэзии как божественного вдохновения, мистического прозрения и абсолютной творческой свободы. Поэтесса Лариса Рейснер в переписке с Гумилевым называла его «милый Гафиз» (Шоломова 1994. 479), а в своих стихах – «Сладкоречивый Гафиз, муж, ягуару подобный...» (1917).

Поэтоним Гафиз в произведении Н. Гумилева богато символическими смыслами, которые переплетаются и дополняют друг друга. Можно выделить следующие ключевые семантические значения имени: *‘поэт’* – Гафиз ассоциируется с искусством поэзии, что говорит о его творческом начале и таланте; *‘мудрец’* – в контексте сказки Гафиз наделен мудростью, глубокими познаниями, способностью видеть суть вещей; *‘просвещенный’* – это качество связано с проникновением в тайны мира, что делает Гафиза носителем знаний; *‘хранимый Богом’* – в имени скрыто покровительство со стороны высших сил, подтверждающих его избранность. Данный поэтоним выражает идею о том, что поэзия является формой освобождения тайных сил: «Живое слово, устремись / Туда, где зароженье слова, / Ни внутрь, ни вглубь, ни вишь, ни ввысь, / Ты, сила старая, за новой! (Гумилев 1991б. 47–48). По Гумилеву, поэт

1. Имя «Гафиз» вошло в русскую культуру через европейскую ориенталистику XIX в. (в частности, немецкую). Н. Гумилев следовал именно этой сложившейся романтической традиции, чтобы подчеркнуть преемственность высокой поэтической миссии и включить фигуру персидского поэта в систему собственных поэтических образов.

наделен особым духовным знанием: «в сюжетной линии пьесы «Гафизу подчиняются мертвые, являясь по заклинаниям его “отточенной воли”, ему служит белый единорог, символ чистоты и святости, ему принадлежит перстень Соломона» (Рейснер, Кошемчук 2022. 80). При этом поэт смиренно принимает все испытания, предложенные Дервишем, а Дервиш в итоге принимает первенство Гафиза: «Целую след твой на прощанье...» (Гумилев 1991б. 50). Содержание поэтонима Гафиз включает также предикаты *пламя*, *меч* в устаревшем поэтическом значении ‘*пыл, жар, воодушевление*’: «Ты весь как меч, разящий с силой, / Ты пламя, жгущее цветы» (Гумилев 1991б. 51). Таким образом, в произведении представлены не просто два дервиша, находящихся на разных ступенях духовного развития, но и сам процесс познания Абсолюта, который может быть достигнут различными путями. «Первый Дервиш олицетворяет собой путь к духовной цели через мудрость, отрешение от мирской жизни» (Ельцова 2024. 98), второй – Гафиз, напротив, символизирует путь через любовь к миру и поэзию.

В третьей картине Гафиз обращается к Хизру, почитаемому в арабской мифологии и суфийской традиции наставником поэтов, хранителем садов. Эти сады символизируют вечные истины, значимые для всего человечества. Обращение Гафиза к Хизру свидетельствует о его стремлении к мудрости, поиску истины, глубокому пониманию жизни: «Великий Хизр, отец садов, / В одеждах, как листва, зеленых, / Хранитель звонких родников, / Цветов и трав на пестрых склонах...» (Там же. 41).

Другая особенность Гафиза выражается в его способности беседовать с птицами:

«Вот солнце! И судил Аллах
О солнце ликовать Гафизу.
Сюда, Коралловая Сеть,

Цветок Граната, Блеск Зарницы,
Дух мускуса, я буду петь,
А вы мне отвечайте, птицы» (Там же. 42).

В Коране птицы часто символизируют свободу, божественное вдохновение, связь между земным и небесным. Они могут быть связаны с посланием Аллаха и служат напоминанием о Его величии. Птицы здесь выступают символом души, устремленной к познанию высших истин, освобождению от мирских уз («...и вот ты делал из глины подобие птиц с Моего дозволения и дул на них, и становились они птицами с Моего дозволения» (Сура «Трапеза» 5:110) (Коран 1998. 102). Другое концептуальное значение лексемы *птица* в Коране – ‘судьба’, ‘доля’ (Коран 1998. 233). С. А. Волков, анализируя стихотворение И. Бунина «Птица» (1903–1906) в соотнесении с кораническими смыслами, «выделяет в смысловой парадигме «птицы» две цепочки фрагментов коранической картины мира. Первая – отражение смысловой модели “птица – человек”, вторая – выражение отнесенности птицы к неземному: судьба – деяния – совесть – воля (человеческая) – душа (1) ↔ птица ↔ (2) дух/душа – ангел справа и ангел слева – Писание (Книга деяний) – воля (божественная) – знание – предопределение» (Волков 2021. 101).

В арабской сказке «Дитя Аллаха» птицы становятся собеседниками Гафиза, символизируя свободу, радость и бессмертие души. Помимо этого, в тексте произведения сам герой, уподобляя себя птицам («Я фениксом, я птицей Рок, / Я алконостом вещим кличу...»), усиливает свое собственное положение как поэта-пророка, наделенного способностью понимать скрытые истины. Птица Феникс, сжигающая себя и вновь воскресающая из пепла, символизирует обновление, вечную жизнь, что перекликается с идеей цикличности в природе и человеческом существовании. В сборнике арабских сказок «Тысяча и одна

ночь» Рок символизирует, помимо физической мощи, метафизическую силу, служа вестником перемен и предвестником судьбы (Иванова-Казас 2006. 134–135). Алконост, мифологическая птица из византийско-славянского фольклора, «райская птица с человеческим лицом» (Мифологический словарь 1990. 35), известна своим прекрасным голосом, песнями, обладающими магической силой. Согласно легендам, песня Алконоста могла предсказывать будущее, оказывать сильное воздействие на слушателей. Все эти образы вместе формируют многозначительный символический ряд, указывающий на трансцендентальное путешествие поэта, его стремление к Истине.

Заключение

В идиостиле Н. С. Гумилева концепт «Арабский Восток» выступает ключевым элементом художественной картины мира и репрезентирует программные установки акмеизма. В ходе исследования были выделены лексические репрезентанты данного концепта (поэтонимы, топонимы, лексика, выражающая материальную культуру и духовный мир), рассмотрена их смысловая трансформация. «Восточность» проявляется не только в стилизациях под средневековую арабскую поэзию, но и в эволюции художественного метода поэта – от романтической экзотики к акмеистической точности в изображении Востока и его глубокому экзистенциальному осмыслению. При этом концепт «Арабский Восток» тесно сплетается с ключевыми темами его лирики: странствием и стремлением к внутреннему преображению. Отсюда возникает усложненное концептуальное взаимодействие *поэт – дервиш*: поэт, как и дервиш, служит посредником между миром земным и божественным, что возводит творчество в ранг духовной практики. В этом контексте Н. Гумилев, обращаясь к образу Гафиза, подчеркивает важность поэзии как средства единения с Абсолютом, постижения красоты мира.

Литература

- 1- Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. (2024). «Арабский культурный код» в поэзии Н. Гумилева // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 185–195.
- 2- Аль-Рубаиави Х. Ш. А. Пьеса Н. Гумилева "Дитя Аллаха" на пересечении культурных традиций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 2. С. 73–79.
- 3- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (1890–1907). *Энциклопедический словарь* : в 86 т. СПб.: Брокгауз–Ефрон. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com>
- 4- Городецкий С. (1913). *Некоторые течения в современной русской поэзии* // Аполлон. № 1. С. 46–50.
- 5- Гумилев Н. (1991а). *Соч. : в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. Р. Щербакова. Москва: Худ. лит., Т. 1. Стихотворения и поэмы.* 589 с.
- 6- Гумилев Н. (1991б). *Соч. : в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. Р. Щербакова. Москва: Худ. лит., Т. 2. Драмы и рассказы.* 478 с.
- 7- Волков, С. . (2021). Концептуальный объект «птица» в одноименном стихотворении И. Бунина и кораническом тексте. *Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы*, 9(2), 91–110. <https://doi.org/10.52547/iarll.18.91>
- 8- Ельцова Е. Н. (2024). *Концепт дервиша в русской литературе начала XX века // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей Международной научной конференции [24–25 мая 2024] / под науч. ред. Е. Н. Лагузовой, Т. П. Курановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 93–100.*
- 9- Иванова-Казас О. М. (2006) *Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве.* СПб.: Нестор-История. 172 с.
- 10- *Коран* (1998). / пер. И. Ю. Крачковского. Ростов н/Д.: Феникс. 544 с.
- 11- *Мифологический словарь* (1990). / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Сов. энцикл., 672 с.
- 12- Насыров И. Р. (2009). *Основания мусульманского мистицизма (генезис и эволюция).* Москва: Языки славянских культур. 552 с.
- 13- Пригарина Н.И., Шелаев А.С. (2014). *Один бейт и два тарджи'банда* // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 6. С. 120-147.
- 14- Раскина Е. Ю. (2009). *Геософские аспекты творчества Н. Гумилева.* Москва: МГИ. 222 с.
- 15- Рейснер М. Л., Кошемчук Т. А. (2022). *Интерпретация образа дервиша в пьесе-сказке Николая Гумилева «Дитя Аллаха»* // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 2 (45). С. 72–82.

- 16- Слободнюк С. Л. (1994). *Элементы восточной духовности в поэзии Н. С. Гумилева* // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука. С. 164–186.
- 17- Фильштинский И. М. (1985). *История арабской литературы. V – начало X века*. Москва: Наука. 531 с.
- 18- Шоломова С. Б. (1994). *Судьбы связующая нить (Л. Рейснер и Н. Гумилев)* // Н. Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука. С. 470–489.
- 19- Яхьяпур М., Садеги-Сахлабад З., Карими-Мотаххар Дж. (2013). *Николай Гумилёв и мир Востока*, Тегеран: Пажухешгах улум енсани ва моталеат фарханги и Иранская Ассоциация русского языка и литературы. 1-ое изд., 236с.

Bibliography

- 1- Akimova T. I., Ibragim K. Kh. (2024). «*Arabskii kul'turnyi kod*» v poezii N. Gumileva // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. 2024. T. 16, № 3. S. 185–195.
- 2- Al'-Rubaiavi Kh. Sh. A. *P'sa N. Gumileva "Ditia Allakha" na peresechenii kul'turnykh traditsii* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filologiya. Zhurnalistika. 2023. № 2. S. 73–79.
- 3- Brokgauz F. A., Efron I. A. (1890–1907). *Entsiklopedicheskii slovar'* : v 86 t. SPb.: Brokgauz–Efron. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com>
- 4- Gorodetskii S. (1913). *Nekotorye techeniia v sovremennoi russkoi poezii* // Apollon. № 1. S. 46–50.
- 5- Gumilev N. (1991a). *Soch.* : v 3 t. / sost., podgot. teksta, primech. Shcherbakova. Moskva: Khud. lit., T. 1. Stikhotvoreniia i poem. 589 s.
- 6- Gumilev N. (1991b). *Soch.* : v 3 t. / sost., podgot. teksta, primech. Shcherbakova. Moskva: Khud. lit., T. 2. Dramy i rasskazy. 478 s.
- 7- Volkov, S. . (2021). *Kontseptual'nyi ob"ekt «ptitsa» v odnoimennom stikhotvorenii I. Bunina i koranicheskom tekste*. Issledovatel'skii Zhurnal Russkogo Iazyka i Literatury, 9(2), 91–110. <https://doi.org/10.52547/iarll.18.91>
- 8- El'tsova E. N. (2024). *Kontsept dervish v russkoi literature nachala KhKh veka* // Semantika i funktsionirovanie iazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi : sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [24–25 maia 2024] / pod nauch. red. E. N. Laguzovoi, T. P. Kuranovoi. Iaroslavl' : RIO IaGPU, 2024. S. 93–100.
- 9- Ivanova-Kazas O. M. (2006) *Ptitsy v mifologii, fol'klоре i iskusstve*. SPb.: Nestor-Istoriia. 172 c.
- 10- *Koran* (1998). / per. I. Iu. Krachkovskogo. Rostov n/D.: Feniks. 544 s.

- 11- *Mifologicheskii slovar'* (1990). / pod red. E. M. Meletinskogo. M.: Sov. entsikl., 672 s.
- 12- Nasyrov I. R. (2009). *Osnovaniia musul'manskogo mistitsizma (genezis i evoliutsiia)*. Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur. 552 c.
- 13- Prigarina N.I., Shelaev A.S. (2014). *Odin beit i dva tardzhi'banda* // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia. № 6. S. 120-147.
- 14- Raskina E. Iu. (2009). *Geosofskie aspekty tvorchestva N. Gumileva*. Moskva: MGI. 222 c.
- 15- Reisner M. L., Koshemchuk T. A. (2022). *Interpretatsiia obraza dervisha v p'ese-skazke Nikolaia Gumileva «Ditia Allakha»* // Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyi zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. 2022. № 2 (45). S. 72–82.
- 16- Slobodniuk S. L. (1994). *Elementy vostochnoi dukhovnosti v poezii N. S. Gumileva* // Nikolai Gumilev. Issledovaniia i materialy. Bibliografiia. SPb.: Nauka. S. 164–186.
- 17- Fil'shtinskii I. M. (1985). *Istoriia arabskoi literatury. V – nachalo X veka*. Moskva: Nauka. 531 c.
- 18- Sholomova S. B. (1994). *Sud'by sviazuiushchaia nit' (L. Reisner i N. Gumilev)* // N. Gumilev. Issledovaniia i materialy. Bibliografiia. SPb.: Nauka. S. 470–489.
- 19- Iakh'iapur M., Sadegi-Sakhlabad Z., Karimi-Motakhkhar Dzh. (2013). *Nikolai Gumilev i mir Vostoka*, Tegeran: Pazhukheshgakh ulum ensani va motaleat farkhang i Iranskaia Assotsiatsiia russkogo iazyka i literatury. 1-oe izd., 236s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Eltsova, E. (2026). THE CONCEPT “ARAB EAST” IN THE INDIVIDUAL STYLE OF N. GUMILYOV. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 71-89.

DOI: 10.66224/IARLL.28.4

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/425>

بررسی مفهوم «خاور عربی» در سبک منحصر به فرد نیکالای گومیلیوف

یلنا نیکالایونا یلتسوا*

دانشیار، انستیتوی عالی زبان‌های دانشگاه کارفاگن،
تونس، جمهوری تونس.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۶)

چکیده

در تمایز با سنت نمادگرایی، شاعر آکمیست، نیکالای گومیلیوف، نه تصویری انتزاعی، بلکه تصویری ملموس و عینی از خاور عربی خلق می‌کند که بر پایه تجربه شخصی و اصول شعرشناسی آکمیسم استوار است. در این مقاله، بر اساس آثار شاعر که دربردارنده واژگان شرقی هستند، تحلیل واژگانی-معنایی و مفهومی از ساختار و پویایی مفهوم «خاور عربی» صورت می‌گیرد. توجه ویژه‌ای به شیوه‌های بازنمایی زبانی این مفهوم، و نیز اهمیت فلسفی-نمادین و نقش پیرنگ‌ساز آن معطوف می‌شود. شکل‌گیری میدان مفهومی از طریق بازآفرینی هنری عناصر شعر کهن عربی، همچنین مضامین قرآنی و عرفان صوفیانه تحقق می‌یابد. پیوند مفاهیم «شاعر - درویش» نشانگر تأثیر ژرف تصوف بر فلسفه شعری گومیلیوف است. در نتیجه، مفهوم «خاور عربی» از یک واقعیت جغرافیایی به سازه‌ای پیچیده دینی-فلسفی بدل می‌شود و بازتاب‌دهنده سیر تحول جهان‌بینی مؤلف است، از جذابیت رمانتیک تا دقت آکمیستی در بازنمایی خاور و ژرف‌کاوی وجودشناختی آن.

واژگان کلیدی: نیکالای گومیلیوف، آکمیسم، خاور عربی، مفهوم، متن شرقی، سبک فردی، واژگان.

1. E-mail: elcova-elena@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

SYNTAGMATIC RELATIONS OF THE ADJECTIVE *МИГРАНТСКИЙ* AS A KEY COMPONENT OF MIGRATION DISCOURSE

Zubareva Ekaterina Olegovna^{1*}

Associate Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia.

Afanaseva Arina Alekseevna²

Senior Lecturer, Perm State National Research University,
Perm, Russia.

(date of receiving February, 2026; date of acceptance July, 2026)

Abstract

This article deals with the compatibility of the lexeme *мигрантский* as a relevant component of modern society in the context of globalization and international contacts. Ongoing migration flows directly impact language: the intensity of neologization of vocabulary, the emergence of new meanings, the development of polysemy, synonymy, and various syntagmatic relations. On the one hand, migrant is a central category of migration linguistics and, on the other, a key category modeling migration discourse. Collocation analysis is one of the most relevant and in-demand tools for studying the objective associative field of a word, its semantic and stylistic features, and clarifying its core and peripheral meanings. Syntagmatic relations can redefine the conceptual basis of a word, highlighting the relevant aspect in a specific communicative situation. The study is based on The Russian National Corpus. Corpus technologies ensure the reliability of the results, illustrating systemic patterns rather than random occurrences. The study resulted in a dictionary entry explaining all identified phrases containing the lexeme *мигрантский*.

Keywords: Migration Linguistics, Migration Discourse, Collocates, Corpus Technologies, Meaning, Dictionary Entry.

1. E-mail: fialka21-85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

*Corresponding author

2. E-mail: arina-af@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7812-0107>

АКТУАЛИЗАЦИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ АДЪЕКТИВА *МИГРАНТСКИЙ* КАК КЛЮЧЕВОГО КОМПОНЕНТА МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Зубарева Екатерина Олеговна^{1*}

Доцент,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия.

Афанасьева Арина Алексеевна²

Доцент,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия.

(дата получения: февраль 2026 г., дата принятия: июль 2026 г.)

Аннотация

В статье исследуется сочетаемость лексемы *мигрантский* как актуального компонента современного общества в условиях глобализации и международных контактов. Непрерывающиеся миграционные потоки напрямую влияют на язык: интенсивность неологизации словарного состава, появление новых значений, развитие многозначности, синонимии и различных синтагматических связей. Мигрант является, с одной стороны, центральной категорией миграционной лингвистики и, с другой стороны, рассматривается как ключевая категория, вокруг которой моделируется миграционный дискурс. Анализ сочетаемости или коллокационный анализ представляет собой один из самых актуальных и востребованных инструментов, позволяющий изучать объективное ассоциативное поле слова, его семантические и стилистические особенности, уточнять ядерные и периферийные значения. Синтагматические связи могут переопределять понятийную основу слова, актуализируя нужный аспект в конкретной коммуникативной ситуации. Исследование проводится на материале данных Национального корпуса русского языка. Корпусные технологии обеспечивают достоверность результатов, иллюстрируют системные закономерности, а не случайности. В качестве результата исследования сформирована словарная статья с толкованием всех выявленных словосочетаний с лексемой *мигрантский*.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, коллокаты, корпусные технологии, значение, словарная статья.

1. E-mail: fialka21-85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929> *Ответственный автор

2. E-mail: arina-af@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7812-0107>

Введение

Несмотря на то, что сам процесс миграции не новый, сейчас он более радикален, чем когда-либо прежде, и как процесс и как идеология. Все более отдаленные части мировой периферии присоединяются к сложной и интенсивной глобальной сети перемещений по разным причинам. Фактически, в настоящее время невозможно найти людей, не испытывающих желания отправиться в чужие и неизведанные страны в поисках безопасности, экономических возможностей, знаний или приключений. Миграция выражается в разных формах, включая временных мигрантов, иностранных студентов, сезонных работников, лиц, ищущих убежища, и туристов.

Непрекращающиеся миграционные потоки напрямую влияют на язык и общество: интенсивность неологизации словарного состава, появление новых значений, развитие многозначности, синонимии, появление различных синтагматических связей. Масштабность миграционных потоков и количество задействованных социальных акторов обуславливает необходимость актуализации лексических единиц и их значений, синтагматических связей, общей систематизации миграционного подязыка, что, в свою очередь, входит в задачи миграционной лингвистики (см., например, Piller 2016; Dijk 2018).

1- Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс, а ее предмет имеет комплексный характер и включает моделирование миграционного дискурса, описание его базовых категорий, разработку системы собственных методов и создание специальных словарей. Миграция и мигрант являются, с одной стороны, центральными категориями миграционной лингвистики и, с другой стороны, рассматриваются как две ключевые категории, вокруг которых моделируется миграционный дискурс (Шустова 2022; Зубарева 2019).

2- Миграционный дискурс определяется как: упорядоченная последовательность слов или предложений, обладающих собственной

структурой, выражающая согласованные последовательности локальных и глобальных значений; особое социальное взаимодействие (доминирование или сопротивление, научная коммуникация); культурный феномен; экономический товар или ресурс (он может быть куплен или продан, например, в виде газеты или книги); особая форма власти (политическая пропаганда, дебаты); общая философская или политическая система (Gee 1999; Dijk 1980).

Основная часть

1- В статье рассматривается синтагматическая связь важной категории миграционного дискурса «мигрант», но в грамматической форме прилагательного. Исследований, посвященных изучению коллокативного потенциала прилагательных не так много, что обуславливает актуальность предлагаемой работы.

2- В качестве источника материала принято решение использовать Национальный корпус русского языка. Корпус – это собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка (McEnergy, Wilson 2001). Определение раскрывает гносеологическую функцию корпуса, отбор текстов – не случайный, а научно обоснованный процесс и представляет не сам язык, а его модель. Мы не можем изучать весь русский язык во всем его бесконечном многообразии, но мы можем создать его уменьшенную, управляемую и при этом репрезентативную модель. Изучая конкретную модель языка, по заранее заданным параметрам, мы делаем выводы о языке в целом и корпус в данном случае служит эмпирической базой, которая позволяет изучать язык объективно.

Материал из корпусов является одним из ключевых для лингвистических исследований. Современный этап развития гуманитарных наук отмечается дискуссиями относительно того, что определяет теоретико-методологическую

базу лингвиста и его инструментарий. «Постоянно идет борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей» (Алпатов 2015. 18). Корпус рассматривается «в качестве представительной выборки всей совокупности речевых произведений» (Новое в зарубежной лингвистике 1983. 272). Репрезентативность выбранного корпуса обеспечивает максимальный объем материала и достоверность результатов. Именно корпуса за счет многочисленных примеров позволяют изучить лексические единицы с точки зрения их реального функционирования, расширения семантического потенциала и сочетаемости. Только большой объем гарантирует, что действительно изучаются системные закономерности языка, а не случайности.

«Корпусные менеджеры обеспечивают пользователю быстрый и удобный поиск в корпусе текстовых примеров» (Кибрик 2019. 417). Основной функцией любого корпуса является «...предоставление пользователю всех контекстов, в которые входит искомое языковое выражение, то есть конкорданса» (там же). В ответ на запрос система находит и отображает все случаи употребления искомого слова или конструкции в тексте. Следует отметить, что корпусные технологии, как и другие компьютерные технологии, не могут самостоятельно идентифицировать, обобщать, анализировать и интерпретировать материал, корпус является лишь источником материала, а его обработка производится авторами самостоятельно согласно задачам исследования. Корпус позволяет реконструировать ту или иную лексику через анализ эволюции значений и, что особенно важно, через анализ ее коллокатов, выявляющих устойчивые ассоциативные связи, которые и образуют целостное и актуальное знание. Как правило, такие связи не отражаются в обычных словарях и представляют особую ценность.

Анализ сочетаемости или коллокационный анализ в корпусе представляет собой один из самых мощных ресурсов. Он позволяет изучать ассоциативное поле слова, его семантические и стилистические особенности объективно, на основе больших данных (там же). Важность изучения коллокаций обусловлена, тем, что они уточняют и конкретизируют значение слов, которые ее образуют (Найда 1983. 63).

Д.О. Добровольский описывает синтагматические связи следующим образом: «...область сочетаемости любого слова (его комбинаторный потенциал) имеет центр и периферию» (Добровольский 2005. 43). В центре находятся сочетания, которые наиболее легко и однозначно актуализируют ядерное значение лексемы; на периферии – те, которые актуализируют ее более специфические значения или новые смыслы. Именно эта область оказывается наиболее значимой с точки зрения языковых изменений, которые происходят не мгновенно и не случайно, а постепенно, через изменение статуса периферийных словосочетаний. Это зона языковых экспериментов и потенциальных изменений. Центральные сочетания стабильны и консервативны, они актуализируют устоявшееся, ядерное значение. А вот на периферии язык пробует новые возможности, расширяет границы употребления. Именно в них накапливается потенциал для будущих сдвигов. Периферийный компонент может начать использоваться все чаще, теряя оттенок необычности и в итоге восприниматься как уже стандартное (там же. 45).

С.Д. Кацнельсон отмечает, что само по себе слово имеет лишь грамматический потенциал, его конкретное, коммуникативное значение (актуализирует ли оно предмет, признак или процесс) определяется в синтагматической цепи, в сочетании с другими словами (Кацнельсон 1972. 55). Синтагматика может временно переопределять понятийную основу слова, актуализируя нужный аспект в конкретной коммуникативной ситуации (Кубрякова 2004. 192).

По результатам исследования авторы сформировали большую словарную статью, которая включает выявленные словосочетания с лексемой *мигрантский*. Авторы проверили и убедились, что ни одно словосочетание не зафиксировано в толковых или иных словарях. Для формулировки толкований словосочетаний во всех случаях как основа используется Большой академический словарь русского языка (БАС), соответственно ссылка каждый раз на него не указывается. Если используется другой источник, то ссылка указывается в виде сноски. Авторы объединяют значение адъектива и главного слова, зафиксированного в словаре БАС или иных источниках с миграционным аспектом и формулируют толкование целого словосочетания самостоятельно.

Словосочетания располагаются в алфавитном порядке, заголовочное слово не дублируется, вместо него ставится знак «~». Каждое словосочетание иллюстрируется примером употребления. Словосочетания, толкование, которых представлено в переносном значении, отмечаются пометкой *перен.*

МИГРАНТСКИЙ (-АЯ; -ОЕ)

~ **анклав:** территория компактного проживания иностранных граждан, постоянно пополняющаяся в результате притока новых соотечественников¹. *В 2015 году рынок был закрыт из-за постоянных нарушений и жалоб местных жителей, а вот сам мигрантский анклав сохранился* (С. Андреев. Мигранты: решение проблемы, 2024, НКРЯ).

~ **бунт:** стихийное восстание, мятеж иностранных граждан. *Во Франции, где от идеи мультикультурализма отмежевался еще Саркози, и при Олланде*

1. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М: Изд-во РГСУ: Акад. Проект, 2007. С.9

вспыхивают мигрантские бунты (Политика адаптации: Европа и США не жалуют мигрантов // Vesti.ru, 2013, НКРЯ).

~ **внешность:** облик, черты лица, наружность иностранного гражданина. *Российская полиция проверяет документы у вызывающих подозрения людей «мигрантской внешности», проявляя еще меньшую политкорректность, – и даже это лучше, чем бесконтрольно впускать, как это было в Европе в 2015 году, всех подряд бегущих из Африки и с Ближнего Востока* (И. Бараникас. Стоит ли защищать западную цивилизацию от ислама // Московский комсомолец, 2017, НКРЯ).

~ **гетто:** часть города, выделенная для принудительного поселения иностранных граждан (первоначально евреев) по национальному расовому или религиозному признаку. *Выходец из Афганистана, он вырос в мигрантском гетто Гетеборга, но получил образование и сделал карьеру* (Святая шведская инквизиция // Ведомости, 2020, НКРЯ).

~ **диаспора:** устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины, имеющая социальные институты для развития данной национальной общности¹. *Подавляющее большинство в мигрантских диаспорах составляют труженики, ради прокорма семьи готовые терпеть произвол и поборы со стороны «оборотней» из правоохранительных органов, сносить предвзятое к себе отношение некоторых коренных россиян* (В. Игнатов. Пламя Парижа Москве не светит // Труд-7, 2005, НКРЯ).

~ **зарплата:** жалование, оклад², выплачиваемые иностранному гражданину за трудовую деятельность. *Но вот кто разъяснит тем же владельцам*

1. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М: Изд-во РГСУ: Акад. Проект, 2007. С.47

2. Александрова З. Е. (2011) Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2011. 600 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index-199.htm#199>

бизнеса, что нехорошо (хотя и абсолютно законно) нанимать на работу пришедших, когда есть возможность обеспечить работой местных, не унижая их мигрантской зарплатой (Д. Стешин, А. Овчинников. «Раньше детвора в бирюльки играла. Теперь – «в Бирюлево»...» // Комсомольская правда, 2013, НКРЯ).

перен. ~ икона: иностранный гражданин, являющийся объектом почитания и образцом для других¹. *Однако и Зейналов не годится на роль мигрантской иконы* (Н. Осс. А будет ли девочка? // Известия, 2013, НКРЯ).

~ квартал: часть города, ограниченная несколькими пересекающимися улицами, в которой проживают большое количество иностранных граждан. *На этом немецко-турецком суржики и говорят мигрантские кварталы Берлина* (Меркель: политика «мульти-культи» провалилась // Vesti.ru, 2010, НКРЯ).

перен. ~ квартира: отдельное жилое помещение в доме, в котором проживает иностранный гражданин. *У меня, например, в такой «мигрантской» квартире есть супружеская пара как бы «старших жильцов» – они живут на кухне, и женщина кормит всех остальных съёмщиков* (А. Лебедева. «Пришлось отдирать обои: квартира кишела клопами» // lenta.ru, 2016, НКРЯ).

~ квота: установленное, допускаемое законом или иным правовым актом количество иностранных граждан, которые могут въехать в страну². *«Вышеградская группа» (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) дружно выступает против мигрантских квот, с помощью которых ЕС – при активной поддержке Германии и Франции – хочет распределять мигрантов*

1. Крысин Л. П. (2012) Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление. М.: АСТ-Пресс, 2012. 410 с. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm>

2. Большой юридический словарь. Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2. изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с. URL: <https://gufo.me/dict/law>

по всем своим государствам-членам (Брюссель против разочарованных: как Восточная Европа ищет свой путь в ЕС // РБК, НКРЯ).

перен. ~ марафон: длительное и напряженное путешествие иностранного гражданина. *«Черт знает что» – в эту фразу уложился итог всего моего 3-месячного мигрантского марафона* (Е. Супрычева. Похождения нелегальной мигрантки: как я сдавала экзамен на знание русского языка // Комсомольская правда, 2013, НКРЯ).

перен. ~ масса: большое количество иностранных граждан. *Не хочу каркать, но при любом мало-мальском испытании для страны вся эта мигрантская, размытая, недовольная масса (население ведь еще не народ) не сдаст экзамена по сопромату* (Г. Сапожникова. Будут ли русские чтить коран и есть рис палочками? // Комсомольская правда, 2003, НКРЯ).

перен. ~ мир: общество иностранных граждан, характеризующееся определенным общественным строем, культурными и социально-историческими признаками. *Список Иверской Божьей Матери, вывезенный наполеоновской армией 85 лет назад, выкупали всем мигрантским миром* (Русские опять перевернули Францию // Vesti.ru, 2016, НКРЯ).

~ митинг: массовое собрание иностранных граждан для обсуждения актуальных вопросов. *Мигрантский митинг, планировавший собрать миллион мигрантов на Манежке, не состоится – мэрия не дала разрешения* (И. Шамир. Лицо мигранта // Комсомольская правда, 2014, НКРЯ).

перен. ~ море: большое количество иностранных граждан. *Впрочем, количество обследованных – это капля в мигрантском море столицы: по данным Госсанэпиднадзора Москвы, только официальное разрешение на трудовую деятельность сейчас имеют около 50 тысяч выходцев из Азии* (С. Беленя. Китайские рынки превращаются в бутики // Комсомольская правда, 2003, НКРЯ).

~ наука: система теоретических знаний в сфере миграции. *Однако, как бы там ни было, «мигрантская наука» уже стала социальным феноменом и,*

вероятно, не только для Волгограда (А. Серенко. Ученые-мигранты расшевелили волгоградских коллег // Независимая газета (приложение «НГ-Регионы»), 1998, НКРЯ).

~ **ночлежка**: место, где может переночевать бездомный и не имеющий средств к существованию иностранный гражданин. *Например, общественная организация «Светлая Русь» больше двух лет, занимается патрулированием мигрантских ночлежек в центре Москвы* (А. Егоров, А. Галеев. В российских городах-миллионниках появятся миграционные патрули // Комсомольская правда, 2013, НКРЯ).

~ **община**: форма объединения иностранных граждан в условиях определенного типа социально-экономических отношений, характеризующаяся коллективной собственностью, совместным ведением хозяйства при полном или частичном самоуправлении. *Они занимаются вопросами трудовой миграции, адаптации мигрантов к культурной и языковой среде, взаимодействия мигрантских общин с государственными органами, проблемой беженцев* (Мигрантов-наркоманов не пустят в Россию // Парламентская газета, 2021, НКРЯ).

перен. ~ **осень**: временный период спада территориальных перемещение населения. *Анастасия Мельникова, обозреватель МИА «Россия сегодня»: «Арабская весна» в странах Северной Африки и Ближнего Востока обернулась в результате для Европы «мигрантской осенью»* (Испортил ли Европу «мигрантский вопрос»? // РИА Новости, 2015, НКРЯ).

перен. ~ **отстойник**: место концентрации или проживания иностранных граждан. *Россия превратилась не только в проходной двор из Азии в Европу, но и в обширный мигрантский отстойник* (О. Одноколенко. Полтора экватора // «Итоги», 2003, НКРЯ).

~ **поселок**: небольшой населенный пункт, расположенный обычно недалеко от города, в котором проживает много иностранных граждан. *За*

считанные месяцы мигрантский поселок превратился в город в городе (Крайние меры: трущобы мигрантов в Кале пустят под бульдозеры // Vesti.ru, 2016, НКРЯ).

~ **поэзия:** стихотворное словесное художественное творчество, описывающее жизнь и эмоции иностранного гражданина. *Сейчас меня интересует еще вопрос мигрантской поэзии в России, и в частности – в Москве* («Все не так плохо, как описывают» // lenta.ru, 2019, НКРЯ).

~ **приют:** благотворительное учреждение для иностранных граждан, где они могут бесплатно пожить определённый период. *Еще более тревожным сигналом является статистика преступлений на почве расистских и националистических настроений: в прошлом году на треть увеличились открытые массовые выступления против беженцев, нападения на мигрантские приюты* (А. Чурсин. Террор переходит границы. Выслать всех беженцев требуют немцы после «кровавой недели» // Новая газета, 2016, НКРЯ).

перен. ~ **прослойка:** часть общества, состоящая из иностранных граждан и не образующая особый класс. *Петербургский модельер Ирина Ашкинадзе является абсолютным сторонником внедрения школьной формы, особенно в тех школах, где велика мигрантская прослойка* (И. Шамир. Лицо мигранта // Комсомольская правда, 2014, НКРЯ).

перен. ~ **рай:** место, где могут счастливо и безмятежно жить иностранные граждане. *Помимо Германии, афганских беженцев массово высылают Норвегия, Швеция, Финляндия и Австрия – страны, считавшиеся мигрантским раем* (А. Куприянов. Погостили и хватит // lenta.ru, 2017, НКРЯ).

~ **район:** часть города, ограниченная несколькими пересекающимися улицами, в которой проживают большое количество иностранных граждан. *А вновь прибывшие селятся туда. Так район становится мигрантским и маргинальным. Им там по большому счету нечем заниматься* (А. Молодых. В поисках позитива // «Русский репортер», 2014, НКРЯ).

перен. ~ **рать:** см. мигрантское море. *И вот уже собирает силы «вся мигрантская рать»* (НКРЯ).

перен. ~ **река:** см. мигрантское море. *Везде приобретут ещё больше веса те, кто считает, что мигрантские реки пора превратить в контролируемые и, по крайней мере, культурно ассимилируемые ручейки* (Никто не пишет в соцсетях, на стенах и в газетах «Я – Ирак!», или «Я – Багдад!» // Парламентская газета, 2016, НКРЯ).

~ **семья:** группа близких, кровных родственников, прибывших из другой страны или региона. *На их фоне мигрантские семьи выделяются вниманием и уважением к школе* (А. Лонская. На черной-черной улице стоит черная-черная школа... // «Русский репортер», 2012, НКРЯ).

~ **сообщество:** объединение иностранных граждан, связанных общими условиями жизни. *Считаем важным активизировать взаимодействие по профилактике экстремизма с национальными автономиями и диаспорами, в том числе с представителями национальных организаций регионов и мигрантского сообщества* (В мусульманской общине предложили меры борьбы с экстремизмом // РИА Новости, 2020, НКРЯ).

~ **статья:** закон, нормативный акт в сфере миграционной политики. *Согласно статистическим данным Верховного суда, наиболее распространенными административными правонарушениями в России (не считая абсолютного лидера списка – нарушения водителями правил дорожного движения) являются распитие спиртных напитков и курение в общественных местах, мелкое хулиганство, а также «мигрантская» статья «Нарушение режима пребывания на территории РФ»* (Д. Евстифеев. МВД будет «продувать» всех мелких нарушителей на алкоголь // Известия, 2014, НКРЯ).

перен. ~ **столица:** главный город, административно-политический центр государства, в котором сконцентрировано большое количество иностранных

граждан. *Мальмё неофициально считается «мигрантской столицей Швеции» из-за большого числа приезжих и беженцев* (В «мигрантской столице Швеции» открыли стрельбу по прохожим // lenta.ru, 2019, НКРЯ).

~ **существование:** условия жизни иностранных граждан. *Легализовавшись через гостиницу, владеть свое мигрантское существование можно где угодно – хоть у своей девушки, хоть у бабушки* (Г. Компанец. Дыра в заборе. Торговля миграционными картами уже стала доходным бизнесом // «Известия», 2003, НКРЯ).

перен. ~ **тропа:** известный и проверенный маршрут до определенной территории. *По бокам дороги идет бойкая торговля, ведь местные жители знают, что это «большая мигрантская тропа»* (У себя в гостях // Коммерсант, 2010, НКРЯ).

~ **труд:** целенаправленная деятельность иностранного гражданина, требующая умственного или физического напряжения. *С моей точки зрения, нужно провести честный анализ оплаты уровня труда мигрантов, кроме того, определить стратегически важные отрасли, где мигрантский труд применять недопустимо* (А. Хрусталева, генеральный директор «НДВ-Недвижимость»). Мигранты: Эмоциональное решение рациональных вопросов // РБК Дейли, 2013, НКРЯ).

~ **трущоба:** бедная, грязная, тесно застроенная часть города, в которой проживают иностранные граждане. *По решению французского суда, бульдозеры должны сравнять с землей мигрантские трущобы у входа в Евротуннель* (Крайние меры: трущобы мигрантов в Кале пустят под бульдозеры // Vesti.ru, 2016, НКРЯ).

~ **фобия:** навязчивое состояние страха у иностранного гражданина. *Во весь свой исполинский рост встал вопрос этнических и мигрантских фобий, на которых в современной России делаются серьезные политические карьеры* (А. Колесников. Окончательное решение // Известия, 2004, НКРЯ).

~ **школа:** учебное общеобразовательное учреждение, в котором обучаются большое количество иностранных детей. *У нас сейчас существует очень много мифов, что какие-то школы называют «мигрантскими». «Есть такая-то школа, и там больше 50 % детей не говорят по-русски». Два года назад нас заинтересовала эта тема, насколько это правда? В мигрантском районе он оказывается в мигрантской школе, и у него не происходит никакой адаптации и интеграции в общество* (В. Шумаков. «Мы живем с ними в параллельных мирах» // lenta.ru, 2019, НКРЯ).

перен. ~ **шторм:** сильное волнение среди иностранных граждан или в принимающем их обществе. *Чего стоит, допустим, на фоне терзающих ныне Европу мигрантских штормов запавшее в память в начале 60-х годов суждение Вилли Брандта: «Сейчас нет проблемы Запада и Востока* (Британия отмэйилась // Парламентская газета, 2019, НКРЯ).

~ **центр:** крупный населенный пункт с административными зданиями, торговыми, банковскими учреждениями и т.п. *Мигрантский центр в Кале практически стал городом беженцев: там появились магазины, школы и религиозные учреждения* (Мигранты зашили себе рты в знак протеста против сноса лагеря в Кале // lenta.ru, 2016, НКРЯ).

~ **экономика:** совокупность производственных отношений общественно-экономической формации, включающей иностранных граждан. *Так происходит, когда страна увязает в мигрантской экономике – «лопатном технологическом укладе» – и в топку нужно бросать всё больше и больше дров* («В 2025 году Россию ждет демографическая яма» // Известия, 2016, НКРЯ).

Заключение

В корпусе Национального русского языка были проанализированы все контексты с ключевой лексемой *мигрантский* в двух подкорпусах: основной и

газетный с целью актуализировать ее сочетаемость. В результате исследования выявлено 41 словосочетание, ни одно из которых не зафиксировано в существующих словарях или иных источниках. Авторы сформировали словарную статью, где предложили толкование каждого словосочетания и проиллюстрировали его примерами употребления. Отметим, что 14 словосочетаний используются в переносном значении. Представленная статья демонстрирует большой синтагматический потенциал лексемы *мигрантский*, ее сложность, многогранность и значение в современном обществе и в сознании носителей русского языка.

Литература

- 1- Александрова З. Е. (2011). *Словарь синонимов русского языка*. М.: Русский язык, 2011. 600 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index-199.htm#199> (дата обращения: июль 2025).
- 2- Алпатов В. М. (2015). *Что и как изучает языкознание?* // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7–21.
- 3- *Большой академический словарь русского языка*. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344> (дата обращения: июль– декабрь 2025).
- 4- *Большой юридический словарь*. (2003). Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2. изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с. URL: <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: сентябрь 2025).
- 5- Добровольский Д. О. (2005). *Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус* // Русский язык в научном освещении. 2005. №2 (10). С. 43– 86.
- 6- Зубарева Е. О. (2019). *Модель миграционного дискурса* // Теоретическая и прикладная лингвистика. Т. 5. № 1. С. 35–45.
- 7- Кацнельсон С. Д. (1972). *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 216 с.
- 8- Кибрик А. Е. (2019). *Введение в науку о языке* / под ред. О.В. Федоровой и С.Г. Татевосова. М.: Буки Веди, 2019. 672 с.
- 9- Крысин Л. П. (2012). *Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление*. М.: АСТ-Пресс, 2012. 410 с. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm> (дата обращения: июль–декабрь 2025).

- 10- Кубрякова Е. С. (2004). *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения* / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- 11- Найда Ю. А. (1983). *Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения* // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. 15. С. 61–70.
- 12- *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: июль 2025 – январь 2026).
- 13- *Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы в лексикографии (1983)*. / Под ред. Ю. Б. Городецкого. Вып. XIV. М.: Прогресс, 1983. 397 с.
- 14- Шустова С. В. (2022). *Языковая репрезентация социальных агентов в миграционном дискурсе* // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2022. Т. 16. № 1. С. 91–98.
- 15- Юдина Т. Н. (2007) *Миграция: словарь основных терминов*. М: Изд-во РГСУ: Акад. Проект, 2007. 472 с.
- 16- Gee J. P. (1999). *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London: Routledge. 1999. 163 p.
- 17- McEnery T., Wilson A. (2001). *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 235 p. URL: https://www.academia.edu/1171341/McEnery_T_and_Wilson_A_2001_Corpus_Linguistics_second_edition_ (дата обращения: август 2025).
- 18- Piller I. *Language and Migration*. London: Routledge, 2016. 1600 p.
- 19- Van Dijk T. A. (2018). *Discourse and migration* // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. By R. Zapa. 2018. 23 p.
- 20- Van Dijk T. A. (1980). *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates. 1980. 317 p.

Bibliography

- 1- Aleksandrova Z. E. (2011). *Slovar' sinonimov russkogo iazyka*. М.: Russkii iazyk, 2011. 600 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index-199.htm#199> (data obrashcheniia: iul' 2025).
- 2- Alpatov V. M. (2015). *Chto i kak izuchaet iazykoznanie?* // Voprosy iazykoznanii. 2015. № 1. S. 7–21.
- 3- *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka*. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344> (data obrashcheniia: iun'- dekabr' 2025).

- 4- Bol'shoi iuridicheskii slovar'. (2003). Pod red. A.Ia. Sukhareva, V.E. Krutskikh. 2. izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2003. 703 s. URL: <https://gufo.me/dict/law> (data obrashcheniia: sentiabr' 2025).
- 5- Dobrovol'skii D. O. (2005). *Faktory sochetaemosti: semantika, pragmatika, uzus* // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2005. №2 (10). S. 43– 86.
- 6- Zubareva E. O. (2019). *Model' migratsionnogo diskursa* // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. T. 5. № 1. S. 35–45.
- 7- Katsnel'son S. D. (1972). *Tipologiya iazyka i rechevoe myshlenie*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenenie, 216 s.
- 8- Kibrik A. E. (2019). *Vvedenie v nauku o iazyke* / pod red. O.V. Fedorovoi i S.G. Tatevosova. M.: Buki Vedi, 2019. 672 s.
- 9- Krysin L. P. (2012). *Sovremennyyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 7000 slov i vyrazhenii, tolkovanie znachenii, proiskhozhdenie, upotreblenie*. M.: AST-Press, 2012. 410 s. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm> (data obrashcheniia: iul'-dekabr' 2025).
- 10- Kubriakova E. S. (2004). *Iazyk i znanie. Na puti polucheniia znaniy o iazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochkoy zreniya* / Ros. akademiya nauk. In-t iazykoznaniiya. M.: Iazyki slavianskoy kul'tury, 2004. 560 s.
- 11- Naida Iu. A. (1983). *Protsedury analiza komponentnoy struktury referentsionnogo znacheniya* // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. 1983. Vyp. 15. S. 61–70.
- 12- *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka*. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniia: iul' 2025 – yanvar' 2026).
- 13- *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Problemy i metody v leksikografii (1983)*. / Pod red. Iu. B. Gorodetskogo. Vyp. XIV. M.: Progress, 1983. 397 s.
- 14- Shustova S. V. (2022). *Iazykovaya reprezentatsiya sotsial'nykh agentov v migratsionnom diskurse* // Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh iazykov. 2022. T. 16. № 1. S. 91–98.
- 15- Iudina T.N. (2007) *Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov*. M: Izd-vo RGSU: Akad. Proekt, 2007. 472 s.
- 16- Gee J. P. (1999). *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. London: Routledge. 1999. 163 p.
- 17- McEnery T., Wilson A. (2001). *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 235 p. URL: https://www.academia.edu/1171341/McEnery_T_and_Wilson_A_2001_Corpus_Linguistics_second_edition_ (data obrashcheniia: avgust 2025).
- 18- Piller I. *Language and Migration*. London: Routledge, 2016. 1600 p.
- 19- Van Dijk T. A. (2018). *Discourse and migration* // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. By R. Zapa. 2018. 23 r.

- 20- Van Dijk T. A. (1980). *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates. 1980. 317 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Zubareva , E. ., & Afanaseva, A. (2026). SYNTAGMATIC RELATIONS OF THE ADJECTIVE МИГРАНТСКИЙ AS A KEY COMPONENT OF MIGRATION DISCOURSE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 91-110.

DOI: 10.66224/IARLL.28.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/416>

بررسی فعلی سازی پیوندهای همنشینی صفت «مهاجرتی» به عنوان عنصر کلیدی

گفتمان مهاجرت

یکاترینا آگوننا زوبارووا^{*۱}

دانشیار، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

آرینا آکسئی یونا آفاناسیونا^۲

استادیار، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۶)

چکیده

در این مقاله، همنشینی واژه «مهاجرتی» به عنوان مؤلفه جاری جامعه معاصر در شرایط جهانی شدن و مناسبات بین‌المللی بررسی می‌شود. جریان‌های مهاجرتی بی‌وقفه تأثیری مستقیم بر زبان دارند: بر شدت واژه‌سازی جدید در ذخیره واژگانی، پیدایش معانی تازه، گسترش چندمعنایی، مترادف‌سازی و پیوندهای همنشینی گوناگون. وسعت جریان‌های مهاجرتی و شمار کنشگران اجتماعی درگیر، ضرورت فعلی‌سازی واحدهای واژگانی و معانی آنها و سامان‌دهی نظام‌مند در حوزه مهاجرت را ایجاب می‌کند که خود از جمله وظایف زبان‌شناسی مهاجرتی است. «مهاجر» از یک سو، مقوله مرکزی زبان‌شناسی مهاجرتی است و از سوی دیگر، به عنوان مقوله کلیدی‌ای تلقی می‌شود که گفتمان مهاجرتی پیرامون آن شکل می‌گیرد؛ گفتمانی که به مثابه تعامل اجتماعی ویژه، صورتی از قدرت، و نظامی فلسفی یا سیاسی درک می‌شود. نویسندگان بر همنشینی واژه مورد بررسی تأکید دارند. تحلیل همنشینی یا تحلیل همایندی، یکی از کارآمدترین و پرکاربردترین ابزارهاست که امکان مطالعه میدان تداعی عینی واژه، ویژگی‌های معنایی و سبکی آن، و نیز تعیین دقیق‌تر معانی هسته‌ای و حاشیه‌ای را فراهم می‌آورد. پیوندهای همنشینی می‌توانند بنیاد مفهومی واژه را بازتعریف کنند و جنبه موردنظر را در موقعیت ارتباطی خاص، فعلی‌سازند. این پژوهش بر پایه دادگان پیکره زبان روسی ملی انجام گرفته است. فناوری‌های پیکره‌ای، اعتبار نتایج را تضمین می‌کنند و الگوهای نظام‌مند را به تصویر می‌کشند، نه تصادف‌ها را. در پایان پژوهش، مدخل واژگانی مفصلی تدوین شده است که دربردارنده تفسیر همه ترکیبات شناسایی شده با واژه «مهاجرتی» است.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی مهاجرتی، گفتمان مهاجرتی، هماینها، فناوری‌های پیکره‌ای، معنا، مدخل واژگانی.

1. E-mail: fialka21-85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

2. E-mail: arina-af@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7812-0107>

ADAPTATION CLASSES AS AN INSTITUTIONAL MODEL FOR PREVENTING DEVIANT BEHAVIOR IN CHILDREN FROM FAMILIES WITH A MIGRATION HISTORY: LINGUODIDACTIC AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECTS

Krinityna Olga Pavlovna^{1*}

Associate Professor, Perm State University of Humanities and Education
Perm, Russia.

Kolomiychenko Lyudmila Vladimirovna²

Professor, Perm State University of Humanities and Education
Perm, Russia.

(date of receiving: May, 2026; date of acceptance August, 2026)

Abstract

The article examines the evolution of approaches to the adaptation of minor foreign citizens in the Russian Federation. It substantiates the need to transition from disparate pedagogical practices to an institutional model of adaptation classes, which can serve as a tool for preventing deviant behavior among migrant children. The article highlights two key aspects of the functioning of such classes: linguodidactic (overcoming the language barrier as a major factor in maladaptation) and psychological and pedagogical (compensating for cultural shock and frustration, and fostering positive identity). This issue is particularly relevant from the perspective of migration linguistics, which studies, among other things, the linguistic mechanisms of linguistic tolerance and linguistic conflict. Migrant children are one of the main categories of the migration concept sphere. Based on the analysis of regional practices and scientific research, it has been shown that the systematic work of adaptation classes, which integrates intensive Russian language training, psychological and pedagogical support, and involvement in the culture of the host community, directly correlates with a decrease in the risks of social isolation, conflict, and deviant behavior.

Keywords: Children with a Migration History, Foreign Languages, Adaptation Class, Deviant Behavior, Language Adaptation, Sociocultural Integration, Migrant Pedagogy, Prevention.

1. E-mail: krinityna_op@pspu.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5267-6389> *Corresponding author

2. E-mail: lvk_pspu@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9009-7816>

АДАПТАЦИОННЫЕ КЛАССЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Криницына Ольга Павловна^{1*}

Доцент,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Коломийченко Людмила Владимировна²

Профессор,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

(дата получения: май 2026 г., дата принятия: август 2026 г.)

Аннотация

В статье рассматривается эволюция подходов к адаптации несовершеннолетних иностранных граждан в Российской Федерации. Обосновывается необходимость перехода от разрозненных педагогических практик к институциональной модели адаптационных классов, способной выступать инструментом профилактики девиантного поведения детей-мигрантов. Выделены два ключевых аспекта функционирования таких классов: лингводидактический (преодоление языкового барьера как основного фактора дезадаптации) и психолого-педагогический (компенсация культурного шока и фрустрации, формирование позитивной идентичности). Данная проблематика является особенно актуальной с позиций миграционной лингвистики, в рамках которой изучаются в том числе лингвистические механизмы лингвотолерантности и лингвоконфликтности. Дети-мигранты – одна из основных категорий концептосферы миграции. На основе анализа региональных практик и научных исследований показано, что системная работа адаптационных классов, интегрирующая интенсивное обучение русскому языку, психолого-педагогическое сопровождение и вовлечение в культуру принимающего сообщества, прямо коррелирует со снижением рисков социальной изоляции, конфликтности и девиантных проявлений.

Ключевые слова: дети с миграционной историей, инофоны, адаптационный класс, девиантное поведение, языковая адаптация, социокультурная интеграция, мигрантская педагогика, профилактика.

1. E-mail: krinitsina_op@pspu.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5267-6389> * Ответственный автор

2. E-mail: lvk_pspu@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9009-7816>

Введение

Российская Федерация, по данным ООН, занимает второе место в мире по численности проживающих международных мигрантов, что придаёт особую остроту проблеме интеграции прибывающего населения в российский социум. Наиболее уязвимой категорией являются дети из семей с миграционной историей, для которых именно система образования становится главным институтом социализации. Дети-мигранты рассматриваются как один из ключевых концептов сферы миграции и рассматриваются как социальные агенты миграционного дискурса. Однако низкий уровень владения русским языком (по данным Росстата, лишь 9 % мигрантов имеют высшее образование) (Статистика 2024), культурная дистанция и пережитый стресс создают комплексный барьер для успешного включения ребёнка в учебный процесс. Состояние языковой и социокультурной дезадаптации закономерно приводит ребёнка-инофона к фрустрации. Как подчёркивал В.В. Карлов, в многонациональной и социально нестабильной среде механизм фрустрации способен запускаться в самые неожиданные моменты, порождая межэтническую напряжённость и конфликтность (Карлов 1990. 25). Неспособность выстроить коммуникацию, академическая неуспешность, социальная изоляция становятся мощными триггерами девиантного поведения – от вербальной агрессии и систематических конфликтов до отторжения норм принимающего общества. В связи с этим актуальным становится поиск институциональных моделей, направленных не столько на реактивное решение проблем, сколько на их системную профилактику. Цель настоящей статьи – обосновать эффективность адаптационных классов как институциональной модели профилактики девиантного поведения, проанализировав её лингводидактический и психолого-педагогический аспекты в контексте развития мигрантской педагогики в России.

Основная часть

Методологическую основу составил ретроспективный анализ научных исследований и педагогических практик, отражающих эволюцию миграционной и образовательной политики России с 1990-х годов по настоящее время. Эмпирической базой послужили обобщённые данные о реализованных программах социокультурной адаптации, включая разработки научной школы Е.В. Бондаревской на Юге России, проекты ХМАО-Югры, Калужской и Свердловской областей, а также банк лучших практик Федерального координационного ресурсного центра (ФКРЦ) МГППУ. Применялись методы аналитического обобщения, систематизации и сравнительного анализа эффективности различных моделей.

Эволюция подходов и ключевые противоречия. Изучение процессов адаптации детей-инофонов длительное время носило фрагментарный характер: педагогические, психологические и лингводидактические аспекты зачастую рассматривались изолированно. Чтобы определить современное состояние научного знания, был проведён анализ диссертационных исследований с 2002 по 2025 год, систематизированных по проблематике и ключевым выводам. Проведённый обзор работ (М.А. Лобас, А.В. Можейко, Е.А. Варфоломеева, Н.И. Ковалёва, Л.Н. Зимакова, Т.А. Самолыга, Т.А. Шорина, Н.А. Мали, Т.Б. Ильина, М.Е. Ушакова, И.А. Бучилова, Е.А. Омельченко, Н.С. Путулян, Л.В. Коломийченко и др.) позволил утверждать, что проблематика адаптации, обучения и социализации детей из семей мигрантов в российской образовательной системе носит не локальный, а системный и перманентно воспроизводящийся характер. Несмотря на смену научных парадигм, стержневая проблема остаётся практически неизменной: существующая образовательная практика не обеспечена научно-методическим инструментарием, позволяющим эффективно решать задачи языковой, социокультурной и психолого-педагогической адаптации. «В современной

психологической науке существует множество неисследованных аспектов влияния этнической принадлежности индивида на процесс непосредственного взаимодействия с представителями иной культурной среды» (Омельченко 2019. 23). Два десятилетия спустя Е.А. Омельченко фиксирует: «единая концепция социально-культурной, языковой и социально-психологической адаптации обучающихся из семей мигрантов в образовательном пространстве до сих пор не разработана, пути адаптации личности ребёнка не определены» (Омельченко 2019. 25). А Н.С. Путулян (2023) вновь указывает на «недостаточную разработанность научно-методических основ школьной адаптации детей-мигрантов» (Путулян 2023. 8).

Сквозным для всего массива проанализированных работ является общий круг противоречий, которые, варьируясь в терминологии, сохраняют единую смысловую основу.

1. Рассогласование между объективной потребностью социума в адаптации мигрантов и неготовностью системы образования к её удовлетворению. Уже в 2002–2005 гг. фиксировался разрыв между декларируемыми правами детей-мигрантов и реальной практикой их стихийного приспособления. К 2018–2023 гг. противоречие лишь углубилось: 64,34 % педагогов испытывают трудности при обучении детей-мигрантов (Т.Б. Ильина), отсутствует технологический инструментарий у воспитателей (М.Е. Ушакова), отсутствует системное сопровождение в начальной школе (Н.С. Путулян).

2. Несоответствие между накопленным эмпирическим опытом и его научным осмыслением. Эта линия прослеживается от работ Е.А. Варфоломеевой (2007) до исследований Т.А. Самолыги (2016) и Н.И. Ковалёвой (2010): практика опережает теорию, но разрозненные успешные инициативы не превращаются в тиражируемую методику.

3. Хронический дефицит кадровых компетенций. Неготовность педагогов к работе в полиэтнической среде, отсутствие этнопедагогической и

этнопсихологической подготовки, неумение регулировать межэтнические конфликты – проблемы, десятилетиями воспроизводящиеся без существенных изменений.

4. Конфликт между языковой реальностью и методической оснащённостью. В работах Т.А. Шориной (2016), Т.А. Самолыги (2016), Н.А. Мали (2017) подчёркивается, что даже при наличии лингвистической близости и тем более при полном незнании языка система образования не предлагает научно обоснованных моделей первичной языковой диагностики и последующего обучения.

Таким образом, все авторы описывают различные грани одного феномена: отсутствия комплексного, научно обоснованного, институционально закреплённого механизма адаптации детей-мигрантов, в котором ключевым звеном является первичная языковая диагностика. Именно несформированность технологий входного тестирования, позволяющих определить уровень владения языком и потребность в компенсаторных мерах, во многом предопределяет сохранение негативных тенденций, фиксируемых исследователями более двух десятилетий. С 1 апреля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 544-ФЗ, утвердивший обязательное тестирование детей иностранных граждан на знание русского языка при зачислении в школу (Закон 2024. 34). Тестирование включает устную и (для 2–11 классов) письменную части и позволяет дифференцировать обучающихся по уровню владения устной речью, пониманию инструкций и базовому словарному запасу. Это, безусловно, важный шаг к объективизации диагностики. Вместе с тем процедура имеет объективные ограничения: тест измеряет знание языка как системы, но не оценивает способность ребёнка к спонтанной коммуникации со сверстниками; не учитывает стресс, эмоциональную подавленность, способные исказить реальную картину даже имеющихся знаний; не выявляет скрытые нарушения речевого развития, психологические

трудности и признаки социальной дезадаптации. Следовательно, сохраняется высокая потребность в разработке грамотного диагностического инструментария, направленного на изучение коммуникативных навыков, особенностей поведения и эмоционального состояния детей-инофонов уже после зачисления. Институциональной рамкой, способной восполнить выявленные ограничения, может стать модель адаптационных классов.

Модель адаптационного класса: структура и содержание. В педагогической науке модель понимается как упрощённое, но целостное отражение существенных свойств, структуры и механизмов изучаемого процесса. Методологической основой для построения авторской модели послужили работы Л.В. Коломийченко и О.П. Криницыной (2025), в которых предложена пятиблочная структура конструирования процесса становления гражданской идентичности детей мигрантов: концептуально-нормативный, организационный, программно-целевой, технологический и диагностический блоки (Коломийченко, Криницына 2025. 19). Сходная логика прослеживается у Н.С. Путулян, Л.Н. Зимаковой и в разработках МПГУ под руководством Е.А. Омельченко.

Структурно модель системы профилактической работы, как обосновывают Л.В. Коломийченко и О.П. Криницына, представлена пятью содержательными блоками: «концептуально-нормативный, организационный, программно-целевой, операционально-деятельностный и контрольно-оценочный». Каждый блок выполняет строго определённые функции. Так, концептуально-нормативный блок обеспечивает «реализацию прогностической и регулирующей функций посредством оптимального выбора методологических оснований»; организационный блок — «реализацию координационной, коммуникативной и обеспечивающей функций»; программно-целевой блок — «реализацию прагматической и описательной функций»; операционально-деятельностный блок — «комплексное сопровождение процесса становления

основ гражданской идентичности»; а диагностический блок — «реализацию оценочной, аналитической, коррекционной, рефлексивной и прогнозирующей функций» (Коломийченко, Криницына 2025. 21). Предложенная авторами логика структурирования модели, интегрирующая нормативные, организационные, содержательные, технологические и мониторинговые аспекты, позволяет выстроить целостный педагогический процесс, направленный на профилактику проявлений экстремизма и девиантного поведения у детей с миграционной историей. Опираясь на указанную структуру, мы определяем авторскую модель адаптационного класса как междисциплинарный конструктор, интегрирующий усилия логопеда, психолога и социального педагога в едином событийном формате и нацеленный на получение целостного представления о речевом, когнитивном, эмоционально-личностном развитии ребёнка, начинающего осваивать русский язык. Под адаптационным классом понимается институциональная форма организации обучения, создающая психологически безопасное образовательное пространство для ребёнка-инофона с целью его ускоренной аккультурации и социализации. Концептуально-нормативный блок фундирует модель требованиями Федерального закона № 544-ФЗ, обосновывая необходимость междисциплинарного подхода. Методологическим основанием избраны гуманитарный, событийно-деятельностный и средовой подходы.

Организационный блок определяет состав участников — дети-инофоны младшего школьного возраста, классный руководитель и команда специалистов (логопед, психолог, социальный педагог), работающие в тесном взаимодействии. Важными участниками будут являться родители. При всей сложности их включения в образовательный процесс, именно модель адаптационных классов, являясь более гибкой, чем общеобразовательный класс, предполагает возможность проведения совместных уроков с родителями, открытых родительских собраний, интерактивных дискуссий -

диалогов «от мамы к маме». Регулярная организация консультации по вопросам адаптации взрослого и ребёнка, помощь в инструментах, формирующих и поддерживающих мотивацию к обучению.

Программно-целевой блок фиксирует общую цель – построение целостного психолого-педагогического портрета ребёнка-инофона, выявление его сильных сторон и зон риска, а также конкретизирует задачи: оценка устной речи и коммуникативных возможностей; определение уровня тревожности, особенностей эмоционально-волевой сферы и когнитивного потенциала; фиксация характера социального поведения и детско-родительских отношений. В обязательном порядке включается просветительский блок – систематизирующий работу по поддержке изучения русского языка и интеграции в российское общество. Благодаря тому, что классы формируются малочисленными появляется возможность реализации индивидуального плана сопровождения ученика: для каждого ребёнка разрабатывается персонализированный план, учитывающий уровень языка, психологические особенности, уровень сформированности культурной компетенции. В программе фиксируются параметры координации специалистов. Итогом совместной работы которых становится психолого-педагогический консилиум.

Технологический блок (центральное звено модели) представлен специально разработанной программой для адаптационных классов, цель которой – создание условий для социокультурной адаптации ребёнка с высоким индексом миграционной нагрузки через формирование устойчивой региональной идентичности. Задачи программы включают: формирование культурной компетенции и принятие культурного кода жителя России и конкретного региона; успешное вхождение в инокультурную среду класса, школы, города; воспитание бережного отношения к истории и артефактам культуры; формирование позитивной Я-концепции, гражданственных и патриотических чувств; развитие коммуникативной культуры и овладение устной русской речью; воспитание

эстетических чувств в ходе знакомства с народными промыслами и фольклорным наследием. Программа включает два содержательных блока: «Культура коммуникации» (языковой, нормативно-правовой, этикетный компоненты) и «Лингвокраеведение» (овладение знаниями и опытом культурной интерпретации, приобщение к историко-культурному наследию и ценностям региона). Диагностический блок обеспечивает оценочную, аналитическую и коррекционную функции, позволяя отслеживать динамику речевого развития, социальной адаптации и психоэмоционального состояния. Ведущим подходом становится адаптивное обучение — персонализация заданий на основе диагностики прогресса. Применяемые методы обучения должны быть мотивированны результатами языковой и психологической диагностики. Ведущими методами, применяемые в рамках работы адаптационных классов, являются коммуникативный метод, в рамках которого делается акцент на развитие устной речи через моделирование диалогов, ролевые игры, ситуативные задания. А так же наглядно-действенный метод — использование опорного визуального материала, жестов, мимики, реальных предметов для объяснения значений слов и понятий.

Предложенная модель адаптационного класса, опирающаяся на пятиблочную структуру, создаёт единое институциональное пространство, в котором лингводидактический и психолого-педагогический аспекты работают в неразрывном единстве. По мнению авторов статьи, учет лингводидактического аспекта позволяет контролировать ситуации академической и коммуникативной депривации. Ведущим фактором риска девиантного поведения является языковая изоляция. Неспособность понять учебный материал, инструкцию учителя порождает академическую неуспешность, протестное поведение.

Невозможность самоопределения в новом коллективе провоцирует поиск асоциальных способов самореализации. Как показано в монографии С.В.

Шустовой и Е.В. Малаховой «Миграция в семантическом пространстве русского, китайского и английского языков», сам концепт МИГРАЦИЯ актуализируется в языковом сознании через сложную систему ассоциативно-вербальных и фразеологических полей, фиксирующих такие ключевые смыслы, как «свое – чужое», «родина – чужбина», «дом – дорога» (Шустова, Малахова 2025. 21). Понимание этих семантических оппозиций принципиально важно для выстраивания эффективной языковой работы с ребёнком-инофоном, поскольку, как подчёркивают авторы монографии, фразеологические единицы выступают «проводником в глубинный и скрытый слой сознания народа, помогая вскрыть культурный фонд» (Шустова, Малахова 2025. 10).

Анализ лучших практик (школы № 90 г. Воронежа, гимназия г. Гурьевска, МАДОУ № 16 г. Усинска и др.) показывает, что дидактическим ядром адаптационного класса выступают курсы «Русский язык как иностранный» или «Развитие русской речи», реализуемые как в урочной, так и во внеурочной деятельности. Принципиальное отличие от традиционных занятий – обучение функциональному языку повседневной и учебной коммуникации. Особый акцент делается на функциональной грамотности. Психолого-педагогический аспект программы адаптационных классов становится основой профилактики фрустрации и кризиса идентичности. Психологический модуль адаптационных классов направлен на работу с последствиями культурного шока и фрустрации. Как видно из программ, вошедших в банк лучших практик ФКРЦ, обязательными элементами являются «Школа эффективного родителя» (г. Мурманск), детско-родительский клуб «Азбука успеха» (г. Пермь), тренинги «Учимся общаться без конфликтов» (г. Самара). Эти программы нацелены на формирование толерантности к неопределённости, что напрямую снижает уровень тревожности и агрессивных проявлений. Важнейшим институциональным механизмом профилактики девиаций выступает

наставничество и волонтерство. В проекте «Мы вместе» (ХМАО) инициатива «Школа векторов», где студенты-инофоны становились тьюторами для вновь прибывших, демонстрирует принципиальный перелом рискогенной модели. Вовлекаясь в помощь другим, ребёнок-мигрант меняет ролевую модель с «дезадаптивного аутсайдера» на «проактивного помощника», что является ключевым фактором профилактики кризиса идентичности, часто толкающего подростков в девиантные группы.

Заключение

Эволюция подходов к обучению и воспитанию детей с миграционной историей – от разрозненных инициатив мигрантской педагогики 1990-х годов к становлению адапционных классов как институциональной модели – подтверждает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода. Проведённый анализ показал, что эффективность модели определяется неразрывным единством лингводидактического и психолого-педагогического аспектов. Системное преодоление языкового барьера, своевременная диагностика и коррекция речевых нарушений, психолого-педагогическая поддержка в преодолении культурного шока и фрустрации, а также включение ребёнка в социально значимую деятельность создают условия для здоровой социализации и объективно снижают риски межэтнической напряжённости и поведенческих девиаций. Дальнейшая институционализация данной модели на уровне федеральных образовательных стандартов и её масштабирование в региональные системы образования являются актуальной задачей государственной образовательной политики.

Литература

- 1- Карлов В.В. (1990). *Введение в этнографию народов СССР. Стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX-XX вв.*: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1. Москва: Изд-во МГУ. 155 с.

- 2- Коломийченко Л.В., Криницына О.П. (2025). *Конструирование процесса становления основ гражданской идентичности детей мигрантов в целях профилактики экстремизма и девиантного поведения* // Дошкольное воспитание. № 12. С. 13–25.
- 3- Лобас М.А. (2001). *Особенности психологической адаптации детей-мигрантов к русскоязычной школе*: дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль. 158 с.
- 4- Омельченко Е.А. (2019). *Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество: теория и практика в реалиях современной системы образования*: дис. ... д-ра ист. наук. Москва. 463 с.
- 5- Пугулян Н.С. (2023). *Педагогическая адаптация детей-мигрантов в начальной школе*: дис. канд. пед. наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань. 181 с.
- 6- Закон (2024). *О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»*: Федеральный закон от 28.12.2024 № 544-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8500.
- 7- Статистика (2024). *Численность и миграция населения Российской Федерации: статистический бюллетень* / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
- 8- Шустова С.В., Малахова Е.В. (2025). *Миграция в семантическом пространстве русского, китайского и английского языков: монография*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. 189 с.

Bibliography

- 1- Karlov V.V. (1990). *Introduction to the Ethnography of the Peoples of the USSR. Stadial Patterns and Local-Historical Features of Ethnocultural Processes in the 19th and 20th Centuries: A Textbook in 2 Parts. Part 1*. Moscow: Moscow State University Press. 155 p.
- 2- Kolomiichenko L.V., Krinitsyna O.P. (2025). *Constructing the Process of Establishing the Foundations of Migrant Children's Civic Identity to Prevent Extremism and Deviant Behavior* // Preschool Education. No. 12. Pp. 13–25.
- 3- Lobas M.A. (2001). *Features of the psychological adaptation of migrant children to a Russian-language school*: dis. ... cand. psychol. sciences. Yaroslavl. 158 p.
- 4- Omelchenko E.A. (2019). *Integration of children from families of foreign migrants into Russian society: theory and practice in the realities of the modern education system*: Dissertation. ... Doctor of Historical Sciences. Moscow. 463 p.

- 5- Putulyan N.S. (2023). *Pedagogical Adaptation of Migrant Children in Primary School: PhD Thesis in Pedagogy* / Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan. 181 p.
- 6- Russian Federation. Laws (2024). *On Amendments to Articles 67 and 78 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation"*: Federal Law No. 544-FZ of December 28, 2024 // Collection of Laws of the Russian Federation. No. 53 (Part I). Art. 8500.
- 7- Statistics (2024). *Population Size and Migration in the Russian Federation: Statistical Bulletin* / Federal State Statistics Service (Rosstat). – Moscow, [year]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
- 8- Shustova S.V., Malakhova E.V. (2025). *Migration in the Semantic Space of the Russian, Chinese, and English Languages: A Monograph*. – Perm: Perm State National Research University. 189 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Krinityna , O. & Kolomychenko , L. (2026). ADAPTATION CLASSES AS AN INSTITUTIONAL MODEL FOR PREVENTING DEVIANT BEHAVIOR IN CHILDREN FROM FAMILIES WITH A MIGRATION HISTORY: LINGUODIDACTIC AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 111-125.

DOI: 10.66224/IARLL.28.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/422>

کلاس‌های انطباقی به‌عنوان الگویی نهادی برای پیشگیری از رفتار انحرافی در کودکان خانواده‌های دارای پیشینه مهاجرت: ابعاد زبان‌شناسی آموزشی و

روان‌شناختی- تربیتی

اولگا پاولونا کرینیتسینا^{۱*}

دانشیار، دانشگاه دولتی علوم انسانی و تربیت معلم پرم،
پرم، روسیه.

لودمیللا ولادیمیرونا کالومیچنکا^۲

استاد، دانشگاه دولتی علوم انسانی و تربیت معلم پرم،
پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۶)

چکیده

در این مقاله، سیر تحول رویکردها در زمینه سازگاری اتباع خارجی کمتر از هجده سال در فدراسیون روسیه بررسی می‌شود. ضرورت گذار از رویه‌های پراکنده تربیتی به الگویی نهادی از کلاس‌های سازگاری، که بتواند به‌عنوان ابزاری برای پیش‌گیری از رفتار کج‌روانه کودکان مهاجر عمل کند، تبیین می‌گردد. دو جنبه کلیدی کارکرد این گونه کلاس‌ها مشخص شده است: جنبه زبان‌آموزی (رفع مانع زبانی به‌عنوان عامل اصلی ناسازگاری) و جنبه روان‌شناختی- تربیتی (جبران شوک فرهنگی و سرخوردگی، و شکل‌دهی به هویتی مثبت). این مسئله به‌ویژه از منظر زبان‌شناسی مهاجرتی که در چارچوب آن، از جمله، سازوکارهای زبانی زبان‌گونه‌پذیری و پتانسیل تعارض‌زای زبان بررسی می‌شود، بسیار حائز اهمیت است. کودکان مهاجر، یکی از مقوله‌های اصلی حوزه مفهومی مهاجرت به‌شمار می‌روند. بر اساس تحلیل رویه‌های منطقه‌ای و پژوهش‌های علمی، نشان داده شده است که کار نظام‌مند کلاس‌های سازگاری، که آموزش فشرده زبان روسی، پشتیبانی روان‌شناختی- تربیتی و مشارکت در فرهنگ جامعه میزبان را در هم تلفیق می‌کند، با کاهش خطرات انزوای اجتماعی، تعارض‌زایی و بروز رفتارهای کج‌روانه رابطه مستقیم دارد.

واژگان کلیدی: کودکان با پیشینه مهاجرتی، زبان‌آموزان غیربومی، کلاس سازگاری، رفتار کج‌روانه، سازگاری زبانی، یکپارچه‌سازی فرهنگی- اجتماعی، تربیت مهاجرتی، پیش‌گیری.

1. E-mail: krinitsina_op@pspu.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5267-6389>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

2. E-mail: lvk_pspu@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9009-7816>

FORECAST CATEGORY IN FOLKLORE TEXTS

Menshakova Nadezhda N. ^{1*}

Associate Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia

Khorosheva Natalya V. ²

Associate Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia

(date of receiving: May, 2026; date of acceptance July, 2026)

Abstract

Folklore texts, which are small text genres, belong to the paremiological fund of language and are the bearers of "folk wisdom." The function of forecasting plays a crucial role in many paroemias (omens, superstitions, proverbs). Forecasting is understood as a modeling of the outcome of an event, aimed at the future. The relevance of this work stems from the need for a complete and comprehensive study of forecasting to effectively utilize forecasting strategies at various levels of life—from everyday activities to scientific study. The goal of this study is to analyze the types of forecasting expressed in folklore texts such as proverbs, omens, superstitions, riddles, slogans, and axioms. The material for this analysis was folklore texts from the aforementioned paroemic genres. We believe that in folklore texts, forecasting can function as a textual category. It is represented in the text through grammatical constructions of the future tense—the generic use of verbs, imperative constructions with future tense meanings, conditional sentences, as well as the use of conjunctions to express logical consequence ("event A leads to (κ) event B"), and the disjunctive conjunctions "либо... либо," and "то ли... то ли" to express choice. Furthermore, the purpose of the text itself may be to make a prediction, as in riddles. The study of prediction from the perspective of textual categories demonstrates the scientific novelty of the research.

Keywords: Proverbs, Omens, Riddles, Slogans, Axioms, Prediction, Folklore Text, Paroemias.

1. E-mail: mnesperanza@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3874-7279> *Corresponding author

2. E-mail: romanphyl@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4564-9973>

КАТЕГОРИЯ ПРОГНОЗА В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Меньшакова Надежда Николаевна^{1*}

Доцент,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Россия.

Хорошева Наталья Владимировна²

Доцент,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Россия.

(дата получения: май 2026 г., дата принятия: июль 2026 г.)

Аннотация

Фольклорные тексты, представляющие собой малые текстовые жанры, относятся к паремиологическому фонду языка и являются носителями «народной мудрости». Прогностическая функция во многих паремиях (приметы, пословицы) играет важнейшую функцию. Прогноз понимается как моделирование результата какого-либо события, которое направлено на будущее. Актуальность работы обусловлена необходимостью полного и всестороннего изучения прогноза для эффективного использования стратегий прогнозирования будущего на различных уровнях бытия – от бытового до научного. Целью данного исследования является анализ видов прогноза, находящего выражение в таких фольклорных текстах как пословицы, приметы, загадки, лозунги, аксиомы. Материалом анализа послужили фольклорные тексты названных паремийных жанров. Полагаем, что в фольклорных текстах прогноз может выступать в качестве текстовой категории, он репрезентирован в тексте в форме грамматических конструкций будущего времени – генерического употребления глаголов, в форме побудительных конструкции со значением будущего времени, в форме условных предложений, а также употребления союзных конструкций для выражения логического следствия («событие А – к событию Б»), разделительных союзов *либо... либо, то ли... то ли* для выражения выбора. Кроме того, целью самого текста может быть создание прогноза, как в текстах загадки. В изучении прогноза с позиции текстовой категории проявляется научная новизна исследования.

Ключевые слова: пословицы, приметы, загадки, лозунги, аксиомы, прогноз, фольклорный текст, паремии.

1. E-mail: mnesperanza@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3874-7279> * Ответственный автор

2. E-mail: romanphyl@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4564-9973>

Введение

Прогноз – это попытка смоделировать будущее, возможный результат некоего действия или события, результат выполнения определенного действия. В Новой философской энциклопедии термин «прогноз» определяется как «вероятностное суждение о будущем состоянии какого-либо процесса или явления. В самом широком смысле термин “прогноз” выступает как синоним предсказания или предвидения, но чаще всего используется для обозначения их частных случаев, когда речь идет о достаточно конкретных событиях с указанием более или менее точных сроков их наступления или ненаступления» (Новая философская энциклопедия: эл.ресурс). Прогноз всегда направлен на будущее, и в языке он зачастую формально проявляется в употреблении грамматического будущего времени. Важно отметить, что «с научной точки зрения изучение ещё не существующего в настоящем времени будущего является возможным» (Меньшакова 2019: 34). Существует ряд видов прогноза, среди которых ведущую роль играет научный прогноз и такие его виды как метеорологический, социологический, экономический, политический, медицинский и др. Научная гипотеза и научная теория также связаны с прогнозом, поскольку они моделируют необходимый или вероятный результат, они носят вероятностный, недетерминированный характер. История знает случаи, когда стройная научная теория была опровергнута и превратилась в научное заблуждение, ошибку (теория флогистона, магнетизма и др.) (Меньшакова 2012). Теория выстраивается на определенных основаниях, которые могут быть опровергнуты новыми данными. Таким образом, моделирование будущего или результата каких-то событий или действий тесно связано с рациональным, научным мышлением, научной когницией, познанием мира.

Прогнозирование возможно и в рамках обыденного или наивного мышления. Одним из примеров прогнозирования на уровне наивного

мышления являются суеверия. Они выявляют связь между повседневными событиями, которые напрямую, логически никак не связаны. Например, чешется левая ладонь — к деньгам (нужно почесать ее о карман), правая — к встрече; нельзя дарить ножи (это приведёт к ссоре), нельзя оставлять пустые бутылки на столе (к безденежью). В суевериях устанавливается связь между событием в настоящем времени и последствием этих событий в будущем.

К понятию «прогноз», вследствие его вероятностности, неприменимо представление об истинности или ложности. Прогноз может реализоваться при благоприятных, способствующих тому условиях, а может и не реализоваться, поскольку условия не благоприятны или потому, что физическая реальность не соответствует условиям прогноза. Так, метеорологический прогноз может утверждать, что к вечеру пойдет сильный дождь. Но в действительности осадки могут не выпасть в данной местности, может пройти лишь небольшой дождь, или время выпадения осадков сдвинется. Прогноз не сбывается, или сбывается, но не так, как было спрогнозировано. Суеверие гласит: просыпать соль — к ссоре. Но точных сроков такой прогноз не устанавливает, поэтому зафиксировать факт реализации прогноза достаточно сложно.

Фольклорные тексты, которые стали материалом анализа, это тексты пословиц, примет, суеверий, загадок, а также лозунгов и аксиом, которые считаются частью паремиологического фонда. Паремии изучаются в различных аспектах, в том числе как материал, задающий культурные коды языка (Завгороднева 2023; Карзенкова, Машарипова 2023; Носкова, Шустова 2018; Розенкова, Шустова 2018; Шустова, Меньшакова, Зеленина, Милованова 2025; Mieder 2021 и др.). В. Мидер (2014), а вслед за ним и А. Пислару (2018) относит к паремиям, помимо прочего и математические аксиомы. В монографиях, посвященных пословицам (1993; 2012) В. Мидер описывает, как яркие, апеллятивные запоминающиеся тексты рекламных и политических

лозунгов становятся пословицами и входят в паремологический фонд языка. Тексты, которые известны большому количеству людей, узнаются в речи и воспроизводятся в подходящих ситуациях, В.Мидер относит к разряду паремий.

В фольклорных текстах пословиц, суеверий, загадок, лозунгов, аксиом находит отражение фидейное и фантазийное мышление, вера и воображение выступают ведущими инструментами познания и осмысления мира.

Основная часть

Рассмотрим, какие виды прогноза реализуются в различного вида фольклорных текстах.

В фольклорных текстах, преимущественно в народных приметах, выявляется *связь явлений природы*. Эта связь объединяет явление природы в определенный период времени с явлением природы другого периода времени и прогнозирует состояние природы в будущий, отдаленный от нас период в зависимости от условий и состояния более раннего периода времени. Поэтому в тексте данный вид прогноза реализуется при помощи условия «если (=коли), то...», либо структурно-семантические показатели условия могут опускаться, заменяясь упрощенной грамматической структурой, оформленной через знак «тире». Например: «*Коли на воду пойдут да будет туман – хлеба много*» (там же: 343); «*Коли в крещение собаки много лают, будет много зверя и дичи*» (там же: 343); «*Коли на Омеляна подует от Киева (юга) – лето грозное*» (там же: 343); «*Май холодный – год хлебородный*» (Русские пословицы и поговорки 1988: 352); «*В крещение метель – на святой метель*» (там же: 343); «*На богоявление снег хлопьями – к урожаю; ясный день – к неурожаю*» (там же: 343); «*Звездистая ночь на богоявление – урожай на горох и ягоды*» (там же: 343); «*На Ефимия метель – вся маслена метельная*» (там же: 343); «*На Ефимия в полдень солнце – ранняя весна*» (там же: 343); «*На сретенье снежок*

– *весной дожжжок*» (там же: 344); *«Ни в марте воды, ни в апреле травы»* (там же: 345); *«Март похоронит, август схоронит»* (там же: 345); *«Евдокия красна – и весна красна»* (там же: 346); *«Евдокия благоволит, да насорит»* (там же: 346); *«С Евдокеи погоже – все лето пригоже»* (там же: 346); *«На благовещенье дождь – родится рождь»* (там же: 348); *«На Егорья мороз – будет просо и овёс»* (там же: 351).

Также можно выделить приметы, в которых прогноз осуществляется не с опорой на событие или явление природы в настоящем, а как *расшифровка определенного знака природы*, который в будущем даст определенный результат: *«Солнце красно заходит – к ветру»* (там же: 387); *«Кольцо вокруг солнца – к ненастью»* (там же: 387); *«Кольцо вокруг луны – к ветру»* (там же: 387); *«Ясная, круторогая луна – зимой к стуже, летом к ведру»* (там же: 388); *«Богоявление под полный месяц к большому разливу»* (там же: 342). Такие приметы структурно являются сокращением формулы *«а является знаком б»*.

Прогнозирование может реализовываться при *осмыслении жизненного опыта поколений* и выявлении связей между событиями обыденной жизни и последующими событиями. Такое прогнозирование можно наблюдать в пословицах и суевериях. Целью такого прогноза может стать: а) констатация закономерностей, б) предостережение, в) поощрение, напутствие, однако разграничение таких видов прогноза достаточно условно.

Примерами прогноза с целью а) *констатации закономерности* служат пословицы типа: *«Драчливый петух жирен не бывает»* (Русские пословицы и поговорки: 85); *«Горбатого исправит могила, а глупого – дубина»* (там же: 66); *«Дай грош – будешь хорош»* (там же: 72); *«В худой год не родится приплод»* (там же: 40). Закономерности могут прогнозироваться в суевериях: *«Кошка стелу дерёт – к непогоде»* (там же: 388); *«Собака катается – к дождю и снегу»* (там же: 389); *«Курица летает по избе – к морозу»* (там же: 389); *«Кирпич выпал из печи – к худу»* (там же: 400); *«Кони ржут – к добру»* (там

же: 400); *«Дупло в срубe – не к добру»* (там же: 400); *«Мухи зимой в избе – к покойнику»* (там же: 401); *«Сорока скачет на дому больного – к выздоровлению»* (там же: 402); *«Гул в трубе – душа покойника пришла»* (там же: 403); *«Правая бровь чешется – кланяться мужчине, левая – женщине»* (там же: 411); *«Чесать локоть – спать на новом месте»* (там же: 410); *«Локоть чешется – к горю»* (там же: 410). В отличие от пословиц, в которых используется структура утвердительного предложения с разного вида эллиптическими конструкциями, в рассмотренных выше суевериях используется структура «а является знаком б».

Примерами прогноза с целью б) *предостережения* служат пословицы вроде *«В суд пойдешь – правды не найдешь»* (Русские пословицы и поговорки: 40); *«Говорить правду – потерять дружбу»* (там же: 64); *«Иди скоро – нагонишь горе; иди тихо – тебя нагонит лихо»* (там же: 117); *«В Москву бресть – последнюю копейку несть»* (там же: 37); *«Голову с плеч снявши, другую не наставишь»* (там же: 65); *«Дай волю на палец – всю руку откусят»* (там же: 71); *«Дай волю осоту – и огурцов на белом свете не станет»* (там же: 71); *«Дай вору золотую гору – воровать не перестанет»* (там же: 71); *«За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»* (там же: 100); *«За краюшкой погонишься – каравай потеряешь»* (там же: 101); *«За чужим погонишься – свое потеряешь»* (там же: 103); *«За чужое лычко заплатишь ремешком»* (там же: 103). Предостережение также встречается в суевериях со структурой условного предложения: *«Если невеста под венцом уронит платок, а жених поднимет, то скоро умрет»* (там же: 401).

Примерами прогноза с целью в) *поощрения, напутствия относительно будущего* могут стать пословицы: *«В одиночку не одолеешь и кочку, а артелью – и через гору впору»* (Русские пословицы и поговорки: 37); *«Когда хлеб посеешь в погоду, больше родится приплоду»* (там же: 135) (скрытое условие). Также к напутствиям о правильном поведении с целью формирования лучшего

будущего относятся суеверия: *«Если первый день в году веселый (счастливый), то и год будет таков (и наоборот)»* (там же: 342); *«Каково благовещенье проведёшь, таково и весь год»* (там же: 347); *«О чем открытому небу помолишься, то сбудется»* (там же: 343).

Рассмотренные пословицы и суеверия демонстрируют, что четко развести их на группы невозможно, поскольку они зачастую содержат в себе и констатацию, и предостережение, и напутствие.

Следующий вид прогноза мы обозначили как *прогноз-«вилка»*, поскольку в нём даны два конкретных, детерминированных варианта развития событий: желательный и нежелательный. Данный вид прогноза встречается только в пословицах, в нем выражается народная мудрость, которая, по сути, не оставляет выбора, так как приемлемым является только один вариант: *«Либо мед пить, либо битую быть»* (Русские пословицы и поговорки: 163); *«Либо пан, либо пропал»* (там же: 163); *«Либо полковник, либо покойник»* (там же: 163); *«Либо с волками выть, либо съедену быть»* (там же: 163); *«Либо сена клок, либо вилы в бок»* (там же: 163); *«Либо со сковороды отведашь, либо сковородника»* (там же: 163); *«Либо в стремя ногой, либо в пень головой»* (там же: 163); *«Либо в сук, либо в тетерю»* (там же: 163).

Вслед за В. Мидером (Mieder 2014: 31, 38) мы относим лозунги, закрепившиеся в памяти народа, к жанру фольклорных текстов, к паремиям, поскольку они, зародившись в языке, благодаря средствам массовой информации быстро распространились в коммуникативном сообществе, получив образ популярного изречения. Согласно толковому словарю русского языка лозунг — это «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачи или требования партии в определенный исторический момент» (Толковый словарь Ушакова: эл. ресурс). Специфика и виды политических лозунгов анализируются С.Г. Шулежковой (2016). Помимо прочего, автор указывает на то, что в лозунгах может звучать прогноз, предупреждение, и это

дает нам основание говорить о прогностичности лозунгов. Моделирование будущего в лозунгах реализуется в употреблении грамматического будущего времени: «Заплати налоги и спи спокойно»; «Голосуй или проиграешь!»; «Яндекс — Найдется всё»; «Сохраним и приумножим»; «Защитим. Сохраним. Приумножим»; «Защитим ваш бизнес от проверок»; «Ваш ребенок получит лучшее образование»; «С нами вы будете зарабатывать больше», «Поможем с ипотекой»; «Ваш голос — минус один налог»; «Превратим обещания в реальные выплаты»; «С нами вы будете чувствовать себя защищенными»; «Избавим город от пробок»; «Защитим вас от произвола чиновников»; «Заставим чиновников работать»; «Ваш кошелек скажет вам спасибо»; «Сделаем жизнь в городе комфортной»; «Сделаем наши города умными и удобными»; «Сохраним культурное наследие страны» (Словарь политических слоганов: эл.ресурс).

Поскольку целью лозунга, рекламного или политического, является создание позитивного имиджа товара, партии или деятеля, то прогноз, который мы видим в лозунгах, носит ярко выраженный положительный характер: прогнозируемое будущее желанно для адресата. Существуют широко известные в определенную историческую эпоху лозунги, которые остались в памяти как историзмы: «С Интернационалом воспрянет род людской» (Шулежкова 2003: 288); «Из России нэповской будет Россия социалистическая!» (Душенко 2002: 200); «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» (Там же: 299); «Мир победит войну!» (там же: 116); «Не бывать войне-пожару, / Не пытать земному шару!» (Шулежкова 2003: 203–204).

Загадки являются фольклорными текстами, в которых в краткой иносказательной форме описывается предмет и явление, которое необходимо угадать. «Загадка представляет собой неполное и / или искажённое (трансформированное, метафорическое) описание загаданного объекта»

(Левин 284). Загадки выполняют развлекательную и развивающую функцию, они учат выявлять в описании закономерности, главное и особенное, на основе имеющихся знаний прогнозировать ответ. Загадки можно назвать инструментом когниции, по словам Э. Кёнгэс-Маранда «процесс отгадывания [загадки] ближе к академическому испытанию, чем к творческому поиску» (Кёнгэс-Маранда 1978: 256). Загадки требуют внимания к деталям и работы логики, например: *Петух снёс яйцо. Кому оно достанется?* (Никому, петух яйца не несет). По мнению финского исследователя, загадки могут быть простые, сложные и цепные, они могут содержать как минимум одну истинную посылку и одну ложную, а также ответ (там же: 256). Выделяют загадки-метафоры и загадки-парадоксы (там же: 271). Отгадка может лежать на поверхности, может быть очевидной исходя из названных признаков, но может быть и затемнённой, неоднозначной. Прогноз правильного ответа на загадку является интенцией текста загадок, загадка реализует *побуждение к прогнозу*. В прогнозе будущего, например, прогнозе погоды, мы опираемся на данные науки и пытаемся назвать наиболее вероятный вариант развития погодных условий. При отгадывании загадки мы также опираемся на знаки, воплощенные в тексте загадки, и пытаемся, связав эти знаки воедино, выбрать наиболее вероятную отгадку. При этом ответ не всегда однозначен, исходя из отдельных признаков можно спрогнозировать более одной отгадки, однако жанровые особенности загадки допускают наличие только одной правильной отгадки. Традиционно, зафиксированные в письменном виде загадки имеют конкретные ответы, которые приводятся вместе с текстом загадок и не допускают двойственности ответа, правильная отгадка только одна, и она всегда идет вместе с загадкой.

Загадка может строиться в виде прямого вопроса, на который нужно ответить, выбрав зачастую не самый очевидный ответ, но, в то же время, ответ, находящийся в лингвокультурном поле человека. Отгадка зависит от

контекста, в котором приводится: загадки для детей нацелены на ответы об окружающем ребенка мире, знакомой культуре, известных понятиях: *Старик с мальчиком шел, / Мальчика спросили: «Какая тебе родня старик?» / Он отвечал: «Его матушка моей матери — свекровь». Какая это родня?* (Дядя). Загадки для взрослых могут отсылать к более абстрактным понятиям и сложным предметным и культурным полям: *В каком случае достижение предшествует цели, стремлению и успеху?* (В случае, если это слово в словаре) (Самые сложные загадки с ответами: эл.ресурс).

В следующих загадках ответ на вопрос неочевиден: *Что есть на свете слаще?* (Хлеб-соль); *Что в сундук не запрешь?* (Звезды); *Что без крыльев летит и без огня горит?* (Солнце); *Шубу два раза в год снимает. Кто под шубою гуляет?* (Овца); *Кто больше всех кричит, а меньше всех делает?* (Петух). В загадках: *Какое дерево без ветра шумит?* (Осина); *Что в хлебе родится, а есть не годится?* (Василек) отгадка отражает лингвокультурные особенности растительного кода русского языка, поэтому отгадать такую загадку будет значительно сложнее представителям другой лингвокультуры. По словам составителей сборника фольклорных загадок «Русские народные загадки Пермского края», «многие загадки обозначают реалии прошлой крестьянской жизни (старые ремесла, исчезнувшие из применения бытовые предметы)», поэтому они требуют этнографический комментарий (Русские народные загадки Пермского края 2012: 194).

Загадки в форме утвердительных предложений главным образом описывают объект или явление, которые необходимо отгадать, называют их характерные особенности. Отгадка, таким образом, становится не ответом, а выводом к обобщению, сделанному в тексте загадки: *В лесу родился, а в доме хозяйничает* (Веник); *Малые малышки, зеленые катышки, сквозь землю прошли, на тычинку всползли* (Горох); *С виду – красная, раскусишь – белая* (Редиска); *Слезу пьет, сама молчит* (Подушка); *Нас семь братьев. Летами*

мы равны. А именами разны (Дни недели). В некоторых загадках намеренно указываются ложные знаки, например, в загадке «*Стоит изба без угольна / Живут в ней люди безуёмны*» (Улей) называется слово «люди», которое в действительности может привести к ложному выводу, потому что речь идет о пчёлах, а не о людях. Также есть загадки, обладающие ярко выраженной рифмой: *Возьму пыльно, сделаю жидко; / Брошу в пламень — будет как камень* (Пирог); *Бьют Ермилку что есть сил по затылку, он не плачет, только ножку прячет* (Гвоздь); *Был я копан, / Был я топтан, / Был я на пожаре, / Был я на кружале. / Молод был — сто голов кормил; / Сделался стар — пеленаться стал. / Выбросили за окно, и собакам не надобно* (Глиняный горшок).

Для угадывания некоторых загадок важно хорошее знание лингвокультуры, в том числе современной: «Загадка — текст культуры, который необходимо исследовать в контексте культуры и того паремиологического дискурса, частью которого загадка является» (Орлова 2017: 112). Не все представители лингвокультуры смогут отгадать загадки, если не имеют опыта взаимодействия с теми или иными ее элементами. Например: *Кругла, а не шар, с хвостом, а немышь, желта, как мед, а вкус не тот* (Репка). *Стоит копытце полно водицы* (Колодец). *Длинная бечева потянулась в облака* (Дым). Для того, чтобы отгадать данные загадки, нужно иметь опыт жизни в сельской местности и есть продукты питания, не столь популярные в современном мире.

Следующий вид прогноза реализуется в тексте аксиомы. Идея о прогностичности аксиом основывается на утверждении, что «аксиомы — априорные предположения» (Волкова, Черный 2014). В толковом словаре аксиома определяется как «начало цепочки рассуждений», «предположение, которое не требует доказательств» (Большой толковый словарь русского языка: эл.ресурс). Текст аксиомы построен в форме утверждения, в отличие от

пословиц, примет и суеверий в аксиоме в прямой форме не указывается будущий результат. Но аксиоматическое утверждение, будучи началом рассуждения, предполагает продолжение – следующий шаг в развитии мысли. Сама по себе аксиома не имеет значимой ценности и получит ее лишь с последующим развитием. Испанская исследователь А. Пислару утверждает, что научные утверждения, такие как аксиомы, гипотезы и формулировки научных законов, относятся к особому жанру текста и демонстрируют черты, характерные для паремий (Pislaru 2018). Аксиомы могут принадлежать геометрии (*Через две точки можно провести только одну прямую*), стереометрии (*Каковы бы ни были три точки A, B и C, не принадлежащие одной прямой, существует не более одной плоскости, которой принадлежат эти точки*), военной науке (*Перехват и удержание инициативы — кратчайший путь к победе*), социальным наукам (*Усилия ведут к успеху*), экономике (*Потребитель всегда стремится максимизировать свою выгоду*), лингвистике (*Любой естественный язык обладает иерархической структурой*). Как видим из представленных примеров, аксиомы, в отличие от пословиц, примет, суеверий и лозунгов, формулируются с использованием грамматического настоящего времени, и мы полагаем, что подобно тому, как в тексте загадки происходит побуждение к прогнозу, текст аксиомы также побуждает человека к прогнозу, но уже в области научного знания.

Заключение

Таким образом, прогноз является частью текстов пословиц, примет, суеверий, лозунгов, загадок, аксиом. Все эти типы текста репрезентируют паремии. Прогноз на структурно-семантическом уровне реализуется в использовании будущего времени, генерического употребления глаголов, в форме побудительных конструкции со значением будущего времени, в форме условных предложений, а также употребления союзных конструкций для

выражения логического следствия в пословицах, приметах, суевериях и лозунгах, а в загадках и аксиомах, которые формулируются в форме утвердительного или вопросительного предложения в настоящем времени, прогноз является интенцией текста. Вследствие этого, а мы полагаем, что прогностичность является текстовой категорией, она затрагивает как структурно-семантический уровень, так и когнитивный уровень текста. Дальнейшее изучение механизмов реализации прогноза в фольклорных текстах, в том числе на когнитивном уровне, является перспективным направлением исследования фольклорных текстов, и паремий в частности.

Литература

- 1- Завгороднева М. П. (2023б). *Лингвокультурный потенциал аквакода* // Евразийский гуманитарный журнал. № 2. С. 39–47.
- 2- Душенко К. В. (2002). *Словарь современных цитат*. М.: Эксмо-пресс, 2002. 632 с.
- 3- Карзенкова Е. П., Машарипова Г. У. (2023). *Репрезентация представлений об уме и глупости в русских и туркменских пословицах и поговорках* // Евразийский гуманитарный журнал. № 4. С. 6–16.
- 4- Кёнгис-Маранда Э. (1978). *Логика загадок* // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Под. Ред. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, 324. С. 249-282.
- 5- Левин Ю.И. (1978). *Семантическая структура загадки* // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Под. Ред. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, С. 283-314.
- 6- *Лозунг*. Толковый словарь Ушакова URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/851674> (дата обращения: 03.2026).
- 7- Меньшакова Н. Н. (2019). *К проблеме перевода термина "Futures Studies" на русский язык* // Евразийский гуманитарный журнал. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-perevoda-termina-futures-studies-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 03.2026).
- 8- Меньшакова Н.Н. (2012). *Категория фантазийности в науке: монография*. Самара – Пермь: ООО «Издательство АсГард», 132 с.

- 9- Носкова И. В., Шустова С. В. (2018). *Природно-ландшафтный код английской культуры в лингводидактическом аспекте (на материале паремий и фразеологизмов)*. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 128 с.
- 10- Орлова О. С. (2017). *Загадка как объект лингвистического исследования* // Слово.ру: Балтийский акцент. №3. С. 104-114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagadka-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 04.03.2026).
- 11- *Прогноз* (2001). / Суворов О.В. // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8935/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%93%D0%9D%D0%9E%D0%97 (дата обращения: 03.2026).
- 12- Розенкова Х. Е., Шустова С. В. (2018). *Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте*. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 152 с.
- 13- *Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями* (2012). / Сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. С.-Петербург: Издательство «Маматов», 256 с.
- 14- *Русские народные загадки*: URL: <https://skazka-dubki.ru/zhizn-slavyan/russkiy-folklor/russkie-narodnye-zagadki-dlya-detey/> (дата обращения: 03.2026).
- 15- *Русские пословицы и поговорки* (1988). / под ред. В.П. Аникина. М.: Издательство «Художественная литература», 431 с.
- 16- *Самые сложные загадки с ответами. 40 загадок для детей и взрослых*. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67cecd7a9a7947dde01b6cf3> (дата обращения: 03.2026).
- 17- *Словарь политических слоганов* URL: <https://aka-media.ru/catalogs/politic.php> (дата обращения: 03.2026).
- 18- Шулержкова С. Г. (2016). *Лозунги как публицистическое средство современных российских СМИ. Их тематика и истоки* // Медиалингвистика. № 3 (13). С. 57–66. URL: <https://medialing.ru/lozungi-kak-publicisticheskoe-sredstvo-sovremennyh-rossijskih-smi-ih-tematika-i-istoki/> (дата обращения: 02.2026).
- 19- Шулержкова С. Г. (2003). *Словарь крылатых выражений из области искусства*. М.: Arts, 427 с.
- 20- Шустова С.В., Меньшакова Н.Н., Зеленина Т.И., Милованова С.В. (2025). *Фразеологическая картина мира: лингвистические и дидактические аспекты*. Пермь, 176 с.
- 21- *305 слоганов для партии. Общие, социальные, продающие, для быстрого запоминания и другие готовые примеры*. URL: <https://sloganza.ru/slogany-dlya-partii/> (дата обращения: 03.2026).

- 22- Mieder W. (2021). / *"God And The Devil Are In The Details" Secularized Religion In Modern Anglo-American Proverbs* // Евразийский гуманитарный журнал. № 2. С. 4–20.
- 23- Mieder W. (2014). *Origin of Proverbs* // Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies / Hrisztalina Hrisztova-Gotthardt, Melita Aleksa Varga (eds.). Berlin - Munich – Boston: De Gruyter Open GmbH. 382 pp.
- 24- Mieder W. *Proverbs Are Never Out of Season. Popular wisdom in the Modern Age.* New York, Oxford: Oxford University Press. 1993. 284 pp. (in English).
- 25- Mieder W. (2012). *Proverbs. A Handbook.* New York: Peter Lang Publishing. 304 pp. (in English).
- 26- Pislaru A. (2018). *Los enunciados de leyes científicas: género textual y paremia.* Paremia, 27. (in Spanish).

Bibliography

- 1- Zavgorodneva M. P. (2023b). *Lingvokul'turnyj potentsial akvakoda* // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. № 2. S. 39–47.
- 2- Dushenko K. V. (2002). *Slovar' sovremennykh tsitat.* M.: Eksmo-press, 2002. 632 s.
- 3- Karzenkova E. P., Masharipova G. U. (2023). *Reprezentatsiya predstavlenij ob ume i gluposti v russkikh i turkmenskikh poslovitsakh i pogovorkakh* // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. № 4. S. 6–16.
- 4- Kyongis-Maranda E. (1978). *Logika zagadok* // Paremiologicheskij sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst) / Pod. Red. G.L. Permyakova. M.: Nauka, 324. S. 249-282.
- 5- Levin Yu.I. (1978). *Semanticheskaya struktura zagadki* // Paremiologicheskij sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst) / Pod. Red. G.L. Permyakova. M.: Nauka, С. 283-314.
- 6- *Lozung.* Tolkovyj slovar' Ushakova URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/851674> (data obrashcheniya: 03.2026).
- 7- Men'shakova N. N. (2019). *K probleme perevoda termina "Futures Studies" na russkij yazyk* // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-perevoda-termina-futures-studies-na-russkiy-yazyk> (data obrashcheniya: 03.2026).
- 8- Men'shakova N.N. *Kategoriya fantazijnosti v nauke: monografiya.* Samara – Perm': ООО «Izdatel'stvo AsGard», 2012. 132 s.
- 9- Noskova I. V., Shustova S. V. (2018). *Prirodno-landshaftnyj kod anglijskoj kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte (na materiale paremij i frazeologizmov).* Perm: Permskij institut ekonomiki i finansov, 128 s.

- 10- Orlova O. S. (2017). *Zagadka kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* // Slovo.ru: Baltijskij aktsent. №3. S. 104-114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagadka-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (data obrashcheniya: 04.03.2026).
- 11- *Prognoz* (2001). / Suvorov O.V. // Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 tt. M.: Mysl'. Pod redaktsiej V. S. Styopina. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8935/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%93%D0%9D%D0%9E%D0%97 (data obrashcheniya: 03.2026).
- 12- Rozenkova Kh. E., Shustova S. V. (2018). *Animalisticheskij kod anglijskoj kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte*. Perm': Permskij institut ekonomiki i finansov, 152 s.
- 13- *Russkie narodnye zagadki Permskogo kraya: sbornik fol'klornykh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami* (2012). / Sost. I. A. Podyukov, A. V. Chernykh. S.-Peterburg: Izdatel'stvo «Mamatov», 256 s.
- 14- *Russkie narodnye zagadki*: URL: <https://skazka-dubki.ru/zhizn-slavyan/russkiy-folklor/russkie-narodnye-zagadki-dlya-detey/> (data obrashcheniya: 03.2026).
- 15- *Russkie poslovitsy i pogovorki* (1988). / pod red. V.P. Anikina. M.: Izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura», 1988. 431 s.
- 16- *Samye slozhnye zagadki s otvetami. 40 zagadok dlya detej i vzroslykh*. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67cecd7a9a7947dde01b6cf3> (data obrashcheniya: 03.2026).
- 17- *Slovar' politicheskikh sloganov* URL: <https://aka-media.ru/catalogs/politic.php> (data obrashcheniya: 03.2026).
- 18- Shulezhkova S. G. *Lozungi kak publitsisticheskoe sredstvo sovremennykh rossijskikh SMI*. Ikh tematika i istoki // Medialingvistika. 2016. № 3 (13). S. 57–66. URL: <https://medialing.ru/lozungi-kak-publicisticheskoe-sredstvo-sovremennyh-rossijskih-smi-ih-tematika-i-istoki/> (data obrashcheniya: 02.2026).
- 19- Shulezhkova S. G. (2003). *Slovar' krylatykh vyrazhenij iz oblasti iskusstva*. M.: Arts, 427 s.
- 20- Shustova S.V., Men'shakova N.N., Zelenina T.I., Milovanova S.V. (2025). *Frazeologicheskaya kartina mira: lingvisticheskie i didakticheskie aspekty*. Perm', 176 s.
- 21- *305 sloganov dlya partii. Obshchie, sotsial'nye, prodayushchie, dlya bystrogo zapominaniya i drugie gotovye primery* URL: <https://sloganza.ru/slogany-dlya-partii/> (data obrashcheniya: 03.2026).
- 22- Mieder W. (2021). "God And The Devil Are In The Details" *Secularized Religion In Modern Anglo-American Proverbs* // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. № 2. S. 4–20. (in English).
- 23- Mieder W. (2014). *Origin of Proverbs* // Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies / Hrisztalina Hrisztova-Gotthardt, Melita Aleksa Varga (eds.). Berlin - Munich – Boston: De Gruyter Open GmbH. 382 pp.

- 24- Mieder W. *Proverbs Are Never Out of Season. Popular wisdom in the Modern Age.* New York, Oxford: Oxford University Press. 1993. 284 pp. (in English).
- 25- Mieder W. (2012). *Proverbs. A Handbook.* New York: Peter Lang Publishing. 304 pp. (in English).
- 26- Pislaru A. (2018). *Los enunciados de leyes científicas: género textual y paremia.* Paremia, 27 (in Spanish).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Menshakova , N. N., & Khorosheva, N. (2026).FORECAST CATEGORY IN FOLKLORE TEXTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 127-145.

DOI: 10.66224/IARLL.28.7

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/420>

مقوله پیش‌بینی در متون فولکلوریک

نادژدا نیکالایونا منشاکوا^{۱*}

دانشیار، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

ناتالیا ولادیمیرونا خاروشوا^۲

دانشیار، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۶)

چکیده

متون فولکلوریک که گونه‌های متنی کوچک به‌شمار می‌روند، به گنجینه ضرب‌المثل‌های زبان تعلق دارند و حامل «حکمت مردمی» هستند. کارکرد پیش‌بینی‌گری در بسیاری از ضرب‌المثل‌ها (نشانه‌ها، امثال) نقشی بسیار مهم ایفا می‌کند. پیش‌بینی، به‌سان برآورد پیامد رویدادی درک می‌شود که معطوف به آینده است. ضرورت پژوهش حاضر، ناشی از نیاز به بررسی کامل و همه‌جانبه پیش‌بینی برای بهره‌گیری مؤثر از راهبردهای آینده‌نگاری در سطوح گوناگون هستی - از سطح روزمره تا سطح علمی است. هدف از این پژوهش، تحلیل گونه‌های پیش‌بینی است که در متون فولکلوریک همچون امثال، نشانه‌ها، چیستان‌ها، شعارها و بدیهیات (اصل‌های مفروض) تجلی یافته است. ماده تحلیل را متون فولکلوریک گونه‌های ضرب‌المثلی یادشده تشکیل داده‌اند. بر این باوریم که در متون فولکلوریک، پیش‌بینی می‌تواند به‌عنوان مقوله‌ای متنی ظاهر شود؛ این مقوله در متن، در قالب ساخت‌های دستوری آینده، کاربرد مطلق افعال (زمان حال به‌معنای آینده)، ساخت‌های ترغیبی دارای معنای آینده، جملات شرطی، و نیز کاربرد ساخت‌های پیوندی برای بیان نتیجه منطقی («رویداد الف به رویداد ب می‌انجامد») و حروف ربط گسسته‌ای همچون «یا ... یا» و «چه ... چه» برای بیان انتخاب، باز نمود یافته است. افزون بر این، ممکن است خود هدف متن، ایجاد پیش‌بینی باشد، چنان‌که در متون چیستان چنین است. نوآوری علمی پژوهش در بررسی پیش‌بینی از منظر مقوله متنی آشکار می‌شود.

واژگان کلیدی: امثال، نشانه‌ها، چیستان‌ها، شعارها، بدیهیات، پیش‌بینی، متن فولکلوریک، ضرب‌المثل‌ها.

1. E-mail: mnesperanza@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3874-7279>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. E-mail: romanphyl@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4564-9973>

CULTURAL LIBERALIZATION DURING THE KHRUSHCHEV THAW AND THE TRANSFORMATION OF SOVIET LITERATURE: A NARRATIVE REVIEW

Siyami Eidlak Khalida^{1*}

Associate Professor, University of Bojnord,
Bojnord, Iran

Sabzi Ali²

Master's Russian Studies, University of Tehran,
Tehran, Iran

Khalafi Hossein³

Master's Russian Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran

(date of receiving: June, 2026; date of acceptance August, 2026)

Abstract

Article presents a qualitative analysis of scholarly interpretations of the "Khrushchev Thaw" (mid-1950s to mid-1960s) and its impact on Soviet literature. The subject of the study is the interrelationship between cultural liberalization, literary institutions, and the transformation of artistic expression during the "Thaw"—a period characterized as a structurally unstable and politically constrained form of the restructuring of Soviet culture. Drawing on contemporary and historical literary scholarship, the article examines the transition from the ideological rigidity of the Stalin era—characterized by the dominance of Socialist Realism, institutional control, and the suppression of individual self-expression—to the more flexible, yet still constrained, cultural environment that emerged following Stalin's death in 1953 and Nikita Khrushchev's denunciation of the cult of personality in 1956. The article argues that the "Thaw" fostered significant changes in Soviet literature, including the abandonment of the principle of "conflictlessness," the return of the lyrical "I," a heightened interest in historical trauma and everyday life, and the emergence of more ambiguous narrative forms and morally complex characters. The study revealed that the cultural significance of the "Khrushchev Thaw" lay not in the elimination of ideological control, but in a partial re-evaluation of the function of literature within Soviet culture and the formation of a fragile model of "permitted dissent".

Keywords: Khrushchev Thaw, Soviet Literature, De-Stalinization, Socialist Realism, Cultural Liberalization.

1. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

* Corresponding author

2. E-mail: ali.sabzi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0009-0009-7324-5387>

3. E-mail: khalfihosseini@ut.ac.ir, <http://orcid.org/0009-0000-0053-0472>

КУЛЬТУРНАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПЕРИОДА «ХРУЩЁВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: НАРРАТИВНЫЙ ОБЗОР

Сиями Эйдлак Халида^{1*}

Доцент, Боджнордский университет,
Боджнорд, Иран

Сабзи Али²

Магистр, Тегеранский университет,
г. Тегеран, Иран

Халяфи Хоссейн³

Магистр, Тегеранский университет,
г. Тегеран, Иран

(дата получения: июнь 2026 г., дата принятия: август 2026 г.)

Аннотация

Статья представляет собой качественный анализ научных интерпретаций «хрущёвской оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) и её влияния на советскую литературу. Предметом исследования является взаимосвязь культурной либерализации, литературных институтов и трансформации художественного выражения в период «оттепели» как структурно нестабильной и политически ограниченной формы переустройства советской культуры. В статье на основе современных и исторических литературоведческих исследований представлен переход от идеологической жёсткости сталинской эпохи, характеризовавшейся доминированием социалистического реализма, институциональным, сформировавшейся после смерти Сталина в 1953 г. и разоблачения культа личности Н.С. Хрущёвым в 1956 г. В статье утверждается, что «оттепель» способствовала существенным изменениям в советской литературе, включая отказ от принципа бесконфликтности, возвращение лирического «я», усиление интереса к исторической травме и повседневности, а также появление более неоднозначных повествовательных форм и морально сложных героев. В результате было выявлено, что культурное значение «хрущёвской оттепели» заключалось не в устранении идеологического контроля, а в частичном переосмыслении функции литературы в советской культуре и формирования хрупкой модели «разрешённого инакомыслия».

Ключевые слова: «хрущёвская оттепель», советская литература, десталинизация, социалистический реализм, культурная либерализация.

1. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir, <http://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

* Ответственный автор

2. E-mail: ali.sabzi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0009-0009-7324-5387>

3. E-mail: khalfihosseini@ut.ac.ir, <http://orcid.org/0009-0000-0053-0472>

Введение

Современные исследования рассматривают «хрущёвскую оттепель» как сложную реконфигурацию культурной власти и институциональной практики. К.А. Савосин подчёркивает, что процесс либерализации носил в своей основе избирательный и парадоксальный характер, сохраняя ключевые механизмы партийного руководства при одновременном расширении тематических границ художественного производства (Савосин, 2026). М.Е. Михайлова, анализируя феномен «полочного кино», утверждает, что: «ограничительные механизмы представляют собой систему с отлаженными процессами, цензура работает эффективно, что позволяет отсеивать ненужное ещё на этапе производства» (Михайлова 2025, 202).

В литературной сфере исследователи уделяют значительное внимание институциональной структуре оттепели, особенно роли литературных «крупных журналов». Д. Франклин определяет их как ключевые пространства того, что он называет «институционально встроенной автономией». Вместо того чтобы функционировать исключительно как инструменты пропаганды, литературные журналы могли выступать площадками, в рамках которых редакторы и писатели стремились преодолеть противоречия советской культурной системы (литературная легитимность, творческая автономия, формальные правила) и расширить границы допустимого выражения. На уровне литературной формы и эстетики ряд исследователей (Gütmane Z, Loewen D., Spechler D.) также отмечают существенные изменения в повествовательной практике периода «оттепели» и описывают переход к более аутентичному изображению человеческого опыта в литературе эпохи «оттепели».

Основная часть

Культурные трансформации периода «оттепели» не ограничивались элитарными литературными кругами, они затрагивали более широкие модели

социальной и культурной жизни. О.Д. Попова и М.О. Масловский отмечают, что эти изменения были распределены в советском обществе неравномерно. В провинциальной среде аудитория всё чаще обращалась к литературе, театру и другим культурным практикам как к способам удовлетворения новых личных и культурных потребностей (Попова, Масловский 2025, 59). Аналогичным образом А.И. Федотов связывает расширение досуговых практик и увлечений среди советской молодёжи с более широкими социальными изменениями эпохи «оттепели», утверждая, что подобные процессы способствовали попыткам государства возродить социалистический идеал посредством форм общественной самоактивности, а не исключительно через принуждение (Федотов 2025, 76).

Культурные сдвиги данного периода вызвали более широкие дискуссии, касающиеся идентичности, идеологии и международного восприятия Советского Союза. А.В. Голубцова утверждает, что процесс десталинизации способствовал постепенному разрушению «советского мифа» среди западных интеллектуалов, поскольку растущее осознание внутренних советских реалий ставило под сомнение идеализированные представления о СССР. Внутри самой художественной культуры также возникали дискуссии об аутентичности и идентичности (Голубцова 2026, 27). Р. Беганова показывает, каким образом художники, работавшие с фольклорным материалом, стремились вернуть элементы русской культурной аутентичности, освобождая их от сталинского феномена «псевдофольклора», оставаясь при этом в культурной среде (Беганова 2024). М.С. Петренко предполагает, что: «либеральный дискурс, связанный с «оттепелью», со временем утратил динамику, поскольку стремление к социальной стабильности и материальному благополучию способствовало более консервативному культурному повороту в ранний брежневский период» (Петренко 2025, 464).

Несмотря на растущий объём исследований, посвящённых хрущёвской оттепели, взаимосвязь институциональной либерализации с трансформацией

литературной морали и индивидуального самовыражения остается за рамками интересов современных исследователей. В частности, ограниченное внимание уделяется тому, каким образом исследователи в совокупности интерпретируют взаимодействие между идеологическим контролем, литературными институтами и возрождением индивидуальных моральных перспектив героев (герой как носитель личной этики, конфликт между личным и общим и т.д.) в советской литературе периода Хрущёва. В данном исследовании авторами предпринята попытка восполнить данный пробел посредством анализа научных работ отечественных и зарубежных исследователей, посвящённых литературной культуре эпохи «хрущёвской оттепели». Цель исследования заключается в том, чтобы представить целостную характеристику понимания того, каким образом культурная либерализация изменила отношения между писателями, идеологией и обществом в послесталинском Советском Союзе.

Для достижения поставленной цели авторы используют такие методы как качественный нарративный обзор литературных источников при анализе научных интерпретаций трансформации советской литературы в период «хрущёвской оттепели», а также метод интерпретативного синтеза. Данный анализ основан на корпусе двадцати научных работ, посвящённых различным аспектам культурного и литературного развития СССР в период десталинизации, отобранных в соответствии с их значимостью по трём ключевым направлениям: трансформация советской культурной политики после смерти Сталина; институциональные структуры, формировавшие литературное производство; научные интерпретации тематических, повествовательных и моральных изменений в литературе эпохи оттепели. Посредством синтеза данных подходов, авторы исследования стремятся поместить существующую научную литературу в более широкую аналитическую рамку и прояснить, каким образом историки и литературоведы осмысливают культурные последствия десталинизации для советской

литературы. Несмотря на то что статья опирается на вторичные научные источники и не ставит целью проведение всеобъемлющего текстуально-архивного анализа, данный подход способствует проведению критического обзора современного состояния исследований, посвящённых культурным и литературным трансформациям, связанным с «хрущёвской оттепелью».

Исторический и институциональный контекст (1953–1964)

Институционализация литературной сферы была закреплена созданием Союза советских писателей в 1934 году, что формализовало социалистический реализм как официально санкционированный художественный метод, призванный изображать действительность в её «революционном развитии» (Конди 2000, 165). Культурная политика этого периода была дополнительно ужесточена кампанией «ждановщины» конца 1940-ых гг., которая утвердила строгую идеологическую ортодоксию и свела литературное производство к инструменту государственной пропаганды (Гутмане 2026, 67). В рамках этой системы лирический и индивидуальный голос оказался маргинализированным в пользу коллективных нарративов, соответствующих партийной идеологии, что создало культурную среду, в которой формальные эксперименты или тематические отклонения часто интерпретировались как проявления политической нелояльности.

При И.В. Сталине советское культурное пространство характеризовалось всеобъемлющей системой идеологического контроля, подчинявшей литературу политическим приоритетам государства (Франклин 2025). Ряд исследователей в своих трудах подчеркивают, что именно смерть И.В. Сталина (5 марта 1953 г.) стала важнейшим переломным моментом и ключевой предпосылкой начала трансформации в советском социокультурном пространстве (Гутмане 2026), (Кубанев, Набилкина 2020). Этот переходный период получил широкое распространение как «хрущёвская оттепель». Дж.М.

Хадсон подчеркивает, что именно данный период ознаменовал постепенный отход от жёстких механизмов культурного регулирования (Хадсон 2010). Н. Конди (2000) и К.А. Савосин (2026) утверждают, что ранние институциональные реформы, включая создание Министерства культуры в 1953 г., свидетельствовали об осторожной попытке реорганизовать систему культурного управления и частично отделить культурное производство от прямых пропагандистских функций. На этом первоначальном этапе писатели и критики начали подвергать сомнению доктрину «бесконфликтности», характерную для позднесталинской прозы, стремясь обратить внимание на психологические и эмоциональные измерения советской жизни и «выступая за «искренность» и возвращение к эмоциональной реальности человеческого опыта (Пильник 2025)

Главным катализатором в процессе культурной либерализации СССР стал XX съезд Коммунистической партии в 1956 г., на котором Н.С. Хрущёв зачитал «секретный доклад», осуждающий культ личности. Согласно определению Н. Конди, это привело к «кризису легитимной преемственности», при котором разоблачение сталинской фигуры «отца» оставило культурный истеблишмент без традиционного патриархального авторитета. Исследователи отмечают, что Хрущёв стремился преодолеть этот кризис, представляя свои реформы как возвращение к «чистым ленинским» принципам. Н.А. Кубанев и Л.Н. Набилкина утверждают, что публичное признание отдельных аспектов сталинских репрессий создало идеологическое пространство для частичной реабилитации ранее запрещённых авторов и подъёма интереса к зарубежным литературным традициям (Кубанев, Набилкина 2020). Всё большую значимость приобретали призывы к «искренности и открытости в литературе», писатели отходили от жёстких идеологических формул к более сложному осмыслению индивидуальной субъективности и частного опыта. И. Каспи подчеркивает, что эти процессы

способствовали появлению так называемых «шестидесятников» — поколения писателей и интеллектуалов, воспринимавших свою культурную деятельность как часть более широкого проекта морального и общественного обновления (Каспи 2016).

Тем не менее трансформация советской литературы в период «оттепели» разворачивалась в условиях сохранявшихся противоречий и постоянного поиска баланса между творческой автономией и политическими ограничениями. Она отличалась своей проницаемостью для партийной бюрократии и низким уровнем профессиональной автономии. Д. Франклин указывает на то, что такие авторитетные журналы, как «Новый мир» и «Юность», функционировали как автономные площадки, где редакторы и авторы осторожно расширяли границы допустимого дискурса, оставаясь при этом под наблюдением идеологических инстанций (Франклин 2025). Следовательно, в рамках системы «крупные» журналы превращались в площадки культурного торга и переговоров, что указывает на умение редакторов уверенно маневрировать между расплывчатыми политическими директивами, расширяя пределы допустимого. Это позволяло журналам реагировать на возникновение новых культурных тенденций еще до их официального подавления или распространения. Например, в журнале «Знамя» вышла повесть Ильи Эренбурга под названием «Оттепель» (1954), где описывается личная жизнь, любовь и нравственный выбор героев на фоне рабочих заводских будней, а само название повести стало символом целого исторического периода. Также в журнале «Новый мир» вышло произведение В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), где автор дает критический анализ бюрократической системы управления страной.

Социальное воздействие этих изменений часто рассматривается через призму феномена «шестидесятников» (Б.А. Ахмадулина, Р.С. Рождественский, И.А. Бродский, Б.Ш. Окуджава и др.). Исследования

подчёркивают существование в этот период фундаментальной «борьбы за язык», в рамках которой такие поэты, как А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и Е. Евтушенко, возвращали в литературу лирическое «я», отказываясь от шаблонных клише в пользу непосредственного личного голоса (Лоувен 2017, 215). Здесь следует упомянуть публичные выступления писателей в Политехническом музее, в Лужниках, на площади В. Маяковского, как значимые события, где обсуждались общественные проблемы. Наиболее заметным выражением культурного сдвига стал феномен «стадионной поэзии», превративший поэтическое выступление в мощную общественно-политическую силу. Либерализация досуга способствовала развитию индивидуальной инициативы среди молодёжи: «стимулируя неформальные культурные практики и формы “социалистического веселья”, бросающие вызов аскетизму предшествующей эпохи» (Остачер 2025). Иными словами, на смену официозу и страху пришли живое слово, личная свобода и жажда неформального общения: стихи у костра, авторская песня, дискуссии в компаниях как живое общение – и это становилось настоящей отдушиной для общества.

Однако, культурная либерализация оставалась нестабильной и обратимой. Исследователи подчёркивают, что «оттепель» определялась внутренними противоречиями и периодическими «заморозками» (Михайлова 2025, 212). Новаторское абстрактное искусство, доминировавшее в России в 1910-1920-е гг. («золотой век» авангарда), в 1930-х гг. было объявлено «антинародным искусством». Несмотря на это, конец 1950-х – 1960-е гг. называют ренессансом «оттепели» – вторым рождением абстракции в России, но уже в неофициальной культуре, так как молодые писатели и художники вдохновлялись западными выставками и заново открывали ее для себя, однако в результате объявленного запрета на него вынуждены были уйти в андеграунд – протестное направление, проявляющееся в нарушении

общепризнанных традиций. Д. Лоуен подчеркивает, что посещение Н.С. Хрущёвым выставки в Манеже (1962 г.) стало решающим переломным моментом, когда государство открыто осудило модернизм как идеологическую угрозу (Лоуен 2017, 215). Хрущёв резко отверг абстракционизм, публично оскорбив художников, утвердив себя в роли «критика искусства №1». Развернулась компания по борьбе с абстракционизмом, а ее культурных деятелей вычеркнули из всех официальных списков. Советское руководство всячески ужесточало идеологический контроль и их показательные встречи с творческой интеллигенцией 1963 г. послужили предупреждением о том, что для тех, кто выйдет за пределы дозволенного (воспевание трудовых подвигов, показ советского человека как строителя светлого будущего, героев войны и т.д.), вновь наступят «морозы». Исследователи Н. Конди., Д. Франклин, Т. Остачер приходят к выводу, что эпоха «оттепели» сформировала феномен, который Д. Спечлер (Спечлер 1982) называет «разрешённым инакомыслием» (permitted dissent), когда писателям приходилось лавировать между художественной целостностью и партийной идеологической лояльностью. Писателям позволялось обращаться к повседневным человеческим проблемам при условии, что их произведения подтверждали «социалистический идеал». Тем самым формировалось своеобразное «третье пространство» культурного производства, не являвшееся ни полностью конформистским, ни открыто диссидентским, что позволяло включать элементы подлинного самовыражения в рамки культуры, финансируемой государством.

Эпоха «разрешённого инакомыслия» фактически начала распадаться после смещения Хрущёва в 1964 г.; хотя отдельные сферы культуры ещё некоторое время сохраняли либеральные тенденции. Процесс над А.Д. Синявским и Ю.М. Даниэлем в 1966 г., окончательно закрепили возврат к неосталинской жёсткости, положив конец уникальным культурным кодам оттепели (Конди 2000), (Пильник 2025).

Тематические и повествовательные трансформации в литературе

«Хрущёвская оттепель» инициировала реконфигурацию советского литературного поля, ознаменовав переход от жёстко регламентированной государством «литературы факта» к глубокому исследованию индивидуального сознания и человеческого существования. Он характеризовался онтологическим сдвигом, который существенно изменил тематические границы, глубину субъективности и формальные структуры литературного творчества, отдаляя его от «помпезного и лживого» стиля сталинской эпохи (Конди 2000), (Кубанев, Набилкина 2000).

1- Тематический сдвиг

Самым непосредственным изменением стало отрицание сталинской теории «бесконфликтности», которая сводила литературный конфликт к противостоянию «хорошего и ещё лучшего», поддерживая иллюзию безусловного оптимизма. Ряд литературных критиков и писателей, среди которых ключевые роли сыграли О. Берггольц, И. Эренбург и Л.А. Плоткин, вдохновлённые программным эссе В. Померанцева «Об искренности в литературе» (1953 г.), начали открыто требовать отказа от формульных клише, «лакировки действительности» и так называемой «сельскохозяйственной поэзии». М.С. Петренко настаивает, что это способствовало повороту: «... к изображению сложностей повседневного быта и индивидуальных нравственных переживаний, что фактически означало постепенную деидеологизацию массового сознания в пользу личного жизненного опыта» (Петренко 2025, 463). Литература эпохи «оттепели» начала смело обращаться к подавляемой исторической памяти коллективизации. К примеру, произведение А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» впервые представило широкой публике реальность деградации лагерной системы ГУЛАГа (загнивающая бюрократическая система, взяточничество, блат,

интриги и произвол надзирателей). Этот поворот служил также инструментом восстановления роли интеллигенции в условиях воспринимаемого «дефицита духовности» позднесоветской эпохи.

В этот период также возникло направление «деревенской прозы», в рамках которого В.Г. Распутин и В.П. Астафьев, «стремились возродить традиционные моральные ценности и национальную идентичность, создавая произведения так, словно предписания социалистического реализма больше не существовали» (Петренко 2025). Параллельно происходило «второе открытие» западной литературы, ставшее важным фактором деидеологизации советской культуры. Публикация ранее запрещённых авторов (А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам, Н.А. Заболоцкий, М.А. Булгаков, Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэя и др.), предоставляла читателям возможность познакомиться с художественным миром, свободным от идеологических клише, тем самым удовлетворяя личные культурные потребности, долгое время игнорировавшиеся в условиях сталинской самоизоляции.

2. Трансформация образа героя и субъективности

Однозначно, период оттепели способствовал восстановлению лирического «я», которое ранее было вытеснено коллективистскими и государственно ориентированными моделями. N. Condee и D. Loewen считают, что О.Ф. Берггольц, Л.Г. Зорин, выступили ранними катализаторами этого процесса, смело утверждая право поэта говорить от собственного лица и формируя пространство для более личной интерпретации со стороны читателя (Конди 2000, 160), (Лоувен 2017, 202). Возвращение субъективности позволило глубже исследовать темы сомнения, совести и человеческой уязвимости, заменив «архетип «нового советского человека» персонажами, определяемыми их внутренними переживаниями и духовными поисками» (Пильник 2025)

Поколение «шестидесятников» ввело новую типологию литературных героев, среди которых особое место занял образ «героя неудачника» и скептика, недоверчиво относящегося к грандиозным идеологическим установкам старшего поколения. Такие авторы, как Б.Ш. Окуджава и В.П. Аксёнов, создавали образы героев, обладавших мужеством, но лишённых традиционного эпического героизма; их судьбы нередко отражали феномен «безотцовщины» послевоенного поколения, стремившегося к самоопределению вне рамок государственного патернализма. Этот поворот к внутреннему миру помогал интеллектуалам осмыслить неопределённости постсталинской эпохи, предлагая своеобразный «источник цивилизованных ценностей» (Тромли 2017, 106).

Трансформация субъективности также осложнялась появлением образа «новой советской молодежи», от которой ожидалось участие в общественной жизни через инициативу «снизу», а не посредством принуждения (Остачер 2025). Отмечается гендерное измерение этого процесса: выражение эмоций и переживание утраты всё чаще переносились в художественной культуре на женские образы. Персонажи литературы и кино всё чаще воплощали архетип «русской женщины-матери», совмещающей заботу о семье со стойкостью в преодолении жизненных трудностей, что отражало изменение культурных установок и отход от обезличенного образа женщины труженицы сталинской эпохи (Беганова 2024).

3. Изменения формы и литературной техники

Фундаментальная трансформация литературы периода «оттепели» проявлялась в постепенном ослаблении канонов социалистического реализма и появлении структурной неоднозначности. Финалы произведений всё чаще отходили от клишированного оптимистического завершения, уступая место более амбивалентным или открытым концовкам, отражавшим

неопределённость реальной жизни. Так З. Гутмане, утверждает, что «“поэзия реальной жизни” делала акцент на фактическом повествовании и языковой достоверности, признавая трудности действительности», одновременно подчёркивая «личную ответственность и способность человека к стойкости» (Гутмане 2026, 69).

Исследователи отмечают также сильную документальную тенденцию в литературе этого периода. Ярким примером тому стал жанр «романа-документа». Американский исследователь Ш.А. Пильник указывает на то, что А.В. Кузнецов, использовал повествование от первого лица, основанное на свидетельствах очевидцев, чтобы «преодолеть разрыв между исторической реальностью и художественным вымыслом, включая в текст подлинные документы для раскрытия ранее подавляемых истин» (Pilnik 2025, 158). В результате поиск фактической и нравственной истины превращал сам процесс литературного творчества в самоценность, нарушая нормы институциональной безличности и утверждая автономию автора.

Структурные противоречия и пределы культурной либерализации

«Хрущёвская оттепель» характеризовалась фундаментальным структурным парадоксом: стремление государства модернизировать и заново мобилизовать советское общество требовало такого уровня интеллектуальной вовлечённости, которая одновременно ставила под угрозу монополию партии на идеологическую истину (Кубанев, Набилкина 2020, 2193). Это противоречие сформировало культурный ландшафт, определявшийся не линейным движением к творческой свободе, а неустойчивыми циклами «оттепелей» и «заморозков», период относительной открытости сменялся жёстким дисциплинарным контролем. Культурная либерализация оставалась по своей сути избирательной. Однако все было сложнее: тематические границы искусства расширялись, но базовые институциональные механизмы

авторитарного контроля и приоритет социалистического реализма тщательно сохранялись.

В постсталинскую эпоху характер культурного регулирования эволюционировал – от физического террора и прямых репрессий сталинского периода к более сложной системе бюрократического контроля и профессиональных санкций. Д. Франклин подчеркивает, что, несмотря на то что центральный цензурный орган «Главлит» продолжал существовать, государство стратегически перераспределило функции цензуры между редакторами и самими авторами (Франклин 2025). В результате возник режим превентивного самоограничения, при котором «крупные журналы» «... превращались в первую линию идеологической защиты, осуществляя “предварительную цензуру” и проверяя рукописи на соответствие допустимым рамкам ещё до их передачи официальным государственным цензорам» (Дьюхирст., Фарелл 1973).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что «хрущёвскую оттепель» невозможно понимать ни как простой эпизод культурной эмансипации, ни как смягчённое продолжение сталинского контроля. Историки и литературоведы последовательно интерпретируют этот период как структурно нестабильный этап, в рамках которого идеологическая власть была частично переосмыслена, но полностью не утрачивала своего господства. В ответ на исследовательский вопрос о том, как учёные объясняют влияние культурной либерализации на тематические ориентиры, повествовательные формы и моральные перспективы советской литературы, становится очевидно, что «оттепель» правомерно интерпретировать как согласованную с властью трансформацию литературной культуры, а не как разрыв с самой советской системой. В результате было выявлено, что учеными и исследователями фиксировались глубокие изменения литературных приоритетов. Отказ от бесконфликтности,

возвращение лирического «я», появление морально неоднозначных героев, а также развитие документальной прозы и повествовательных структур с формальной неоднозначностью свидетельствуют о возросшем внимании к индивидуальной внутренней жизни и этическому поиску. Литература всё чаще обращалась к исторической травме, повседневному быту и вопросам совести, которые в эпоху позднего сталинизма были вытеснены на периферию культурного дискурса. Одновременно исследования литературных журналов, редакторского посредничества и зависимого от власти советского культурного производства подчёркивают, что эти преобразования происходили в рамках тщательно контролируемых институциональных границ. Автономия не предоставлялась напрямую, а вырабатывалась через постоянный процесс согласования; инакомыслие допускалось, но оставалось строго ограниченным. Отметим, что наиболее значимая трансформация эпохи «оттепели» заключалась не в устранении идеологического контроля, а в переосмыслении культурной функции литературы. Советское литературное поле превратилось в пространство постоянного соперничества и переговоров, где моральная субъективность вновь вошла в публичный дискурс, оставаясь при этом встроенной в финансируемые государством и бюрократически регулируемые институции. В результате возникло не состояние полной творческой свободы и не простое подчинение официальной линии, а динамическое и крайне неустойчивое равновесие. Нестабильность этого равновесия, особенно проявившаяся в таких событиях, как Манежная выставка 1962 г., а затем окончательно закреплённая в ходе культурного ужесточения после 1964 г., выявляет структурные пределы самой десталинизации.

Литература

- 1- Беганова Р. (2024). *Окрашено контекстом: интерпретация фильма Александра Роу «Морозко» (1964) в рамках политики хрущевской оттепели.* Журнал исторических исследований. УВС. 2024, №16, с. 17–38.

- 2- Голубцова А.В. (2026). *Гоффредо Париже и СССР*. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2026, №1, с. 20–31.
- 3- Гутмане З. (2026). *Эстетика концовок в рассказах Эвалдса Вилкса периода Оттепели*. Respectus Philologicus. 2026, Т. 49 (54), с. 65–78.
- 4- Дьюхирст М., Фаррелл Р. (1973). *Советская цензура*. Метачен, Нью-Джерси: Скэркроу Пресс, 1973.
- 5- Каспи И. (2016). «Мы живем в эпоху, дающую смысл жизни»: конструирование поколения «шестидесятников» в журнале «Юность». Новое литературное обозрение, 2016, № 137, с. 130–148.
- 6- Конди Н. (2000). *Культурные коды Оттепели* // Никита Хрущев / Под ред. У. Таубмана. Издательство Йельского университета, 2000, с. 160–176.
- 7- Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. (2020). *Культурная трансформация в СССР: от морозов к «оттепели» и обратно*. Европейские труды по социальным и поведенческим наукам. 2020. с. 2189–2194. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.289>, дата обращения 25.04.2026.
- 8- Лоувен Д. (2017). *Размытые границы: русская поэзия и советская политика в период Оттепели*. Русская литература, 2017, № 87, с. 201–224. URL: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2017.04.008>, дата обращения 25.04.2026
- 9- Михайлова М.Е. (2025). *Судьба «полочного кино»: социокультурный контекст и причины запрета фильмов в период хрущёвской и брежневской эпох*. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2025, №3, с. 200–217.
- 10- Остачер Т. (2025). *Авангард всего прогрессивного человечества: молодежная культура, мобилизация и новый советский (молодой) человек в СССР послесталинского периода*. Дипломный проект. Колледж Макалестер. 2025. URL: https://digitalcommons.macalester.edu/history_honors/37/, дата обращения 25.05.2026.
- 11- Петренко М.С. (2025). *Консервативный сдвиг и нормализация культурного поля в первое брежневское десятилетие*. Идеи и идеалы. 2025, №42, с. 452–473.
- 12- Попова О.Д., Масловский М.О. (2025). *Трансформация культурной жизни в условиях социального пространства провинции рубежа 1950-х-1960-х годов*. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. №31, с. 48-57.
- 13- Пильник Ш.А. (2025). *Овраг памяти: Бабий Яр между Холокостом и Великой Отечественной войной*. Издательство Университета Пердью.
- 14- Савосин К. (2026). *Изменения в культурной политике в период хрущевской «оттепели»*. Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений. 2026, с. 101–103.
- 15- Спечлер Д. (1982). *Разрешенное инакомыслие в СССР: «Новый мир» и советский режим*. Praeger Publishers. 1982. 293 с.

- 16- Тромли Б. (2017). *Рецензия на книгу «Создание советской интеллигенции: университеты и интеллектуальная жизнь при Сталине и Хрущеве»*. Журнал евразийских исследований. 2017. № 1, с. 106–107.
- 17- Хадсон Дж.М. (2010). *Застывшая оттепель: переменчивые отношения между Хрущевым и литературной интеллигенцией*. Магис. дисс. Южный методистский университет. 2010. 85 с.
- 18- Федотов А.И. (2025). *Досуг и хобби в Советском Союзе в период «оттепели»*. Юный историк. 2025. №3, с. 70–82.
- 19- Франклин Д. (2025). *Поле под давлением: советские литературные журналы и автономия в советской литературной жизни*. Дисс. ... канд. наук (Ph.D.). Колумбийский университет. 2025. 155 с.

Bibliography

- 1- Beganova R. (2024). *Okrasheno kontekstom: interpretatsiia fil'ma Aleksandra Rou «Morozko» (1964) v ramkakh politiki khrushchevskoi оттеpeli*. Zhurnal istoricheskikh issledovani. UBC. 2024, №16, s. 17–38.
- 2- Golubtsova A.V. (2026). *Goffredo Parize i SSSR*. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura, 2026, №1, s. 20–31.
- 3- Gutmane Z. (2026). *Estetika kontsovok v rasskazakh Evaldsa Vilksa perioda Ottepeli*. Respectus Philologicus. 2026, T. 49 (54), s. 65–78.
- 4- D'iukhirst M., Farrell R. (1973). *Sovetskaia tsenzura. Metachen, N'iu-Dzhersi: Skerkrou Press, 1973.*
- 5- Kaspi I. (2016). *«My zhivem v epokhu, daiushchuiu smysl zhizni»: konstruirovaniie pokoleniia «shestidesiatnikov» v zhurnale «Iunost'»*. Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, № 137, s. 130–148.
- 6- Kondi N. (2000). *Kul'turnye kody Ottepeli // Nikita Khrushchev / Pod red. U. Taubmana*. Izdatel'stvo Iel'skogo universiteta, 2000, s. 160–176.
- 7- Kubanev N.A., Nabilkina L.N. (2020). *Kul'turnaia transformatsiia v SSSR: ot morozov k «ottepeli» i obratno*. Evropeiskie trudy po sotsial'nym i povedencheskim naukam. 2020. s. 2189–2194. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.289> , data obrashcheniia 25.04.2026.
- 8- Louven D. (2017). *Razmytye granitsy: russkaia poeziia i sovetskaia politika v period Ottepeli*. Russkaia literatura, 2017, № 87, s. 201–224. URL: <http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2017.04.008> , data obrashcheniia 25.04.2026
- 9- Mikhailova M.E. (2025). *Sud'ba «pOLOCHNOGO kino»: sotsiokul'turnyi kontekst i prichiny zapreta fil'mov v period khrushchevskoi i brezhnevskoi epokh*. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2025, №3, s. 200–217.

- 10- Ostacher T. (2025). *Avangard vsego progressivnogo chelovechestva: molodezhnaia kul'tura, mobilizatsiia i novyi sovetskii (molodoi) chelovek v SSSR poslestatinskogo perioda*. Diplomnyi proekt. Kolledzh Makalester. 2025. URL: https://digitalcommons.makalester.edu/history_honors/37/ , data obrashcheniia 25.05.2026.
- 11- Petrenko M.S. (2025). *Konservativnyi sdvig i normalizatsiia kul'turnogo polia v pervoe brezhnevskoe desiatiletie*. Idei i idealy. 2025, №42, s. 452–473.
- 12- Popova O.D., Maslovskii M.O. (2025). *Transformatsiia kul'turnoi zhizni v usloviakh sotsial'nogo prostranstva provintsii rubezha 1950-kh-1960-kh godov*. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya. 2025. №31, s. 48-57.
- 13- Pil'nik Sh.A. (2025). *Ovrag pamiati: Babii Iar mezhdu Kholokostom i Velikoi Otechestvennoi voinei*. Izdatel'stvo Universiteta Perd'iu.
- 14- Savosin K. (2026). *Izmeneniia v kul'turnoi politike v period khrushchevskoi «ottepli»*. Problemy nauchno-prakticheskoi deiatel'nosti. Poisk i vybor innovatsionnykh reshenii. 2026, s. 101–103.
- 15- Spechler D. (1982). *Razreshennoe inakomyslie v SSSR: «Novyi mir» i sovetskii rezhim*. Praeger Publishers. 1982. 293 s.
- 16- Tromli B. (2017). *Retsenziia na knigu «Sozdanie sovetskoi intelligentsii: universitety i intellektual'naia zhizn' pri Staline i Khrushcheve»*. Zhurnal evraziiskikh issledovani. 2017. № 1, s. 106–107.
- 17- Khadson Dzh.M. (2010). *Zastyvshaia ottepel': peremenchivye otnosheniia mezhdu Khrushchevym i literaturnoi intelligentsiei*. Magis. diss. Iuzhnyi metodistskii universitet. 2010. 85 s.
- 18- Fedotov A.I. (2025). *Dosug i khobbi v Sovetskom Soiuze v period «ottepli»*. Iunyi istorik. 2025. №3, s. 70–82.
- 19- Franklin D. (2025). *Pole pod davleniem: sovetskie literaturnye zhurnaly i avtonomiia v sovetskoi literaturnoi zhizni*. Diss. ... kand. nauk (Ph.D.). Kolumbiiskii universitet. 2025. 155 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Siyami Eidlak, K., Sabzi, A., & Khalafi, H. (2026). CULTURAL LIBERALIZATION DURING THE KHRUSHCHEV THAW AND THE TRANSFORMATION OF SOVIET LITERATURE: A NARRATIVE REVIEW. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 14(2), 147-166.

DOI: 10.66224/IARLL.28.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/426>

آزادسازی فرهنگی در دوران «ذوب شدگی خروشچف» و دگرگونی ادبیات

شوروی: یک مرور روایتی

خلیدا صیامی ایدلاک^{*۱}

دانشیار، دکتری زبان و ادبیات روسی، دانشگاه بجنورد،
بجنورد، ایران

علی سبزی^۲

کارشناس ارشد مطالعات روسیه، دانشگاه تهران،
تهران، ایران

حسین خلفی^۳

کارشناس ارشد ادبیات روسی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۶)

چکیده

این پژوهش به تحلیل کیفی دیدگاه‌های پژوهشگران درباره «دوران ذوب شدگی خروشچف» از اواسط دهه ۱۹۵۰ تا اواسط دهه ۱۹۶۰ و تأثیر آن بر ادبیات شوروی می‌پردازد. موضوع پژوهش، بررسی رابطه متقابل میان آزادسازی فرهنگی، نهادهای ادبی و دگرگونی بیان هنری در دوران «ذوب شدگی» است؛ دوره‌ای که می‌توان آن را مرحله‌ای از بازسازی فرهنگ شوروی دانست که علی‌رغم ایجاد گشایش‌های قابل توجه، همچنان از نظر ساختاری ناپایدار و از نظر سیاسی محدود بود. این مقاله با تکیه بر پژوهش‌های ادبی معاصر و تاریخی، گذار از فضای ایدئولوژیک سخت‌گیرانه دوران استالین، که با غلبه رئالیسم سوسیالیستی، کنترل نهادی و سرکوب بیان فردی مشخص می‌شد، به محیط فرهنگی منعطف‌تر، اما همچنان محدودشده‌ای را بررسی می‌کند که پس از مرگ استالین در سال ۱۹۵۳ و به دنبال محکومیت کیش شخصیت از سوی نیکیتا خروشچف در سال ۱۹۵۶ شکل گرفت. یافته‌های پژوهش نشان می‌دهد که دوران «ذوب شدگی» تغییرات مهمی در ادبیات شوروی ایجاد کرد؛ از جمله کنار گذاشتن اصل «بی‌تعارضی»، بازگشت «من» غنایی، افزایش توجه به آسیب‌ها و زخم‌های تاریخی و زندگی روزمره، و شکل‌گیری روایت‌هایی با ابهام بیشتر و شخصیت‌هایی با پیچیدگی‌های اخلاقی. نتایج این مطالعه نشان می‌دهد که اهمیت فرهنگی «دوران ذوب شدگی خروشچف» نه در از میان رفتن کنترل ایدئولوژیک، بلکه در بازنگری نسبی در جایگاه و کارکرد ادبیات در فرهنگ شوروی و شکل‌گیری الگویی شکننده از «مخالفت مجاز» نهفته بود.

واژگان کلیدی: دوران ذوب شدگی خروشچف، ادبیات شوروی، استالین‌زدایی، رئالیسم سوسیالیستی، آزادسازی فرهنگی.

1. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir; <http://orcid.org/0000-0001-94667428>

* نویسنده مسئول

2. E-mail: ali.sabzi@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0009-0009-7324-5387>

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

3. E-mail: khalfihosseini@ut.ac.ir; <http://orcid.org/0009-0000-0053-0472>

COLOR CONCEPTUALIZATION OF THE PLANT WORLD: ON THE COLOR OF THE BIRD CHERRY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW (POLYDISCURSIVE STUDY)

Sivova Tatyana Viktorovna^{1*}

Associate Professor,

Yanka Kupala State University of Grodno,

Grodno, Belarus.

(date of receiving: February 2026; date of acceptance: July, 2026)

Abstract

The article presents the results of a comprehensive study into the specific features of the color perception of bird cherry in the linguistic consciousness of Russian speakers. The stated goal – the reconstruction of a segment of the color conceptosphere of the Russian language's floral space – was achieved in the following way: 1) the set of color terms actualized in the color descriptions of the plant has been established (26 units); 2) the dominant colors, which display variability in texts of different discourses, have been determined; 3) unique color descriptions of the bird cherry, reflecting the individual color worldview of a native speaker, have been identified; 4) the methods for specifying the color impression – the means for the fine differentiation of a color shade – have been established; 5) the understanding of the ways of conveying color meaning has been expanded, including through meta-lexemes, lexemes with the meaning of color intensity, color non-uniformity, implicit color, and lexemes with the meanings 'to be in bloom', 'light', and 'darkness'; 6) the collocability of the actualized color terms has been described, demonstrating the spheres of denotation for bird cherry color descriptions: from nature to the "material world"; 7) the functionality of the plant's descriptions has been identified, which is realized primarily in the ontological function, the specific function, the illustrative-expressive function, the prototypical function, and the function of creating a color chronotope. The obtained results are significant for creating a comprehensive color description of the bird cherry; they are of both theoretical and applied significance.

Keywords: Color Linguistics, Color Term, Phytonym, Linguistic Consciousness, Associative Experiment, Corpus Studies, Advertising Discourse.

1. E-mail: tatyana.sivova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

* Corresponding author

ЦВЕТОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА РАСТЕНИЙ: О ВЕТЕ ЧЕРЕМУХИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (ОПЫТ ПОЛИДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сивова Татьяна Викторовна^{1*}

Доцент, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Гродно, Беларусь.

(дата получения: февраль 2026 г.; дата принятия: июль 2026 г.)

Аннотация

В статье изложены результаты комплексного исследования специфики цветового восприятия черемухи в языковом сознании русскоговорящих. Поставленная цель – описание сегмента концептосферы цвета растительного пространства языка, решается следующим образом: 1) установлен реестр цветообозначений, используемых в описаниях растения (26); 2) определен состав доминирующих цветов, обнаруживающих вариативность в текстах различных дискурсов; 3) выявлены уникальные цветоописания, демонстрирующие индивидуальную цветовую картину мира носителя языка; 4) установлены способы детализации цветовой характеристики; 5) расширено представление о способах передачи цветового значения металексемами, лексемами со значением интенсивности, неоднородности окраски, с имплицитным цветом, со значением ‘быть в цвету’, ‘свет’, ‘тьма’; 6) описана лексическая сочетаемость цветообозначений, демонстрирующая сферы денотации цветоописаний: от природы до «вещного мира»; 7) выявлен функционал искомых дескрипций, который реализуется в онтологической функции, родо-видовой, изобразительно-выразительной, прототипической функции, в функции конструирования цветового хронотопа. Полученные результаты значимы в создании комплексного цветового описания черемухи, носят как теоретический, так и прикладной характер.

Ключевые слова: Лингвистика цвета, Термин цвета, Фитоним, Языковое сознание, Ассоциативный эксперимент, Корпусные исследования, Рекламный дискурс.

1. E-mail: tatyana.sivova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

* Ответственный автор

Введение

Цвет природных объектов представляет научный интерес для специалистов, работающих в области лингвистики цвета. Исследовательское внимание лингвистов направлено на выявление того, «какие именно цветообозначения и каких типов используются в <...> языковых ареалах для описания природных объектов и какие функции выполняет упоминание о каком-либо цвете природного объекта или его описание, <установление> особенностей функционирования цветообозначения природных объектов и явлений природы» (Кульпина 2001. 204). Растительное пространство, неотделимое от цвета, заслуживает пристального внимания исследователей (см. некоторые наши работы (Сивова 2025а; Сивова 2025б)).

На пространство растительного мира, созданного современным иранским поэтом М.-Р. Шафии-Кадкани с помощью цветообозначения, обращают внимание иранские исследователи: «в стихотворении “На перекрестке игры красок” <поэт> говорит о бегстве из города, подчеркивая символическое значение зеленого цвета как знака жизненной силы и гармонии с природой, где он ищет убежища от хаоса улиц с их грохотом железа и стали» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. с. 200-201). При этом, как отмечают исследователи, смысловой потенциал цветообозначения *зеленый*, актуализируемый в иранской литературе, значительно шире: «у Мавлави зеленая весна символизирует превосходство жизни над гибелью и начала над завершением; у Хафеза зеленый является символом жизни, духовного обновления и пути к внутреннему свету, а у Парвин Этесами он ассоциируется с чистотой и внутренним возрождением» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. с. 206).

В нашей статье обратимся к вопросу цветовой концептуализации черемухи, актуализируя диагностический потенциал полидискурсивного исследования.

Цветовая составляющая в описаниях спорадически фиксируется лингвистами в текстах различных дискурсов. Актуализируемый диапазон включает термины цвета (ТЦ) *смуглый, красный, черный, белый*. Так, И. Кур-Кононович, ставя целью «проследить изменения названий растения рода черёмуха *Prunus padus* (L.) в русском языке на протяжении веков, обращая внимание на их мотивированность, этимологию» (Kur-Kononowicz 2016. 31), отмечает в ряде дефиниций цветовую составляющую. Исследователь фиксирует «предположение, <которое> выводит значение слова от несохранившегося *черема* ‘смуглая’ (ягода) (Ц 534-535); ср. диалектное: тверское, осташковское *черёмый* ‘смуглый’ (О 299)» (Kur-Kononowicz 2016. 34). «Некоторые языковеды, – подчеркивает И. Кур-Кононович, – считают, что значение лексемы связано с древнерусской адъективной основой *чърмьный* ‘красный, то есть красивый’ (Ш 490-491). <...> В связи с вышесказанным, черёмуха – это ‘дерево смуглое, красное по цвету её спелых ягод или древесины’» (Kur-Kononowicz 2016. 34).

В.Б. Колосова, подчеркивая, что «в фитонимах широко отражен цвет лепестков, листьев и других частей растений» (Колосова 2009. 12), отмечает использование различных мотивационных моделей: «самая простая – ‘цвет’ → ‘название растения’, то есть цвет прямо назван в фитониме» (Колосова 2009. 12). «Черный цвет в названиях травянистых растений, – констатирует В.Б. Колосова, – встречается редко. <Вместе с тем> это цветообозначение широко используется в названиях черемухи и черники (*черень, чернижница* и т.п.) <...> (Русинова, Богачева 2003: 124)» (Колосова 2009. 14). Н.В. Малышева и И.А. Данилов, исследуя способы номинации ягодных растений в якутском языке, отмечают: «значение листовенного быстрорастущего растения из семейства розовых с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, и черными ягодами черемухи обыкновенной в якутском языке заключено в фитониме *хаппырыас* “диал. черемуха *Prunus padus* L.” (БТСЯЯ, 2016: 318;

ДДЬ, 2011: 71), “черемуха обыкновенная” (ИЛРЯ, 2009: 165) и его фонетических вариантах: *хаппырас* “черемуха” (Пек., Т. III: 3321); *хаппараас* “черемуха” (ДСЯЯ, 1976: 280)» (Малышева, Данилов 2020. 61). «Не представляется возможным, – подчеркивают исследователи, – высказать однозначное утверждение о способе номинации основы *хаппырыас* и ее фонетических вариациях. <...> В основе рассматриваемых лексем могут лежать два корня: *хап-хара* ‘очень черный’ + *ыас* ‘смола’» (Малышева, Данилов 2020. 61).

В.Г. Кульпина, отмечая, что «этнорелевантный белый цвет <...> способен участвовать в описаниях родины» (Кульпина 2001. 425), подчеркивает: «мы смело можем считать эту способность цветообозначения критерием также и этнорелевантного цвета, не только этноцвета» (Кульпина 2001. 425). «Мы находим белый цвет, – пишет В.Г. Кульпина, – среди тех красок, которые вызывают романтическое волнение, но прежде всего как употребление цветообозначений прототипических объектов-носителей белого цвета» (Кульпина 2001. 425). В качестве иллюстрации исследователь приводит пример из стихотворения Есенина: *Синий май, Заревая теплынь. ... Спит черемуха в белой накидке* (Кульпина 2001. 425). А.Н. Евдокимов, исследуя семантику и функции белого цвета, реализуемые в описаниях природы у Е.И. Носова, отмечает: «белая цветущая черемуха рождает в языке писателя несколько устойчивых художественных образов, основанных на закреплённых в русской ментальности традиционных ассоциативных связей белого цвета с определенными объектами» (Евдокимов 2012. 45).

Отсутствие комплексного лингвистического описания колористической визуализации черемухи, выполненного на материале текстов различных дискурсов: от лексикографического до рекламного, обуславливает новизну нашего исследования, *цель* которого – описание сегмента концептосферы цвета растительного пространства языка на примере дескрипций черемухи.

Основная часть

Лексикографическая представленность (белый, черный). В толковых словарях цвет растения отражается: «черёмуха ‘дерево или кустарник сем. розоцветных, с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, приносящее плоды в виде чёрных ягод’» (Кузнецов 2000. 1472); «черёмуха ‘дерево или кустарник сем. розоцветных с собранными в кисти белыми душистыми цветками и чёрными терпкими ягодами’» (Шведова 2002. 530).

Экспериментальные данные (белый). В рамках направленного ассоциативного эксперимента (611 респондентов, студенты ГрГУ), в котором информанты давали «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «черемуха», установлено представление о цвете растения у носителей языка.

Статистика: всего цветовых реакций на стимул «черемуха»: 323, различных цветовых реакций: 28, одиночных: 15, отказов: 288.

Результаты НАЭ: белый 110: 84 (ж), 26 (м); фиолетовый 80: 50 (ж), 30 (м); зеленый 29: 13 (ж), 16 (м); сиреневый 20: 12 (ж), 8 (м); черный 20: 10 (ж), 10 (м); красный 19: 9 (ж), 10 (м); желтый 10: 7 (ж), 3 (м); розовый 8: 7 (ж), 1 (м); синий 4: 4 (м); голубой 2: 1 (ж), 1 (м); лиловый 2: 2 (ж); оранжевый 2: 1 (ж), 1 (м); серый 2: 2 (ж); белый цвет, черемухи цвет (песня) 1: 1 (м); белый, фиолетовый 1: 1 (ж); бордо 1: 1 (ж); бордовый 1: 1 (ж); бурый 1: 1 (ж); горчичный 1: 1 (ж); зелено-фиолетовый 1: 1 (м); коричневый 1: 1 (м); красно-черный 1: 1 (м); пурпурный 1: 1 (ж); светло-желтый 1: 1 (ж); светло-красный 1: 1 (ж); светло-оранжевый 1: 1 (м); светло-фиолетовый 1: 1 (ж); синий, белый 1: 1 (ж); нет ответа 288: 106 (ж), 182 (м).

Экспериментально установлен перечень актуальных для цветоописания черемухи единиц (18): белый, бордо / бордовый, бурый, голубой, горчичный, желтый, зеленый, коричневый, красный, лиловый, оранжевый, пурпурный, розовый, серый, синий, сиреневый, фиолетовый, черный. Для сопоставительного анализа обратимся к ассоциативным словарям: «черемуха»:

цветет 14, белая 8, красная 2, белоснежная 1, белый = воздушный 1, в цвету 1, расцвела 1, цвести 1, цветущая 1, черная 1, черный 1 (Караулов 2002).

На первом месте *белый* (110), далее *фиолетовый* (80). Среди реакций зафиксированы двусоставные композиты (6): зелено-фиолетовый, красно-черный, *светло-желтый*, *светло-фиолетовый*; цепочки цвета (2): белый, фиолетовый; синий, белый; описательные конструкции: белый цвет, черемухи цвет (песня).

Индивидуально-авторская цветовая картина мира. Проза К.Г. Паустовского ('быть в цвету'). В описаниях преобладают лексемы со значением 'быть в цвету' (*зацвести*, *цвести*): *«пусть тотчас прорастает трава и зацветают все, какие есть, цветы – и черемуха, и ландыш, и прилеска»* (Паустовский 1984. 95). Спектр включает 3 ТЦ: *белый*, *желтый*, *зеленый* 1. Например: *«Свистели птицы, раскачиваясь на ветвях черемухи. С ветвей сыпались первые желтеющие цветы»* (Паустовский 1981б. 500).

Функциональные возможности авторских цветоописаний находят воплощение в создании цветового пространства текста (2):

– пространства природы: [флора] *«в самой малой капле отражается калейдоскоп света и красок, – вплоть до множества оттенков совершенно разного зеленого цвета в листьях бузины или в листьях черемухи, липы»* (Паустовский 1983а. 585);

– уездного города: *«Поздно распустились деревья, поздно цвела по загложившим уездным садам черемуха»* (Паустовский 1982а. 632); также цветового времени (1 темпоральная координата):

– ТК «Время года»: *«Весна, значит, скоро, – вздохнул железнодорожник. – Черемуха зацветет»* (Паустовский 1983а. 486). Цветоописания черемухи демонстрируют возможности цветового хронотопа, существенной взаимосвязи времени и пространства на основе цвета: *«Я впервые ехал на север, но всё*

казалось мне здесь знакомым, особенно *груды белой черемухи, отцветавшей в ту позднюю весну в загложших садах*» (Паустовский 1982а. 275).

Корпусные данные. Основной корпус НКРЯ ('быть в цвету'). Цветоописания черемухи встречаются в произведениях свыше 140 авторов, среди которых И. Бунин, Ф. Достоевский, В. Набоков, Ю. Нагибин, М. Пришвин.

В описаниях в большей мере представлены лексемы со значением 'быть в цвету' (*зацвести, кипеть, распусться, расцвести, цвести*): «Прозрачной зеленью оделись березы. **Цвела черемуха**» (Гранин) (ОК НКРЯ). Репертуар цветообозначений включает 16 единиц: *белый* 54; *зеленый* 33; *черный* 10; *багровый, желтый, красный* 3; *бурый, молочный* 2; *багряный, бронзовый, золотой, оранжевый, розовый, рыжий, серебристый, серый* 1. Например: «Знаешь, листья желтеют, **черемуха совсем порыжела** сверху» (Пунин) (ОК НКРЯ). На основе выявленных ТЦ строятся двусоставные композиты (7): *зелено-желтый, белый-белый, кипенно-белый, темно-зеленый, ярко-белый*. Например: «аккордеон, вальс «Голубой Дунай», **кипенно-белая черемуха, очумелые соловьи**» (Завершнева) (ОК НКРЯ). Состав цветового спектра дополняется лексемами: передающими интенсивность (*прозрачный, яркий*); металексемами (*краска*); указывающими на неоднородность окраски (*полоска*); с имплицитным цветовым компонентом (*иней, снег; пена; свадебный, осенний*); с семантикой света (*блеск, запылать, сиять*); тьмы (*потемнеть, темный*). Например: «Везде **светятся яркие кисти черемухи**» (Ливеровский) (ОК НКРЯ).

Материалы ОК НКРЯ свидетельствуют о функционировании ТЦ *черемушный* (см. прототипическая функция).

Выявленные цветообозначения соотносятся с фитонимом *черемуха*, спорадически – *черемушник*, с фитонимической лексикой (*гроздь, лепесток, лист, чешуйка, ягода*), шире – другой природной (*брызги, дым, пена*),

вестиальной (*наряд, шапка*), предметной (*скатерть*). Например: «*Над головой его спускались **черные гроздья черемухи**, над ними хлопотливо гудели пчелы*» (Осеева) (ОК НКРЯ).

Корпусные данные. Поэтический корпус НКРЯ (белый). Цветовые характеристики черемухи представлены в текстах более 50 авторов, среди которых А. Ахматова, С. Есенин, М. Лермонтов, Б. Пастернак, А. Пушкин.

Значимый для описания черемухи спектр включает 7 ТЦ: *белый* 31; *молочный* 4; *зеленый* 3; *золотистый, черный* 2; *серебряный, синий* 1. Например: «*Весной, понимаешь, для всех расцветут **Кусты белопенных черемух***» (Шведов). Среди цветоописаний обнаружен двусоставный композит: «*Душистый **дух черемухи** весенней, Ее **зелено-белую красу***» (Верховский) (ПК НКРЯ). Сопоставление количественных результатов показывает сужение цветового спектра черемухи в ПК НКРЯ (7 ТЦ) относительно ОК НКРЯ (16 ТЦ).

Расширение диапазона происходит за счет лексем: со значением интенсивности (*бледный*); с имплицитным цветом (*вьюга, метель, снежность, стужа, пена, жемчуг, венчальный*); со значением 'быть в цвету' (*зацвести, расцвести, цвести*); со световым значением (*гореть, закатный, светлый*). Например: «***Опадет черемух снежность**, Опадет и вновь родится*» (Уткин) (ПК НКРЯ). Выявленные ТЦ последовательно коррелируют с фитонимом *черемуха*, с фитонимической лексикой (*ветка, кисть, лист, цветок*), другой природной (*грот, дождь, иней*), вестиальной (*накидка, наряд, шаль*). Например: «***И черемух серебряный иней** Уберет жемчугами роса*» (Будищев) (ПК НКРЯ).

Данные НКРЯ позволяют выявить функциональные возможности цветоописаний черемухи, реализацию: 1) онтологической функции: «***Цветущая черемуха** осыпала ее **белыми лепестками***» (Ковалевская) (ОК НКРЯ);

2) родо-видовой: *«Росли здесь смородина красная, белая, черная; ... красная и черная черемуха»* (Коростелева) (ОК НКРЯ);

3) изобразительно-выразительной: *«Санька задумчиво смотрел на отцветающую черемуху, роняющую белые лепестки, отчего земля казалась кругом обрызганной известкой»* (Мусатов) (ОК НКРЯ);

4) функции создания цветового времени-пространства (см. (Сивова 2018)):

4.1 цветового пространства текста (10):

– пространства природы: **[флора]** *«шишка прошуршала по бурой, зеленой и желтой листве черемухи, подобно змейке»* (Максимов); с установлением фитонимических параллелей: *«под осень краснеет свекольно лист черемуховый»* (Яковлев); **[фауна]** *«в палисаднике листья на черемухах висели мертво, такие же серые от пыли, как воробьиные перья»* (Липатов); **[водное пространство]** *«Воды океана загустели синевой, и по ним катились волны, увенчанные белыми, как черемуховый цвет, гребнями»* (Новиков-Прибой); на основе параллелей: *«то, что он ясно помнил, было сплошное море цветущей черемухи, белой, точно морская пена»* (Сергеев-Ценский); **[небо]** (сильная позиция) *«Дальше росла черемуха. Она была огромная и белая, словно облако, которое зацепилось за изгородь»* (Мусатов); **[ландшафт]** *«Внизу, под обрывом белели заросли цветущей черемухи»* (Шишков) (ОК НКРЯ);

– человека: **[соматический код]** (волосы, кожа). Например: *«Белокурый курчавый парень, похожий на цветущую черемуху, расклеил по теплушкам плакаты и сводки штабверха»* (Иванов); **[вестиальный]** *«Липким запахом вееет полынь, Спит черемуха в белой накидке...»* (Бунин); **[эмоциональный]** *«любовь ... к первой черемухе, роняющей цвет в медлительную воду реки, к тем терпким черным ягодам, которые завяжутся на гибких ветках»* (Конечский) (ОК НКРЯ);

– социального пространства: (с актуализацией синестезии) *«сидеть на уроке ... и ждать белый-белый звонок, похожий на оханку черемухи в тот головокружительный месяц»* (Саша Соколов) (ОК НКРЯ);

– пространства села: *«Пахло распустившейся черемухой (много ее в Пекашине, весь косогор в белом цвету)»* (Абрамов); во взаимосвязи пространства и времени: *«сентябрьская деревня была обычной – лежала на дороге тяжелая пыль, ... посверкивали катышки черемухи»* (Липатов); пространства пригорода: *«В притихших садах пригородов белым цветом раскидалась черемуха»* (Гуль) (ОК НКРЯ);

– страны, родины: *«Ты помнишь ли отчизны милый край, Черемуху под кисеи венчальной»* (Соловьев); с актуализацией символического значения: *«На Руси белый цвет – это главный цвет, цвет берез и соборных стен, цвет головокружительной черемухи и священных риз»* (Вахтин) (ОК НКРЯ);

– гастрономического пространства: *«Черные черемуховые ягоды пропускают через мясорубку; к полученной кашке добавляют немного крахмала; подслащивают по вкусу и используют в качестве начинки для пирогов»* (Логинов) (ОК НКРЯ);

– пространства науки: [лингвистика] *«Откуда слово пошло – «черемуха»? Может, от черноты: на Верхней Волге у нас и в иных местах чернявых черемыми звали когда-то»* (Яковлев) (ОК НКРЯ); [химия] *«с периодом около года взлетала черемуха за огородом, большая и белая, как водород!»* (Еременко) (ПК НКРЯ);

– творчества: [песня] *«Она вдруг тоже расчувствовалась и подхватила сначала дребезжащим, а потом зазвучавшим в полную силу голосом: Отцвела в лесу черемуха, Сгасла алая заря»* (Пермяк); [проза] *«Как пишут в старинных романах, стояла дружная весна, цвела черемуха...»* (Липатов); [поэзия] *«Без сомнения, лучшее из них было “Сылет черемуха снегом...”*, напечатанное в “Журнале для всех”» (Клейнборт); [живопись] *«Поднимаюсь*

на чердак, в мастерскую Юрия Махотина, и попадаю в иной мир – разноцветье красок, свежесть речной воды, цветение черемухи (Утонченной жизни цвет) (ОК НКРЯ);

– религиозного пространства: *«Весь рай в цветах: там и горюцвет, и синее небо, и черемуха – все в цвету»* (Репин) (ОК НКРЯ);

– некропольного: *«Она умерла, ее нет, ветки цветущей черемухи лежат у нее в ногах, потому что она умерла!»* (Каверин) (ОК НКРЯ);

4.2 цветового темпорального измерения (6 ТК):

– ТК «Фаза вегетации»: *«лежал он под черемуховым кустом, оперенным уже первой нежной, зелено-желтой листвой»* (Гагарин); *«По лопухам, по всякой траве рассыпались белые лепестки: отцветает черемуха»* (Пришвин); *«В саду черемуха, усыпанная вязкими черными ягодами»* (Нагибин) (ОК НКРЯ);

– ТК «Время суток»: *«Цветет черемуха. Росисто-крепкое ясное прохладное утро»* (Пришвин); в контаминации ТК: *«Было золотое, но холодное, настоящее весеннее утро. Цвела черемуха»* (Куприн) (ОК НКРЯ); *«В белом гроте черемух / По серебряным листьям растений Поднимается к небу / Ослепительный день»* (Заболоцкий); *«За забором черемух переплелись черные лапы, Ветка одна далеко на улицу выдается вперед И с прохожих по темным вечерам сбивает шляпы»* (Горянский); *«придумал я сказку / об огненно-синем жуке; Я видал его в детстве, / весной / у закатных черемух»* (Луговской) (ПК НКРЯ); в контаминации ТК: *«я чувствовала, особенно по ночам, особенно в июне, когда под моим балконом, словно юбки цыганок, кружили расцветающие черемухи, как целые миры идут в меня косяком»* (Полянская) (ОК НКРЯ);

– ТК «Месяц»: (превалирует) *«к маю, когда ... у черемухи набухают зелененькие кисти, и березы расправляют кисею веток»* (Сергеев-Ценский); *«Горчит, должно быть, на губах. Июнь черемухой пропах. Он сыплет легким белым цветом На плечи женщине, на грудь»* (Вознесенский) (ОК НКРЯ);

– ТК «Время года»: «*Полный расцвет весны был. Забелело черемухой кругом пруда*» (Шмелев); «*Лето* здесь было еще в полном разгаре и наши паузки были всегда украшены *ветками цветущей черемухи*, которую мы ломали на берегу» (Зензинов); «*Расцвеченные осенними красками*, мирно стояли *зелено-коричневые кусты черемухи*, кроткие березки и огненный осинник» (Марков) (ОК НКРЯ); на основе параллелей: «*Теперь у вас зима, / И лунными ночами, Я знаю, ты / Помыслишь не одна, Как будто кто / Черемуху качает И осыпает / Снегом у окна*» (Есенин) (ПК НКРЯ);

– ТК «Детство»: «*Цвела черемуха. Лаптев вспомнил, что эта черемуха во времена его детства была такою же корявой и такого же роста*» (Чехов) (ОК НКРЯ);

– ТК «Время»: «где весенние войска любви, где время цветет как черемуха и двигает как поршень» (Хлебников) (ОК НКРЯ); «*И годы быстрые цвели Прозрачной белизной черемух*» (Шершеневич) (ПК НКРЯ);

5) прототипической функции. НКРЯ регистрирует цветообозначение черемуиный в функции создания цветового пространства человека: [соматический код] «*Был отец Тимофей по-прежнему спокоен и весел, только в черемуиных глазах появилась маленькая серьезность*» (Фадеев) (ОК НКРЯ).

Рекламный текст (платформа «Авито») фиксирует 2 ТЦ, основанных на колористической дескрипции черемухи: *бледная черемуха, черемуха*, коррелирующих с номинациями товаров, принадлежащих категориям «Одежда, обувь, аксессуары», «Спорт и отдых». Например: «*Семеновская пряжа, цвета: лилия, черемуха*» (Авито). Ср. со словарями цветообозначений (4): *запах черёмухи* ‘кипенно-белый или сиреневый’ (Василевич 2005. 151); *цветущая черёмуха* (Василевич 2005. 199); *черёмуховый* ‘белый, как черёмуха’; *черёмуиный* ‘цвета ягод черёмухи, серовато-карий’ (Харченко 2021. 604). В ходе работы удалось создать список ТЦ, включающий 6 единиц,

2 из которых отсутствуют в словарях цвета: *бледная черемуха, запах черемухи, цветущая черемуха, черемуха, черемуховый, черемушный*. Использование немногочисленных рекламных ТЦ характеризуется стремлением авторов объявлений самостоятельно определить цвет, адекватно передать цветовое значение: «Продаю блузку. Материал очень приятный, возможно, это шелк, но я не очень разбираюсь в тканях. **Цвет, наверное, бледная черемуха**» (Авито); также предметной специализацией: [пряжа] «Семеновская пряжа, **цвета: лилия, черемуха**» (Авито); безоценочностью.

Заключение

Таким образом, состав ТЦ, используемых в цветоописаниях черемухи, включает 26 единиц: *багровый, багряный, белый, бордовый / бордо, бронзовый, бурый, голубой, горчичный, желтый, зеленый, золотистый / золотой, коричневый, красный, лиловый, молочный / млечный, оранжевый, пурпурный, розовый, рыжий, серебристый / серебряный, серый, синий, сиреневый, фиолетовый, цвет черемухи, черный*. Выявленные в текстах различных дискурсов доминирующие цвета отличаются: *белый, черный* (словари), *белый* (НАЭ, ПК НКРЯ), лексемы со значением ‘быть в цвету’ (проза Паустовского, ОК НКРЯ). К числу уникальных цветоописаний можем отнести: *горчичный, пурпурный* (НАЭ), *багряный, бронзовый, рыжий* (ОК НКРЯ). Уточнению цветового представления о черемухе служат двусоставные композиты различной модификации (14), двухкомпонентные цепочки цвета (2), описательные конструкции. Расширение цветового спектра обеспечивается металексемами, лексемами со значением интенсивности, неоднородности окраски, с имплицитным цветом, со значением ‘быть в цвету’, ‘свет’, ‘тьма’. Выявленные цветообозначения коррелируют с фитонимической лексикой, природной, вестивальной, предметной. Основные функции цветоописаний черемухи – онтологическая, родо-видовая, изобразительно-выразительная,

прототипическая, хронотопическая. Мощную реализацию получает последняя: дескрипции растения участвуют в конструировании цветового пространства (10), в меньшей мере времени (6). Цветоописания черемухи проявляют невысокую активность в продуцировании цветообозначений: выявлено 2 не фиксируемых словарями цветообозначений (ср. с 4 зафиксированными). Созданный нами перечень включает 6: *бледная черемуха, запах черемухи, цветущая черемуха, черемуха, черемуховый, черемушный*. Специфика бытования рекламных цветообозначений проявляется в фиксации важности корректной передачи цвета, в предметной специализации ТЦ, в безоценочности описаний.

Результаты проведенного исследования вносят вклад в создание целостного колористического описания растения, позволяют уточнить особенности цветовой перцепции и визуализации черемухи. Данные материалы представляют ценность для последующих изысканий в области этнолингвистики, психоллингвистики, лингвистики цвета, могут быть востребованы в рекламной и брендинговой практике, что подтверждает их двойственную – теоретическую и прикладную – направленность.

Литература

- 1- Kur-Kononowicz J. (2016). *О названиях черёмухи в русском языке* // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 8. № 92. С. 31-42.
- 2- *Авито. Сайт объявлений*. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 08.12.2024).
- 3- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. (2005). *Цвет и названия цвета в русском языке* / под общ. ред. А.П. Василевича, Москва: Изд-во «КомКнига».
- 4- Евдокимов А.Н. (2012). *Семантика и функции белого цвета в изображении растительного мира художественных произведений Е.И. Носова* // Курское слово. № 9. С. 43-47.
- 5- Караулов Ю.Н. (2002). *Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. Т. 2: От реакции к стимулу* / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.], Москва: «АСТ-Астрель».

- 6- Колосова В.Б. (2009). *Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект*, Москва: «Индрик».
- 7- Кузнецов С.А. (2000). *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург: «Норинт».
- 8- Кульпина В.Г. (2001). *Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках*, Москва: «Московский Лицей».
- 9- Малышева Н.В., Данилов И.А. (2020). *Способы номинации ягодных растений в якутском языке: этнолингвистический анализ* // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. № 3 (29). С. 58-70.
- 10- ОК НКРЯ – *Национальный корпус русского языка. Основной корпус*. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 19.07.2023).
- 11- Паустовский К.Г. (1981б). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2*, Москва: «Художественная литература».
- 12- Паустовский К.Г. (1982а). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3*, Москва: «Художественная литература».
- 13- Паустовский К.Г. (1983а). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6*, Москва: «Художественная литература».
- 14- Паустовский К.Г. (1983б). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7*, Москва: «Художественная литература».
- 15- Паустовский К.Г. (1984). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8*, Москва: «Художественная литература».
- 16- ПК НКРЯ – *Национальный корпус русского языка. Поэтический корпус*. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ> (дата обращения: 20.07.2023).
- 17- Сивова Т.В. (2018). *Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского*. Автореф. к. филол. н. Минск, 29 с.
- 18- Сивова Т.В. (2025а). *Колористическая репрезентация злаков в текстах различных дискурсов: цвет пшеницы* // Нефилология. 2025а. Т. 11. № 3. С. 599-610.
- 19- Сивова Т.В. (2025б). *Цветовая визуализация косточковых растений: цвет сливы (опыт полидискурсивного исследования)* // Филология и человек. 2025б. № 4. С. 22-41.
- 20- Харченко В.К. (2021). *Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов*, Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ».
- 21- Шведова Н.Ю. (2002). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос), Москва: «Азбуковник».

- 22- Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Д., Мальцева Т.В. (2026) «Зеленый стяг» Востока в руках Ивана Бунина // Вестник славянских культур. 2026. Т. 80. С. 195–209. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209>

Bibliography

- 1- Kur-Kononowicz J. (2016). *O nazvaniyah cherjomuhi v russkom jazyke* // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 8. № 92. S. 31-42.
- 2- Avito. *Sait ob"iavlenii*. URL: <https://www.avito.ru> (data obrashcheniia: 08.12.2024).
- 3- Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. (2005). *Tsvet i nazvaniia tsveta v russkom iazyke* / pod obshch. red. A.P. Vasilevicha, Moskva: «KomKniga».
- 4- Evdokimov A.N. (2012). *Semantika i funktsii belogo cveta v izobrazhenii rastitel'nogo mira hudozhestvennykh proizvedenij E.I. Nosova* // Kurskoe slovo. № 9. S. 43-47.
- 5- Karaulov Iu.N. (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t. T. 1: Ot stimula k reaksii. T. 2: Ot reaksii k stimulu* / redkol.: Iu.N. Karaulov [i dr.], Moskva: «AST-Astrel'».
- 6- Kolosova V.B. (2009). *Leksika i simbolika slavyanskoj narodnoj botaniki. Jetnolingvisticheskij aspekt*, Moskva: «Indrik».
- 7- Kuznetsov C.A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov, Sankt-Peterburg: «Norint».
- 8- Kul'pina V.G. (2001). *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom iazykakh*, Moskva: «Moskovskii Litsei».
- 9- Malysheva N.V., Danilov I.A. (2020). *Sposoby nominatsii jagodnykh rastenij v jakutskom jazyke: jetnolingvisticheskij analiz* // Tomskij zhurnal LING i ANTR. Tomsk Journal LING & ANTHRO. № 3 (29). S. 58-70.
- 10- OK NKRIa – *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. Osnovnoj korpus*. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniia: 19.07.2023).
- 11- Paustovskii K.G. (1981b). *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 2*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».
- 12- Paustovskii K.G. (1982a). *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 3*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».
- 13- Paustovskii K.G. (1983a). *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 6*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».
- 14- Paustovskii K.G. (1983b). *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 7*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».

- 15- Paustovskii K.G. (1984). *Sobranie sochinenii: v 9 t., T. 8*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura».
- 16- PK NKRIa – *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. Pojeticheskij korpus*. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ> (data obrashcheniia: 20.07.2023).
- 17- Sivova T.V. (2018). *Vzaimosviaz' tsveta, sveta i khronotopa v iazyke proizvedenii K.G. Paustovskogo*. Avtoref. k. filol. n. Minsk, 29 s.
- 18- Sivova T.V. (2025a). *Koloristicheskaja reprezentacija zlakov v tekstah razlichnykh diskursov: cvet pshenicy* // *Neofilologija*. 2025a. T. 11. № 3. S. 599-610.
- 19- Sivova T.V. (2025b). *Cvetovaja vizualizacija kostochkovykh rastenij: cvet slivy (opyt polidiskursivnogo issledovaniia)* // *Filologija i chelovek*. 2025b. № 4. S. 22-41.
- 20- Kharchenko V.K. (2021). *Slovar' tsveta: polnaia versii: okolo 6,5 tysiachi slov v 12,5 tysiachakh kontekstov*, Belgorod: ID «BelGU» NIU «BelGU».
- 21- Shvedova N.Iu. (2002). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii / pod obshchei red. N.Iu. Shvedovoi. T. I: Slova ukazuiushchie (mestoimeniia). Slova imenuiushchie: Imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlia. Kosmos)*, Moskva: «Azbukovnik».
- 22- Iakh'iapur M., Karimi-Motakhkhar D., Mal'tseva T. V. (2026) «*Zelenyi stiag Vostoka v rukakh Ivana Bunina* // *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2026. T. 80. S. 195–209. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209> // Yahyapour, M., Karimi-Motahhar, Ja., Maltseva, T.V. “*The Green Banner*” of the East in the Hands of Ivan Bunin.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 80, 2026, pp. 195–209. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209> (In Russ.)

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sivova, T. (2026). COLOR CONCEPTUALIZATION OF THE PLANT WORLD: ON THE COLOR OF THE BIRD CHERRY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW (POLYDISCURSIVE STUDY). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 167-185.

DOI: 10.66224/IARLL.28.9

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/417>

مفهوم‌پردازی رنگی جهان گیاهان: در باب رنگ شکوفه گیلّاس وحشی در نگاره زبانی جهان روسی (پژوهشی چندگفتمانی)

تاتیانا ویکتورونا سیووا^{*۱}

دانشیار، دانشگاه دولتی یانکا کوپالا شهر گروودنو،
گروودنو، بلاروس.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۶)

چکیده

مقاله پیش رو به بررسی مفهوم‌پردازی رنگی جهان گیاهان در نگاره زبانی جهان روسی می‌پردازد و با تمرکز بر رنگ شکوفه‌های درخت گیلّاس وحشی (چریوموخا)، می‌کوشد تا جایگاه این عنصر طبیعی را در سامانه ادراکی-فرهنگی گویشوران زبان روسی تبیین نماید. این پژوهش با اتکا بر رویکردی چندگفتمانی، داده‌های زبانی برگرفته از متون ادبی، فرهنگ عامه، گفتمان علمی و گفتار روزمره را مورد واکاوی معناشناختی و نشانه‌شناختی قرار داده است. یافته‌ها حاکی از آن است که رنگ سفید شکوفه‌های درخت‌های گیلّاس وحشی (چریوموخا)، فراتر از کارکرد توصیفی صرف، بار معنایی نمادینی همچون پاکی، گذرای زمان، نوستالژی و پیوند با آیین‌های کهن را در بر دارد و در تقابل یا هماهنگی با سایر عناصر رنگی جهان گیاهان، نظامی پیچیده و چندلایه از دلالت‌های فرهنگی و عاطفی را شکل می‌دهد. نتیجه‌گیری مقاله بر این نکته تأکید دارد که مفهوم‌پردازی رنگی در زبان روسی، نه صرفاً بازتابی از واقعیت عینی، بلکه برساختی گفتمانی و فرهنگی است که از رهگذر تعامل زبان، اندیشه و محیط طبیعی پدید می‌آید.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی رنگ، اصطلاح رنگ، گیاه‌واژه (فیتونیم)، آگاهی زبانی، آزمایش تداعی، پژوهش‌های پیکره‌ای، گفتمان تبلیغاتی.

* نویسنده مسئول 1. E-mail: tatyana.sivova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

REPRESENTATIONS OF “WHITE COLOR”: FROM SYMBOLIC FIXATION OF MEANINGS TO DENOTATIONS OF LOSS OF MEANING

Shafaghi Maryam^{1*}

Associate Professor,

Allameh Tabataba'i University,

Tehran, Iran

(date of receiving: December, 2025; date of acceptance July, 2026)

Abstract

The article examines the semantic and symbolic functioning of the color white in linguistic and cultural systems, drawing on semiotic, cognitive, and intercultural approaches. White is treated not as a neutral color term, but as a multilayered sign embedded in a network of meanings associated with purity, beginning, sacrality, silence, power, and normativity. Special attention is paid to the paradoxical nature of white as a marker of both the presence and absence of meaning, potential and emptiness. It is shown that white functions as a semiotic regulator of interpretation, creating an effect of neutrality and objectivity while simultaneously participating in the production of symbolically legitimized meanings. The analysis covers fixed expressions, metaphors, and discursive practices in which white operates as an instrument of symbolic power. An intercultural comparison of Persian and Russian traditions reveals differences in the semantic organization of white: in Persian, sacral-ritual and mythological layers prevail, whereas in Russian, cognitive-functional and normative ones dominate. The findings confirm the cultural conditioning of color semantics.

Keywords: Color Semiotics, White Color, Semantic Silence, Symbolic Power, Semantic Network, Intercultural Comparison

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* Corresponding author

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «БЕЛОГО ЦВЕТА»: ОТ ИМВОЛИЧЕСКОЙ ЗАКРЕПЛЁННОСТИ СМЫСЛОВ К ДЕННОТАЦИЯМ УТРАТЫ СМЫСЛА

Шафаги Марьям^{1*}

Доцент,

Университет имени Алламе Табатабаи,

Тегеран, Иран.

(дата получения: декабрь 2025 г., дата принятия: июль 2026 г.)

Аннотация

В статье анализируется семантическое и символическое функционирование *белого* цвета в языковых и культурных системах с опорой на семиотический, когнитивный и межкультурный подходы. *Белый* рассматривается не как нейтральное цветообозначение, а как многослойный знак, включённый в сеть значений, связанных с чистотой, началом, сакральностью, молчанием, властью и нормативностью. Особое внимание уделяется парадоксальной природе *белого* как маркера одновременного присутствия и отсутствия смысла, потенциала и пустоты. Показано, что *белый* цвет функционирует как семиотический регулятор интерпретации, создающий эффект нейтральности и объективности и одновременно участвующий в производстве **символически санкционированных культурой смыслов**. Анализ охватывает устойчивые выражения, метафоры и дискурсивные практики, где *белый* выступает инструментом символической власти. Межкультурное сопоставление персидской и русской традиций выявляет различия в организации семантики *белого*: в персидском языке доминирует сакрально-ритуальный и мифологический слой, тогда как в русском — когнитивно-функциональный и нормативный. Результаты подтверждают культурную обусловленность цветовой семантики.

Ключевые слова: семиотика цвета, *белый цвет*, семантическое молчание, символическая власть, семантическая сеть, межкультурное сопоставление.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651> * ответственный автор

Введение

Проблематика цветовой семантики занимает важное место в лингвистических и культурологических исследованиях. Однако концепт белого цвета остаётся одним из наиболее многослойных и семантически неоднозначных в языковой картине мира. Белый обычно рассматривается как элемент цветономинации или культурно-ритуальных практик, тогда как его функции в смыслообразовании и семиотической регуляции интерпретации, особенно в сопоставительном аспекте, изучены недостаточно. Белый выступает не простым перцептивным признаком, а сложным семиотическим феноменом, объединяющим сакральные, нормативные, ритуальные, когнитивные и дискурсивные измерения.

Материал исследования составляют персидские тексты о символике света, ритуальных практиках и эстетике белого, а также русскоязычные исследования семиотики молчания, цветовой символики и нейтрализации смысла. Методологическая база объединяет семиотический, когнитивно-лингвистический и дискурсивный подходы.

Научная новизна состоит в интерпретации белого как динамического семиотического оператора, определяющего границы интерпретации и участвующего в производстве нормативно легитимированных смыслов. В центре исследования — его парадоксальный потенциал: способность маркировать репрезентацию и отсутствие значения, пустоту и смысловой потенциал, нейтральность и нормативность в персидской и русской традициях.

Исследование отвечает на вопрос: каким образом белый функционирует как инструмент смыслового упорядочивания, символической власти и культурного кодирования? Анализируется его связь с категориями света, праначала, сакральности, молчания, границы и нормативности. Белый рассматривается как структурообразующий элемент семиотической организации языка и культуры.

Основная часть

I. Семантическая структура белого цвета в персидской и русской лингвокультурах: основания типологизации

Белый цвет в персидской и русской лингвокультурах обладает многослойной семантикой, включающей сакральные, когнитивные, ритуальные и дискурсивные компоненты. Его функциональная вариативность обусловлена не случайными ассоциациями, а ролью в процессах смыслообразования и культурного кодирования. В обеих традициях белый маркирует не столько конкретное содержание, сколько условия возникновения и закрепления смысла: состояние до его семантической артикуляции, нормативную стабилизацию или семантическое молчание. Поэтому его интерпретации следует рассматривать как этноспецифические способы организации смысла — от первичной потенциальности до культурно и социально легитимированных значений. Типологизация семантических реализаций белого основывается на сопоставлении принципов их организации в двух традициях. В зороастрийской культуре белый цвет связан с водой, светом и образом Анахиты, покровительницы вод, плодородия и сакральной чистоты. Он репрезентирует первозданную чистоту и исходное состояние, предшествующее дифференциации значений, соотносясь с началом, потенциальностью и недифференцированностью форм (Пашутанидзе, Нерсисянц 2020. 85–86). Сходная модель представлена в русской православной традиции, где белый цвет связан со святой водой, таинством крещения, «белыми ризами» как символом очищения и нетварным Фаворским светом. Таким образом, в обеих лингвокультурах белый выступает знаком семиотической чистоты и дооформленного смыслового состояния, предшествующего культурной и нормативной дифференциации.

Синтез мистического мотива «белой речи» и иерархии света, разработанной в метафизической и семиотической традициях, позволяет

интерпретировать белый цвет как поле допредикативной семантики. Белизна функционирует как нулевой семиотический фон различения, обеспечивающий возможность актуализации содержания без преждевременной аксиологической фиксации. В этом контексте белый выступает оператором, соединяющим сакральную светимость с молчаливой потенциальностью значения — «белым молчанием» (перс. سکوت سفید [sokut-e sefid]), фиксируя момент зарождения смысла до его вербальной и оценочной категоризации (Резаи, Серами, Гари 2018. 201) (Ковалевская 2019. 248-249). В сопоставительном плане данный феномен обнаруживает типологическое сходство с концептом священного безмолвия в русской духовной традиции, где белый цвет аналогичным образом знаменует границу между апофатическим молчанием и началом божественного самооткровения.

В семиотических и когнитивно-лингвистических исследованиях «свет» трактуется как фундаментальное условие восприятия, категоризации и смыслопорождения, а не как физическое явление. В этом ракурсе белый цвет приобретает статус предельного знака первичности, соотносясь одновременно с максимальной интенсивностью света и отсутствием расчленённых признаков. Он функционирует как пограничное семантическое поле, в котором различение ещё не осуществлено, но уже задано условие его возникновения. Языковым примером, иллюстрирующим данный механизм в сопоставляемых лингвокультурах, выступает концептуализация чистой поверхности. Так, в персидском языке лексико-семантическое сочетание «сафхе-йе сефид» (перс. صفحه سفید [safhe-ye sefid] — букв. «белая страница») и его русский функциональный эквивалент «чистый лист» функционируют как когнитивные репрезентанты «нулевого» плана смысла. На лингвистическом уровне эти единицы обозначают исходное ментальное или творческое состояние, в котором отсутствие знаков служит необходимым условием для последующего порождения структурированного значения (Насири, М., Афрасиябпур, А. А., и Ахмади 2018. 59, 61).

В когнитивно-семиотической перспективе «свет» организует смысловое пространство через оппозицию «центр / периферия». Белый цвет занимает здесь двойственное положение: как максимальная светимость, он может не только выявлять, но и стирать различия между знаками. Это проявляется в феномене «ослепляющего света», при котором из-за чрезмерной яркости предметы утрачивают контуры и превращаются в единое световое поле. В персидской лингвокультуре данный концепт выражается номинацией نور خیره‌کننده (*nur-e xire-konandeh* — «слепающий свет»): интенсивное свечение делает зрительную фиксацию и различение объектов невозможными. В русской религиозно-философской традиции сходное явление связывается с «Фаворским светом», чья энергия ослепляет человека и выводит его сознание за пределы рационально-языкового различения (Кермани 2018: 167–168).

В художественном и архитектурном дискурсах белый цвет выполняет функцию когнитивного медиатора. В художественной практике он символизирует эпистемологическую ясность и направленность сознания к смыслу, обеспечивая переход от сенсорного восприятия к интеллектуальному постижению (Мунеси-Сорхе, Талеб-пур, Гударзи 2011. 9). В архитектуре белое пространство выступает формой пространственного мышления, связанной с опытом света, тишины и созерцания, создавая условия для семантической открытости и экзистенциального переживания среды. В сопоставительном аспекте этот феномен находит специфическое воплощение в обеих традициях: в персидской архитектурной культуре семантика «белого/пустого пространства» реализуется в концепции центрального двора (перс. حیاط [*hayât*] / صحن [*sahn*]), где незаполненное, залитое светом пространство выступает когнитивным центром созерцания и покоя. В русской традиции аналогичную роль играет феномен «белокаменного зодчества», где белый цвет храмовых стен в сочетании с ландшафтом формирует

пространственный образ святости, тишины и устремленности к горнему миру (Иевлева и др. 2016. 72–73).

II. *Белый* и сакральное: свет и мистический смысл.

В мистико-философской традиции монотеистических религий *свет* осмысливается как онтологический принцип явленности сакрального и медиатор между трансцендентным источником и человеческим познанием. Он представляет собой иерархически организованную реальность, в которой степени светимости соотносятся с уровнями духовного присутствия и знания. «Существует предание, согласно которому Пророк Ислама рекомендовал два цвета – белый и зеленый. С точки зрения исламского учения, белый цвет считается предпочтительным для одежды, является символом «Дня Воскресения», когда райские обитатели предстают в одеждах из белого (или зеленого) шелка» (Яхьяпур, Карими-Мотаххар, Мальцева 2026. 198). В данной иерархии *белый* репрезентирует предельную форму светимости — состояние очищенной восприимчивости, где различия утрачивают актуальность и смысл присутствует в недифференцированной целостности.

В суфийской традиции *белизна* коррелирует с интуитивной достоверностью *شهود* [shuhud] (мистическое (интуитивное) созерцание), превосходящей рационально-дискурсивные формы знания. *Белый* функционирует не как статический знак *чистоты*, а как динамический семиотический оператор перехода от чувственно расчленённого опыта к сфере явленного сакрального, в которой смысл предшествует вербализации и оценочной фиксации (Резаи, Серами, Гари 2018. 201–201).

Феномен «белого молчания» интерпретируется как особый режим *ритуальной тишины*, выступающей медиумом между человеческим восприятием и трансцендентным смыслом. Такое молчание не является паузой, а формирует структурированное пространство очищенной семантики,

свободной от преждевременных интерпретаций (Хабибуллина 2024. 211–212; Ломов и др. 2022. 245–247; Никубахт, Гасемзаде 2008. 193–196).

Сакральная семантика *белого* получает продолжение в языковых структурах, где *белизна* осмысляется как пространство допредикативной потенциальности. Выражения کاغذ سفید [kaghaz-e sefid] (белая бумага) و صفحه سفید [safeh-e sefid] (белая страница) фиксируют *белый* не как показатель отсутствия содержания, а как признак исходной, ещё не реализованный смысловой возможности - пограничной позиции между сакральной иерархией света и когнитивной способностью смыслопорождения. В совокупности это позволяет трактовать *белый цвет* как семиотический оператор перехода от сакральной явленности к языку и значению.

III. «Белый цвет» как маркер чистоты и сакральности.

В западноевропейской христианской культурной традиции белый цвет первоначально функционировал как сакрально-ритуальный маркер, однако в ходе исторического развития его семантика сместилась в сторону эстетической нормы и визуального контроля. Белый стал обозначать телесный идеал, опрятность и социально допустимый внешний вид. В славянской и особенно русской лингвокультурной традиции, напротив, белый сохраняет устойчивую позитивную оценочность и системно соотносится с моральной нормой и «правильным» устройством мира (белый свет, белый человек, жить по белому). При этом в иранской и зороастрийской традиции белый цвет остаётся прежде всего ритуальным маркером чистоты, перехода и сакрального статуса, тогда как зелёный соотносится с материнством, землёй и плодородием, образуя вместе с белым устойчивую гендерно-ритуальную модель («девица / мать»; свадебный переход от белого к зелёному) (см.: Шафаги 2025 а. 21-22; Шафаги 2025 б. 249-251). Эта траектория служит фоном для сопоставления культурных систем, в которых белый продолжает

выполнять ритуально-нормативную функцию и сохраняет связь с сакральной чистотой, ритуализированными переходами и ценностной структурой мира.

В историко-культурной перспективе семантика белого формируется как многослойная система, в которой сакральные и ритуальные значения предшествуют его эстетизации. В иранской традиции и зороастрийском вероучении белый устойчиво ассоциируется с ритуальной чистотой, духовной ясностью и космическим божественным порядком (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020. 92). Здесь он выполняет регулятивную функцию, маркируя принадлежность к миру *اشا* [ashā] (мир истины и правильного устройства бытия), что подтверждается устойчивым сохранением *белого* в одеянии мوبедов, зороастрийских священнослужителей, все из которых традиционно облачаются в белые ритуальные одежды.

Особое значение *белый* приобретает в женской ритуальной символике зороастрийцев, особенно в традиции города Йезда в Иране. Он маркирует *девственность*, сакральную чистоту и связь с водной стихией и богиней Анахитой, тогда как *зелёный* соотносится с материнством, землёй и плодородием, воплощённым в образе Спента Армаити. Эта цветовая оппозиция формирует бинарную модель «девица / мать»: до брака невеста носила *белое*, в день свадьбы - *зелёное*, что символизировало нормативный переход к социально и сакрально признанному статусу супруги (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020. 87).

В иконографии и ритуальной материи белый символизирует нормативную чистоту, необходимую для легитимации брачного перехода, тогда как зелёный соотносится с земным плодородием. В «Абан-Яште», посвящённом Ардвисуре Анахите, белизна молока и воды связывает белый с жизнетворной влагой, красотой и свободой. Тем самым цвет включается в систему ритуальных переходов и гендерно маркированных ролей, обозначая пороговый этап женской жизни (Пашутанизаде, Нерсиянц 2020: 53–71).

В доисламской иранской культуре белый в трауре символизировал очищение и сакральный переход, а не утрату. Позднейшее утверждение чёрного связано с исламской переинтерпретацией смерти; его политический статус был институционализирован Аббасидами как знак халифатской легитимности (Наземян-Фард 2011: 139). Тем самым исламская политическая символика чёрного отличается от иранской ритуально-сакральной семантики белого.

В более широком культурно-семиотическом плане *белый* функционирует как маркер социальной допустимости и нормативной чистоты, закреплённый в ритуальных практиках и направленный на символическую валидацию легитимного статуса субъекта или действия (Ангарская 2023. 16–20).

На уровне языка эта семантика получает устойчивое закрепление. В русском лингвокультурном пространстве *белый* системно соотносится с нормативностью и «правильным» устройством мира (Черокова и др. 2025. 287–290). Аналогично в персидском языке выражения دل سفید [del-e sefid] (белое сердце), روی سفید [ruy-e sefid] (белое лицо), روسپید بودن [ruspid budan] (выйти с белым лицом, выйти с честью) кодируют общественно признанную честь, моральную допустимость и символическую легитимность субъекта (Мельничук, Руфова 2019. 105–106).

IV. Белый и семантическое молчание

В семиотико-философской перспективе белый цвет обозначает не столько отсутствие смысла, сколько его потенциальность. Он функционирует как отсутствие актуализированного знака, а не как «пустой знак»: не передаёт конкретного содержания, но сохраняет возможность его последующей семантизации. Поэтому белое визуальное, текстовое или символическое пространство представляет собой не семиотический ноль, а структурированное молчание.

В суфийской герменевтике белое связано с намеренным молчанием, при котором знак отступает, открывая пространство произнесённого смысла. В традиции, восходящей к Мавлане, «белая речь» понимается как высказывание, очищенное от оценочных и аффективных наслоений: значение ещё не оформлено предикативно, но присутствует как внутренняя очевидность. Мотивы белой речи и белых дней маркируют духовное просветление и неартикулированную потенциальность смысла. Таким образом, белое выступает семиотическим интервалом между наличием и проявлением, то есть моделью «снятой говоримости» (Резаи, Серами, Гари 2018: 201).

В мистико-философской традиции трактатов о свете *белый* обнаруживает специфический режим *семантического молчания*, основанный не на утрате значения, а на его предельной потенциальности. В иранской лингвокультуре это соотносится с понятием نور کنه [Noor-e konh] (свет сущности) — светом, предшествующим любому дифференцированному проявлению, ещё не ставшим ни воспринимаемым, ни символическим, ни семантическим, то есть светом как чистой возможностью явленности. В исламско-иранской эстетике *белый* маркирует момент доразличения, при котором знаковая форма устранена, а смысл пребывает в модусе скрытой доступности. *Молчание белого* здесь не является пустотой: прекращение различий выступает условием последующего смыслового проявления. Тем самым *белый* функционирует как медиальная зона между явленным и неявленным, обозначая границу, где знак отступает, а смысл сохраняет свою потенциальность без актуализации (Ломов, Аманжолов, Федосенко 2022. 245–246).

V. Белый и символическая смерть

В символично-антропологическом измерении *белый* маркирует не физическую смерть, а форму символического завершения, связанную с разрушением прежней идентичности и переходом к иному социальному и экзистенциальному статусу. В иранской культурной традиции, в частности в

женских ритуалах, *белый* репрезентирует фазу инициационного разрыва, при которой девичье состояние утрачивает социальную валидность и заменяется новой, институционально и сакрально легитимированной ролью. Лингвокультурные данные подтверждают этот переходный характер *белого*. Так, выражения لباس سفید پوشیدن [lebās-e sefid pushidan] (букв. надеть белое) и سفیدبخت شدن [sefid-bakht shodan] (букв. стать белосчастливой) фиксируют момент разрыва с предыдущим статусом и вступление в новую социальную роль. В ритуальном дискурсе свадьбы белое платье не только обозначает чистоту, но и символизирует «ритуальную смерть» девичьего состояния, его окончательное исчезновение как социально значимой категории. В персидской традиции выражение روز سفید [ruz-e sefid] (белый день) в свадебном контексте также маркирует пороговый момент, когда старая идентичность символически завершается. Таким образом, *белый* обозначает не конец жизни, а завершение одной символической структуры и начало другой, функционируя как цвет ритуальной смерти в смысле антропологии перехода (Пашутанизаде, Нерсисянц 2020. 86–100).

В иранских погребальных и траурных практиках *белый* также не акцентирует утрату, а подчеркивает процессы очищения и отделения умершего - либо символически «умирающего» - от прежнего мирского порядка. В лингвокультурной традиции это проявляется в устойчивых выражениях کفن سفید [kafan-e sefid] (белый саван) и با لباس سفید رفتن [bā kafan-e sefid raftan] (букв. уйти в белых одеяниях / уйти в белом), где *белый* фиксирует не столько факт физической смерти, сколько переход в иной онтологический статус. В этих выражениях *белый* выступает маркером разрыва и очищения, подчеркивающим дистанцирование субъекта от прежнего социального поля. *Смерть* осмысливается как лиминальный момент перехода – состояние, в котором субъект уже выведен из старой системы, но ещё не интегрирован в новую. В русской культуре.

В мифопоэтической перспективе белый осмысляется как «мать цветов» — первоисточник хроматического и символического порядка, связанный с чистотой, обновлением и ритуальным восстановлением мира (Чумакова, Сурженко 2018: 2). В обрядах перехода символическая смерть означает не разрушение, а необходимое условие трансформации и сакрализации нового статуса (Баянова 2002: 595). В иранском и ряде евразийских контекстов белый выступает медиатором между жизнью и смертью, старым и новым, профанным и сакральным, оформляя переход как обратимый процесс возобновления символического порядка.

VI. Белый и символическая власть

Нормативный потенциал белого, связанный с чистотой, правильностью и истинностью, делает его регулятором интерпретации. Белизна создаёт эффект символической нейтральности и «прозрачности», задавая границы допустимых смыслов. Тем самым она вытесняет культурно и аксиологически маркированные интерпретации и может функционировать как механизм семиотической гегемонии в процессах смыслопорождения (Резаи, Серами, Гари 2018: 201–202).

Как носитель предельной световой интенсивности, белый становится визуально-дискурсивным механизмом нормирования. Он устанавливает эталон чистоты и корректности, формирует когнитивные ожидания и закрепляет иерархии значений как естественные и внеисторические. В архитектурных, ритуальных и текстовых практиках белый не только репрезентирует сакральное, но и институционально регулирует допустимые способы его восприятия (Ломов, Аманжолов, Федосенко 2022: 245–246).

Современные исследования показывают, что свет и цвет в искусстве не обладают универсальной семантикой, а выступают элементами символической власти. Подобно языковым знакам, они участвуют в формировании

нормативных режимов интерпретации, скрывая механизмы смыслового нормирования за эстетическим переживанием (Асгари, Игбали 2013: 47–48).

В исламском искусстве белый выступает средством семиотической регуляции сакрального пространства: архитектурные поверхности, ткани и орнаменты создают визуально очищенное и аксиологически упорядоченное поле. Это способствует закреплению доминирующих духовных ценностей и ограничению альтернативных интерпретаций. В современном языковом дискурсе белый также включается в нормативно-оценочные модели, связываясь с чистотой, легитимностью, рациональностью и социальной допустимостью. Устойчивые выражения закрепляют его как эталон нормы, противопоставленный семантике отклонения (Джумамуратова 2025: 309).

В персидском политико-социальном дискурсе данный механизм проявляется в форме идеологической легитимации. Выражения پرچم سفید [parcham-e sefid] (белый флаг), سفیدسازی [sefid-sāzi] (нормативная «зачистка» или идеологическое «обеление») и انقلاب سفید [enqelāb-e sefid] (белая революция) используют *белый* как инструмент символического упрощения и придания приемлемого, неконфликтного облика социальным процессам. В этих употреблениях *белый* маркирует порядок и допустимость и порядок, смягчая напряжённость означаемого и представляя идеологически нагруженные явления в социально санкционированном форме. Критический анализ подобных примеров позволяет усомниться в представлении о семантической нейтральности *белого цвета*. Его кажущаяся прозрачность маскирует активную идеологическую функцию — формирование границ допустимого значения и воспроизводство культурной и символической нормативности. Таким образом, *белый*, не только отражает установленные нормы, но и участвует в их конструировании как активный семиотический агент контроля и легитимации.

Сопоставление представленных лингвокультурных материалов показывает, что при внешней универсальности цветообозначения семантика *белого* существенно варьируется в зависимости от культурных моделей и способов организации языкового сознания. Значение *белого* формируется не на уровне изолированной лексемы, а внутри устойчивых семантических микросистем, в которых язык закрепляет коллективные ценности, нормативные ожидания и иерархии смысла (Базарбаева 2018. 5800-5801). В этом качестве *белый цвет* выступает одним из важных инструментов символической регуляции, организующих пространство допустимой интерпретации.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что белый цвет в языковых и культурных системах функционирует не как нейтральное обозначение, а как сложный семиотический знак, связанный с чистотой, сакральностью, молчанием, переходом и символической властью. Его семантика формируется во взаимодействии языка, культурной памяти и культурно обусловленных моделей интерпретации.

Белый цвет обладает амбивалентным потенциалом, выражая чистоту и завершённость, начало и конец, присутствие и отсутствие. Его семиотическая «прозрачность» позволяет ему выполнять регулятивную функцию: направлять интерпретацию и структурировать возможные значения в рамках конкретной традиции.

Анализ персидского материала выявляет устойчивость сакрально-ритуальных и символических значений белого, связанных с культурными представлениями о порядке и чистоте. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и этнопсихологии, а также в переводческой практике.

Литература

- 1- Ангарская, В. П. (2023). *Роль цветообозначений в формировании языковой картины мира у разных народов*. Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, (4 (48)), 14–24.
- 2- Базарбаева, А. (2018). *Семантика цвета в английском и русском языках*. European Academic Research, 5 (10), 5798–5805.
- 3- Баянова, А. Т. (2020). *Семантика белого цвета в фольклорном тексте: Лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г.И. Рамстедта)*. Монголоведение / Mongolian Studies, 12 (4), 592–604.
- 4- Джумамуратова, Г. Ж. (2025). *Цвет как носитель культуры: Анализ концептов*. Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research, 2 (6), 308–310.
- 5- Иевлева, О. А., & Самогоров, В. А., Пастушенко В.Л. (2016). *Белый цвет в архитектуре*. Человек и город, 1 (3), 69–73.
- 6- Ковалевская, С. А. (2019). *Эколингвистические концепты «белое безмолвие» / «white silence» и их лексикографическая репрезентация*. Гуманитарные и социальные науки, (1), 247–257.
- 7- Ломов, С. П., Аманжолов, С. А., & Федосенко, Е. В. (2022). *Роль белого цвета в формировании комфортной образовательной среды*. Проблемы современного педагогического образования, 244–247.
- 8- Мельничук, О. А., & Руфова, Е. С. (2019). *Символика цветового эпитета «белый» в японских и якутских художественных произведениях (на материале поэзии Такамура Котаро и Ивана Гоголева)*. Вестник СВФУ, (5 (73)), 101–108.
- 9- Хабибуллина, Л. (2024). *Изображение власти природы над людьми и формирование характера в рассказе «Белое молчание»*. Зарубежная лингвистика и лингводидактика, (2 (4/S)), 209–215.
- 10- Черокова, А. В., Алексеева, В. К., Иванова, Е. Ю., & Уткина, И. В. (2025). *Символика белого цвета, его интерпретация в европейской культуре и использование в костюме разных эпох*. Общество: философия, история, культура, (5), 286–296.
- 11- Чумакова, Л. А., Сурженко, Н. Б. (2018). *Символика цвета в традиционном костюме народов Поволжья*. Издательский дом «Среда», 1–5.
- 12- Шафаги Марьям (2025 а.). *«Зеленый» как зеркало иранских лингвокультурных представлений*. Филологические науки. № 6. С.: 20-26.
- 13- Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Мальцева Т.В. *«Зеленый стяг» Востока в руках Ивана Бунина* // Вестник славянских культур. 2026. Т. 80. С. 195–209. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-80-195-209>

- 14- Asgari, F., & Eghbali, P. (2013). *Tajalli-ye namad-ha-ye rangi dar ayineh-ye honar-e eslami* [The manifestation of color symbols in the mirror of Islamic art]. *Glory of Art Alzahra Scientific Quarterly Journal*, 5(1), 43-62. doi: 10.22051/jjh.2013.35
- 15- Kirmani, M. (2018). *COGNITIVE ANALYSIS OF MEANING OF COLOR TERM “WHITE”: CATEGORIZATION AND PROTOTYPE THEORY IN FOCUS*, *Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi (SBArD)*, 16(32), 157-178.
- 16- Mounesi Sorkheh, T., Talebpour, F., & Goudarzi, M. (2010). *No'-e لباس va namad-ha-ye rang dar erfān-e eslami* [Type of clothing and color symbols in Islamic mysticism]. *Honar-ha-ye Ziba-Honar-ha-ye Tajassomi* [Fine Arts-Visual Arts], 44(2), 5-14.
- 17- Nasiri, M., Afrasiabpour, A. A., & Ahmadi, F. (2018). *Namad-e erfani-ye rang dar honar va memari-ye eslami* [The Mystical Symbolism of Color in Islamic Art and Architecture]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(56), 53-71
- 18- Nazemian Fard, A. (2011). *Vakavi-ye korbord-e rang-e siyah dar miyan-e Abbasian* [An analysis of the use of black color among the Abbasids]. *Motale'at-e Tarikh-e Farhangi* [Cultural History Studies], 2(7), 137-156.
- 19- Nikoubakht, N., & Ghasemzadeh, A. (2008). *Symbolism-e nur va rang dar erfān-e Irani-Eslami* [Symbolism of light and color in Iranian-Islamic mysticism]. *Motale'at-e Erfani* [Mystical Studies], 8(4), 15-185.
- 20- Pashootanizadeh, A., & Nercissians, E. (2020). *White and Green, as Symbolic Colors in the Culture and Art of Zoroastrian Women in Yazd*. *Iranian Journal of Anthropological Research*, 10(1), 81-104.
- 21- Rezaei, M., Sarami, G., & Ghari, M. R. (2018). *Barresi-ye sokhan va khamushi-ye siyah va sepid dar andisheh va asar-e Mowlana Jalal-al-Din Balkhi va Shams-e Tabrizi* [An investigation of black and white speech and silence in the thought and works of Rumi and Shams Tabrizi]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(55), 193-212. <https://sid.ir/paper/523369/fa>
- 22- Shafaghi, M. (2025 b.). *Semantic classification of adjective combinations expressing boring emotions in the Russian verbal environment*. *Journal of Foreign Language Research*, 15(3), 245-260.

Bibliography

- 1- Angarskaia, V. P. (2023). *Rol' tsvetooboznachenii v formirovanii iazykovoi kartiny mira u raznykh narodov*. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, (4 (48)), 14-24.
- 2- Bazarbaeva, A. (2018). *Semantika tsveta v angliiskom i russkom iazykakh*. *European Academic Research*, 5 (10), 5798-5805.

- 3- Baianova, A. T. (2020). Semantika belogo tsveta v fol'klornom tekste: Lingvokul'turologicheskii aspekt (na primere kalmytskikh skazok v zapisi G.I. Ramstedta). *Mongolovedenie / Mongolian Studies*, 12 (4), 592–604.
- 4- Dzhumamuratova, G. Zh. (2025). Tsvet kak nositel' kul'tury: Analiz kontseptov. Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research, 2 (6), 308–310.
- 5- Ievleva, O. A., & Samogorov, V. A., Pastushenko V.L. (2016). Belyi tsvet v arkhitekture. *Chelovek i gorod*, 1 (3), 69–73.
- 6- Kovalevskaya, S. A. (2019). Ekolingvisticheskie kontsepty «beloe bezmolvie» / «white silence» i ikh leksikograficheskaya reprezentatsiya. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, (1), 247–257.
- 7- Lomov, S. P., Amanzholov, S. A., & Fedosenko, E. V. (2022). Rol' belogo tsveta v formirovanii komfortnoi obrazovatel'noi sredy. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 244–247.
- 8- Mel'nichuk, O. A., & Rufova, E. S. (2019). Simvolika tsvetovogo epiteta «belyi» v iaponskikh i iakutskikh khudozhestvennykh proizvedeniakh (na materiale poezii Takamura Kotaro i Ivana Gogoleva). *Vestnik SVFU*, (5 (73)), 101–108.
- 9- Khabibullina, L. (2024). Izobrazhenie vlasti prirody nad liud'mi i formirovanie kharaktera v rasskaze «Beloe molchanie». Zarubezhnaya lingvistika i lingvodidaktika, (2 (4/S)), 209–215.
- 10- Cherokova, A. V., Alekseeva, V. K., Ivanova, E. Iu., & Utkina, I. V. (2025). Simvolika belogo tsveta, ego interpretatsiya v evropeiskoi kul'ture i ispol'zovanie v kostiume raznykh epokh. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, (5), 286–296.
- 11- Chumakova, L. A., Surzhenko, N. B. (2018). Simvolika tsveta v traditsionnom kostiume narodov Povolzh'ya. Izdatel'skii dom «Sreda», 1–5.
- 12- Shafagi Mar'iam (2025 a.). «Zelenyi» kak zerkalo iranskikh lingvokul'turnykh predstavlenii. Filologicheskie nauki. № 6. S.: 20-26.
- 13- Iakh'iapur M., Karimi-Motakhkhar Dzh., Mal'tseva T.V. «Zelenyi stiag» Vostoka v rukakh Ivana Bunina // Vestnik slavianskikh kul'tur. 2026. T. 80. S. 195–209. https://doi.org/10.37816/2073_9567_2026_80_195_209
- 14- Asgari, F., & Eghbali, P. (2013). Tajalli-ye namad-ha-ye rangi dar ayineh-ye honar-e eslami [The manifestation of color symbols in the mirror of Islamic art]. Glory of Art Alzahra Scientific Quarterly Journal, 5(1), 43-62. doi: 10.22051/jjh.2013.35
- 15- Kirmani, M. (2018) COGNITIVE ANALYSIS OF MEANING OF COLOR TERM “WHITE”: CATEGORIZATION AND PROTOTYPE THEORY IN FOCUS, Sosyal Bilimler Arastirmalari Dergisi (SBArD), 16(32), 157-178.

- 16- Mounesi Sorkheh, T., Talebpour, F., & Goudarzi, M. (2010). *No'-e lebas va namad-ha-ye rang dar erfane eslami* [Type of clothing and color symbols in Islamic mysticism]. *Honar-ha-ye Ziba-Honar-ha-ye Tajassomi* [Fine Arts-Visual Arts], 44(2), 5–14.
- 17- Nasiri, M., Afrasiabpour, A. A., & Ahmadi, F. (2018). *Namad-e erfani-ye rang dar honar va memari-ye eslami* [The Mystical Symbolism of Color in Islamic Art and Architecture]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(56), 53–71
- 18- Nazemian Fard, A. (2011). *Vakavi-ye karbord-e rang-e siyah dar miyan-e Abbasian* [An analysis of the use of black color among the Abbasids]. *Motale'at-e Tarikh-e Farhangi* [Cultural History Studies], 2(7), 137–156.
- 19- Nikoubakht, N., & Ghasemzadeh, A. (2008). *Symbolism-e nur va rang dar erfane Irani-Eslami* [Symbolism of light and color in Iranian-Islamic mysticism]. *Motale'at-e Erfani* [Mystical Studies], 8(4), 15–185.
- 20- Pashootanzadeh, A., & Nercissians, E. (2020). *White and Green, as Symbolic Colors in the Culture and Art of Zoroastrian Women in Yazd*. *Iranian Journal of Anthropological Research*, 10(1), 81-104.
- 21- Rezaei, M., Sarami, G., & Ghari, M. R. (2018). *Barresi-ye sokhan va khamushi-ye siyah va sepid dar andisheh va asar-e Mowlana Jalal-al-Din Balkhi va Shams-e Tabrizi* [An investigation of black and white speech and silence in the thought and works of Rumi and Shams Tabrizi]. *Faslname-ye Erfan-e Eslami* [Islamic Mysticism Quarterly], 14(55), 193–212. <https://sid.ir/paper/523369/fa>
- 22- Shafaghi, M. (2025 b.). *Semantic classification of adjective combinations expressing boring emotions in the Russian verbal environment*. *Journal of Foreign Language Research*, 15(3), 245-260.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Shafaghi Maryam (2026). REPRESENTATIONS OF “WHITE COLOR”: FROM SYMBOLIC FIXATION OF MEANINGS TO DENOTATIONS OF LOSS OF MEANING. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 14(2), 187-206.

DOI: 10.66224/IARLL.28.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/405>

نمایش‌های «رنگ سفید»: از تثبیت نمادین معانی تا دلالت‌های از دست دادن معنا

مریم شفق^{*۱}

دانشیار،

دانشگاه علامه طباطبائی،

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۶)

چکیده

این مقاله به بررسی کارکرد معنایی و نمادین رنگ سفید در نظام‌های زبانی و فرهنگی با اتکا بر رویکردهای نشانه‌شناختی، شناختی و بین‌فرهنگی می‌پردازد. رنگ سفید نه به‌مثابه یک واژه رنگی خنثی، بلکه به‌عنوان نشانه‌ای چندلایه تحلیل می‌شود که در شبکه‌ای از معانی مرتبط با پاکی، آغاز، امر قدسی، سکوت، قدرت و هنجارمندی جای گرفته است. توجه ویژه‌ای به ماهیت متناقض رنگ سفید معطوف شده است؛ به‌گونه‌ای که هم‌زمان نشانگر حضور و غیاب معنا، امکان و خلأ است. نشان داده می‌شود که سفید به‌عنوان تنظیم‌گر نشانه‌ای تفسیر عمل می‌کند و در عین ایجاد جلوهای از بی‌طرفی و عینیت، به‌طور فعال در تولید معانی مشروعیت‌یافته نمادین مشارکت دارد. تحلیل، عبارات تثبیت‌شده، استعاره‌ها و رویه‌های گفتمانی را دربرمی‌گیرد که در آن‌ها سفید به‌منزله ابزاری برای قدرت نمادین عمل می‌کند. مقایسه بین‌فرهنگی سنت‌های زبانی فارسی و روسی تفاوت‌هایی را در سازمان‌دهی معنایی سفید آشکار می‌سازد: در زبان فارسی، لایه‌های آیینی-قدسی و اسطوره‌ای غالب است، حال آنکه در زبان روسی، لایه‌های شناختی-کارکردی و هنجاری برتری دارند. یافته‌ها وابستگی فرهنگی معناشناسی رنگ را تأیید می‌کنند.

واژگان کلیدی: نشانه‌شناسی رنگ، رنگ سفید، سکوت معنایی، قدرت نمادین، شبکه معنایی، مقایسه بین‌فرهنگی.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0244-0651>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

PROBLEMS OF TRANSLATING NON-EQUIVALENT LEXEMS OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE IRANIAN LINGUOCULTURAL CONTEXT

Salimi Abdolmaleki Kosar^{1*}

Assistant professor, University of Bojnord,
Bojnord, Iran

(date of receiving: January, 2026; date of acceptance June, 2026)

Abstract

The translation of non-equivalent lexical units is a complex cognitive-heuristic process that requires the translator to integrate deep linguistic competencies with extensive cultural background knowledge. Adequately conveying the semantics of non-equivalent vocabulary is a key factor in successful intercultural communication and the mutual enrichment of linguistic systems. This study examines the current challenges of translating non-equivalent vocabulary of the Russian language in the specific conditions of the Iranian linguacultural context. The paper classifies and systematically analyzes the main types of non-equivalent units and proposes scientifically substantiated strategies for their translation into Persian. Particular emphasis is placed on culturally marked vocabulary and realities, the interpretation of which poses the greatest challenges in the professional training of Iranian translators. The object of this study is non-equivalent vocabulary of the Russian language, and the subject is the specifics and challenges of its translation in the Iranian linguistic environment. The relevance of this study stems from the need to improve linguodidactic methods that take into account the ethnocultural specifics of translating lacunary units. The aim of this article is to comprehensively analyze the specifics of rendering Russian non-equivalent lexemes in the educational environment of Iranian universities. The objectives of the study include the typology of non-equivalent lexemes, the identification of interference errors and difficulties encountered by Iranian students, and the development of translation algorithms for teaching Russian as a foreign language (RFL). The study's material includes an analysis of translation transformations in student papers, as well as the results of a survey of teachers and students specializing in Russian. The scientific novelty lies in the fact that for the first time, within the framework of comparative Russian and Iranian studies, a multifaceted analysis of non-equivalent vocabulary has been conducted, taking into account the psycholinguistic characteristics of the Iranian audience. The practical significance of the study lies in the possibility of implementing the obtained results in the preparation of textbooks and lexicographic sources.

Keywords: Non-Equivalent Vocabulary, Translation Transformations, Culturally Specific Vocabulary, Realities, Translation Strategies, Russian Language, Persian Language, Intercultural Communication, Lacunarity.

1. Email: k.salimi@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

*Corresponding author

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ИРАНСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Салими Абдолмалеки Косар^{1*}

Преподаватель, Боджнордский университет,
Боджнорд, Иран

(дата получения: январь 2026 г., дата принятия: июнь 2026 г.)

Аннотация

Перевод безэквивалентных лексических единиц представляет собой сложный когнитивно-эвристический процесс, требующий от переводчика интеграции глубоких лингвистических компетенций с обширными культурологическими фоновыми знаниями. Адекватная передача семантики безэквивалентной лексики является ключевым фактором успешной межкультурной коммуникации и взаимообогащения языковых систем. В настоящем исследовании рассматриваются актуальные проблемы перевода безэквивалентной лексики русского языка в специфических условиях иранского лингвокультурного контекста. В работе проводится классификация и системный анализ основных типов безэквивалентных единиц, а также предлагаются научно обоснованные стратегии их трансляции на персидский язык. Особый акцент сделан на культурно-маркированной лексике и реалиях, интерпретация, которых вызывает наибольшие трудности в процессе профессиональной подготовки иранских переводчиков. Объектом исследования выступает безэквивалентная лексика русского языка, а предметом — специфика и проблематика ее перевода в иранской языковой среде. Актуальность работы обусловлена необходимостью совершенствования лингводидактических методик, учитывающих этнокультурную специфику перевода лакунарных единиц. Целью статьи является комплексный анализ особенностей передачи русских безэквивалентных лексем в образовательном пространстве иранских вузов. Задачи исследования включают типологизацию безэквивалентных лексем, выявление интерференционных ошибок и трудностей, возникающих у иранских студентов, а также разработку алгоритмов перевода в рамках преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Материалом исследования послужил анализ переводческих трансформаций в студенческих работах, а также результаты анкетирования преподавателей и студентов-русистов. Научная новизна заключается в том, что впервые в рамках сопоставительной русистики и иранистики проведен многоаспектный анализ безэквивалентной лексики с учетом психолингвистических особенностей иранской аудитории. Практическая значимость исследования определяется возможностью внедрения полученных результатов в практику составления учебных пособий и лексикографических источников.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, переводческие трансформации, культурно-специфическая лексика, реалии, стратегии перевода, русский язык, персидский язык, межкультурная коммуникация, лакунарность.

1. Email: k.salimi@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

*ответственный автор

Введение

Перевод — это сложный, многоуровневый акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, целью которого является не просто замена знаков одной знаковой системы на другую, но и интерпретация концептуальных смыслов исходного текста в целевой культуре. Достижение эквивалентности невозможно без глубокого понимания семантической структуры слова, прагматики текста и стилистических нюансов. Следовательно, переводчик должен обладать бикультурной компетенцией, позволяющей реконструировать интенцию автора с максимальной точностью и достоверностью.

В эпоху глобализации и интенсификации научных контактов возросла роль перевода специализированных и художественных текстов. Переводческая деятельность стала неотъемлемым инструментом во всех сферах общественной жизни. В последнее десятилетие наблюдается рост научного интереса к проблематике перевода в разноструктурных языках, что отражено в трудах таких исследователей, как И. М. Матюшин (Матюшин 2024), О. У. Серова (Серова 2025), Е. В. Пышкин и Д. Х. Блейк (Пышкин, Блейк 2025), Л. Ян (Ян 2023), а также С. В. Калинина и Л. В. Коцюбинская (Калинина, Коцюбинская 2025).

Центральной проблемой теории перевода остается безэквивалентная лексика (БЭЛ) — лексические единицы, не имеющие регулярных соответствий (эквивалентов) в языке перевода (ПЯ) в силу расхождений в экстралингвистической реальности. Данные единицы аккумулируют уникальный историко-культурный опыт этноса. В. Н. Комиссаров в фундаментальном труде «Теория перевода (лингвистические аспекты)» детально анализирует теорию перевода и проблемы межкультурной коммуникации при передаче БЭЛ (Комиссаров 1990). Л. Г. Великолуг в своем научном исследовании «Лингвокультурологические знания как неотъемлемая

часть межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся иностранным языкам» подчеркивает, что лингвокультурологические знания являются неотъемлемым базисным компонентом коммуникативной компетенции при изучении иностранных языков (Великолуг 2021).

Согласно С. Влахову, безэквивалентная лексика «является важнейшим средством информации об окружающей действительности, истории, культуре и быте народа и, как следствие, содержит информацию высокой культуроведческой ценности» (Влахов 1980). А. В. Тучинский справедливо отмечает, что лакуны обнаруживаются лишь при проецировании когнитивной сетки одного языка на другой в процессе межкультурного взаимодействия, потому что в родном языке говорящий ее не замечает (Тучинский 2021). Для адекватной дешифровки реалий переводчик вынужден обращаться к широкому спектру справочных материалов (Евтеев, Семенов 2016. 12). Таким образом, перевод БЭЛ — не просто механический подбор слов, но эвристический процесс выбора оптимальной стратегии.

В контексте иранской аудитории изучение русского языка сопряжено с преодолением значительной лингвокультурной дистанции. Одной из ключевых проблем является переводом БЭЛ в парадигме «русский язык — персидский язык». Это явление представляет особый интерес в контексте преподавания русского языка как иностранного, поскольку требует от преподавателей и студентов глубокое понимание лингвистических и культурологических компетенций. Эта проблема исследуется в работах ряда ученых. Т. М. Хамидова рассматривает в своей диссертации безэквивалентную лексику и фразеологию русского языка и способы их передачи в таджикском языке (Хамидова 2013). А. Н. Нурмухаметов анализирует особенности перевода безэквивалентных языковых единиц в межкультурной коммуникации (Нурмухаметов 2023). Вопросы лакунарности и эквивалентности освещались в книге «Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты» 3.

А. Сафаровой (Сафарова 2016). Р. И. Бачиева и Л. Н. Кравченко рассматривают вопросы, связанные с целью перевода (Бачиева, Кравченко 2018). Теоретические аспекты также затрагиваются в работах С. Б. Велединской (Велединская 2010) и иранских исследователей Сиями Эйдлак Х. (Сиями Эйдлак, Салими Абдолмалеки 2023).

Актуальность работы обусловлена необходимостью совершенствования лингводидактических методик, учитывающих этнокультурную специфику перевода лакунарных единиц.

Практическая значимость исследования определяется возможностью внедрения полученных результатов в практику составления учебных пособий и лексикографических источников.

Цель данного исследования — выявить специфику и оптимизировать методику перевода русской безэквивалентной лексики в иранских вузах. Задачи работы — классифицировать типы БЭЛ, выявить типичные трудности и ошибки иранских студентов, а также сформулировать методические рекомендации.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий сопоставительный, описательно-аналитический методы и метод опроса. Эмпирическая база формировалась в два этапа. На первом этапе был проведен контент-анализ письменных переводов иранских студентов, изучающих русский язык, с целью идентификации лексических единиц, вызывающих коммуникативные сбои и трудности при подборе эквивалентов в персидском языке. На втором этапе проведен социолингвистический опрос и анкетирование среди преподавателей-русистов и студентов старших курсов иранских университетов. Опрос позволил верифицировать список наиболее частотных безэквивалентных лексем и выявить субъективное восприятие

сложности их перевода. Триангуляция данных анализа текстов и результатов опроса обеспечила объективность выводов.

Основная часть

Безэквивалентная лексика представляет собой гетерогенный пласт языковых единиц. В рамках преподавания РКИ в иранской аудитории целесообразно выделить следующие категории.

Реалии (этнографические реалии) – это лексемы, обозначающие уникальные объекты материальной и духовной культуры. «Национальная специфика проявляется в близких концептах разных культур в неполном совпадении содержания сопоставимых концептов» (Попова, Стернин 2001). Например, матрешка, блины, квас, лапти, сарафан др.

Матрешка: Культурный символ России. Поскольку в иранской предметной среде данный объект отсутствует, наиболее эффективной стратегией является транслитерация ماتريوشکا (matryoshka) с возможным использованием описательного перевода (экспликации) при первом упоминании.

Блины: Несмотря на наличие в Иране похожих мучных изделий, русские блины обладают специфической рецептурой и ритуальной значимостью. Перевод может варьироваться от адаптации پنکیک روسی (русский панкейк "pankeik rusi") до заимствования بلینی (blini), чтобы подчеркнуть национальный колорит.

Культурно-специфическая лексика и фразеология: Данная группа включает слова, семантика, которых неразрывно связана с историей и традициями. При переводе надо подобрать и близкое слово по значению, и учитывать лингвистические и культурологические аспекты.

Бить баклуши: Фразеологизм, этимология которого восходит к кустарному производству и связан с традиционным русским ремеслом. Прямой перевод оборота невозможен. В персидском языке используются функциональные

аналоги, передающие значение «бездельничать», однако утрачивается внутренняя форма исходной единицы. Для учебных целей необходим этимологический комментарий.

Масленица, Святки: Названия праздников требуют развернутого лингвострановедческого комментария, так как в исламской культуре Ирана отсутствуют прямые аналоги этих языческих и христианских традиций. Простое калькирование здесь неэффективно; требуется дескриптивный перевод, объясняющий суть обрядов.

Советизмы и историзмы: Лексемы *совет, колхоз, перестройка, хрущевка, коммуналка* отражают реалии советской эпохи. Для иранского студента это «чужая» история. Перевод этих единиц чаще всего осуществляется путем транслитерации и калькирования с обязательным историческим комментарием (сноской), поясняющим социально-политический контекст.

Лексические лакуны: Лакуны — это «пустоты» в лексической системе переводящего языка (ПЯ). Изучение лексических лакун помогает лучше понять различия между русским и персидским языками и культурами, также способствовать более эффективному межкультурному общению.

Гастрономические лакуны: Квас, борщ, щи. Их эквиваленты в персидском языке отсутствуют. Поэтому используется транскрипция персидскими буквами: کواس (kvas), بُرش (borsh), شی (shi).

Масленица: Транслитерируется как ماسلنیتسا (maslenitsa), но для адекватного восприятия требует примечания, раскрывающего этнографическое значение (проводы зимы, выпекание блинов) и функциональные особенности и ритуальную практику в контексте русской культуры. Детальное описание праздничных обычаев может быть представлено в виде приложения или постраничной сноски.

Авторские неологизмы (окказионализмы): Лексемы, созданные авторами для реализации конкретных художественных задач. Эти лексемы

часто возникают из комбинации существующих слов, изменения их формы или создания совершенно новых лексем, стилей и тонов в литературных произведениях и отражают творчество и языковые инновации автора. «Неологизмы играют важную роль в развитии языка, отражая изменения в обществе, технологии и мировоззрении» (Паршина 2024. 25).

Примеры из творчества В. Набокова, который известен использованием авторских неологизмов в своих произведениях (*мерцающих, переливчатых* "оттенков цвета, передающих динамику и изменчивость восприятия") или В. Маяковского и В. Каменского (*громадье* "для выражения величия и массы чего-либо" и *молниеносность* "для описания скорости и динамики"), представляют высшую степень сложности для перевода. Ни одна из упомянутых лексем в персидском языке не имеет эквивалента и переводчик вынужден прибегать к перифразе или созданию собственных неологизмов, что требует высокого уровня креативности. Например, для передачи экспрессии слова *громадье* (комбинация слова «громада» (*gromada*) и суффикса «-уо») в персидском языке может потребоваться описательная конструкция, передающая идею «огромной массы» и «величия».

Стратегии перевода безэквивалентной лексики

На основе анализа студенческих работ и теоретических положений, для иранского контекста рекомендуются следующие стратегии.

Транскрипция и транслитерация: Сохранение звуковой оболочки. Например, «балалайка» в целевом языке в той же форме → بالالایکا (*balalaika*) используется, когда важно сохранить колорит (экзотизм).

Калькирование: Поморфемный или пословный перевод. Эффективен для прозрачной внутренней формы.

Небоскреб: آسمان خراش (*âsemân-kharâsh*) — точная калька (небо + скрести).

Землетрясение: زمین‌لرزه (*zamin-larze*) — точная калька (земля + трясение).

Мировоззрение: جهان‌بینی (*jahân-bini*) — точная калька (мир + видение).

Самообслуживание: خودخدمتی (*khod-khedmati*) — точная калька (сам + обслуживание).

Описательный (дескриптивный) перевод: Раскрытие значения через расширенное толкование. Неизбежен при отсутствии аналогов.

Валенки: چکمه‌های نم‌دی سنتی "*chakmehaye namadi sonnati*" (традиционные валяные сапоги).

Баранка: نوعی نان حلقه‌ای خشک "*noie nan halgheie khoshk*" (разновидность сухого кольцевидного хлеба).

Пельмени: پیراشکی گوشت "*pirashki goosht*" (мясные пирожки / дамплинги) — приближенное описание.

Описательный перевод особенно полезен для перевода лексем, обозначающих культурные реалии, которые не имеют прямых аналогов в языке перевода. Этот метод позволяет передать не только значение слова, но и его культурный контекст.

Приблизительный перевод (аналог): Подбор функционально близкого понятия в культуре ПЯ.

Дача: ویلا ییلاقی "*vilaye yeylaghi*" (загородная вилла). Хотя персидская «вилла» отличается от советской «дачи», функционально (место отдыха) они близки.

Посиделки: هم‌نشینی دوستانه "*hamneshini doostane*" (дружеские посиделки / собрание). Передает атмосферу, но теряет фольклорный оттенок.

Сушки: نان حلقه‌ای خشک کوچک "*nan halgheie khosh koochak*" (сухой круглый хлеб). Передает не точный, но приблизительный перевод.

Контекстуальный перевод: Зависит от окружения слова.

Балагур: В контексте — آدم بذله گو "adam bozleh goo" (человек-шутник).

Деревенская простота: ساده روستایی "sade roostaie" (сельская простота) или переносное значение естественности. Отражает культурно-специфическое понятие.

Отдушина: В переносном смысле — یک نفس راحت "nafas rahat" (вздых облегчения / отдых).

Контекстуальный перевод требует от переводчика глубокого понимания контекста и умения находить подходящие выражения в ПЯ. Этот метод особенно важен для перевода идиом, метафор и культурно-специфических понятий.

Комментирование (примечания переводчика): Используется для глубокого объяснения реалий без перегрузки основного текста. Например:

Хрущевка: Транслитерация خروشوفکا "khrushovka" + сноска о типовой застройке времен Н.С. Хрущева.

Пряник и самовар: Транслитерация پرانیک و سماور "pranik va samovar" + пояснение о составе теста и функции самовара в чайной церемонии.

Использование комментариев позволяет сохранить точность перевода, не нарушая при этом плавность повествования. Этот метод особенно полезен при переводе культурно-специфических терминов, исторических реалий и других безэквивалентных лексем.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что перевод безэквивалентной лексики русского языка в иранском лингвокультурном пространстве является многофакторным процессом, выходящим за рамки простого языкового кодирования. Основные трудности иранских студентов связаны с лакунарностью концептов и отсутствием фоновых культурологических,

исторических и социальных знаний. Выделенные типы БЭЛ (реалии, советизмы, авторские неологизмы) требуют дифференцированного подхода. Результаты показали, что наиболее продуктивными стратегиями являются комбинированные методы: транслитерация, калькирование, описательный (дескриптивный) перевод, приблизительный перевод (аналог), контекстуальный перевод, комментирование (примечания переводчика).

Эффективность обучения переводу в иранских вузах напрямую зависит от формирования у студентов лингвострановедческой компетенции. Практическая значимость работы заключается в возможности применения систематизированных стратегий и примеров при разработке учебно-методических комплексов по теории и практике перевода для персоговорящей аудитории, что будет способствовать углублению межкультурного диалога между Россией и Ираном. Перспективы дальнейших исследований видятся в создании двуязычного словаря безэквивалентной лексики и реалий с развернутыми лингвокультурологическими комментариями.

Литература

- 1- Бачиева Р.И., Кравченко Л.Н. (2018). *Главная цель перевода – адекватность или эквивалентность?* // Лингвистические и психологические особенности преподавания иностранных языков: сб. ст. Ростов-на-Дону. С. 26–34.
- 2- Велединская С.Б. (2010). *Курс общей теории перевода: Учебное пособие*. Томск: Томский политехнический университет. 230 с.
- 3- Великолуг Л.Г. (2021). *Лингвокультурологические знания как неотъемлемая часть межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся иностранным языкам* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. №4 (841). С. 68–77. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_4_841_68.
- 4- Влахов С., Флорин С. (1980). *Непереводимое в переводе*. М.: Международные отношения. 343 с.
- 5- Евтеев С.В., Семенов А.Л. (2016). *Социальная активность и языковое творчество* // Тетради переводчика: сб. ст. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ. С. 33–40.

- 6- Калинина С.В., Коцюбинская Л.В. (2025). *Онтология как инструмент терминологической оптимизации машинного перевода лексики нефтегазовой отрасли* // Terra Linguistica. T.16. №2 С. 41–55. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16203>.
- 7- Комиссаров В.Н. (1990). *Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* М.: Высш. шк. 253 с.
- 8- Матюшин И.М. (2024). *Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. №5 (886). С. 70–77.
- 9- Нурмухаметов А.Н. (2023). *Особенности перевода безэквивалентных языковых единиц в межкультурной коммуникации* // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. № 42 (1). С. 157–165. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165>.
- 10- Паршина Е.В. (2024). *Проблема перевода безэквивалентной лексики в романе М. А. Булгакова «мастер и маргарита» на немецкий и английский языки: магистр. дисс. ...* Линг. Екатеринбург. 134 с.
- 11- Попова З.Д., Стернин И.А. (1989). *Очерки по когнитивной лингвистике.* Воронеж: Истоки. 191 с.
- 12- Пышкин Е.В., Блейк Д. (2025). «Трудности перевода»? Проблема адекватной интерпретации названий пьес «Детского альбома» Чайковского // Terra Linguistica. T.16. №1. С. 99–111.
- 13- Сафарова З.А. (2016). *Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты.* Пермь: ИП Сигитов Т.М. 153 с.
- 14- Серова О.У. (2025). *Автоматизированное исследование индикаторов переводческого языка на материале переводов научных статей* // Terra Linguistica. T.16. №1. С. 61–81. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16105>.
- 15- Сиями Эйдлак Х., Салими Абдолмалеки К. (2023). *Принципы и методы перевода.* Боджнорд: Боджнордский университет. 82 с.
- 16- Тучинский А.В. (2021). *Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения как феномен диалога культур* // Язык и межкультурные коммуникации: сб. ст. Минск: Изд. БГПУ. С. 292–296.
- 17- Хамидова Т.М. (2013). *Безэквивалентная лексика и фразеология русского языка и способы их передачи в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Душанбе. 25 с.
- 18- Ян Линьлинь (2023). *Исследование перевода в лингвокогнитивном аспекте* // Политическая лингвистика. № 6(102). С. 222–230.

Bibliography

- 1- Bachieva R.I., Kravchenko L.N. (2018). *Glavnaia tsel' perevoda – adekvatnost' ili ekvivalentnost'?* // Lingvisticheskie i psikhologicheskie osobennosti prepodavaniia inostrannykh iazykov: sb. st. Rostov-na-Donu. S. 26–34.
- 2- Veleinskaia S.B. (2010). *Kurs obshchei teorii perevoda: Uchebnoe posobie*. Tomsk: Tomskii politekhnicheskii universitet. 230 s.
- 3- Velikolug L.G. (2021). *Lingvokul'turologicheskie znaniia kak neot"emlemaia chast' mezhkul'turnoi kommunikativnoi kompetentsii obuchaiushchikhsia inostrannym iazykam* // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. №4 (841). S. 68–77. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_4_841_68.
- 4- Vlahov S., Florin S. (1980). *Neperevodimoe v perevode*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia. 343 s.
- 5- Evteev S.V., Semenov A.L. (2016). *Sotsial'naia aktivnost' i iazykovoe tvorchestvo* // Tetradi perevodchika: sb. st. M.: FGBOU VO MGLU. S. 33–40.
- 6- Kalinina S.V., Kotsiubinskaia L.V. (2025). *Ontologiya kak instrument terminologicheskoi optimizatsii mashinnogo perevoda leksiki neftegazovoi otrasli* // Terra Linguistica. T.16. №2 S. 41–55. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16203>.
- 7- Komissarov V.N. (1990). *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlia in-tov i fak. inostr. iaz.* M.: Vyssh. shk. 253 s.
- 8- Matiushin I.M. (2024). *Aktual'nost' lingvisticheskoi teorii perevoda i perevodcheskaia praktika* // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. №5 (886). S. 70–77.
- 9- Nurmukhametov A.N. (2023). *Osobennosti perevoda bezekvivalentnykh iazykovykh edinits v mezhkul'turnoi kommunikatsii* // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, iazykoznaniia. № 42 (1). S. 157–165. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-1-157-165>.
- 10- Parshina E.V. (2024). *Problema perevoda bezekvivalentnoi leksiki v romane M. A. Bulgakova «master i margarita» na nemetskii i angliiskii iazyki: magistr. diss. ...* Ling. Ekaterinburg. 134 c.
- 11- Popova Z.D., Sternin I.A. (1989). *Ocherki po kognitivnoi lingvistike*. Voronezh: Istoki. 191 s.
- 12- Pyshkin E.V., Bleik D. (2025). *«Trudnosti perevoda»? Problema adekvatnoi interpretatsii nazvanii p'es «Detskogo al'boma» Chaikovskogo* // Terra Linguistica. T.16. №1. S. 99–111.
- 13- Safarova Z.A. (2016). *Razvitie sovremennoi nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. Perm': IP Sigotov T.M. 153 s.

- 14- Serova O.U. (2025). *Avtomatizirovannoe issledovanie indikatorov perevodcheskogo iazyka na materiale perevodov nauchnykh statei* // Terra Linguistica. T.16. №1. S. 61–81. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16105>.
- 15- Siimi Eidlak Kh., Salimi Abdolmaleki K. (2023). *Printsipy i metody perevoda*. Bodzhnord: Bodzhnordskii universitet. 82 s.
- 16- Tuchinskii A.V. (2021). *Bezekvivalentnaia leksika s natsional'no-kul'turnoi spetsifikoi znachenii kak fenomen dialoga kul'tur* // Iazyk i mezhkul'turnye kommunikatsii: sb. st. Minsk: Izd. BGPU. S. 292–296.
- 17- Khamidova T.M. (2013). *Bezekvivalentnaia leksika i frazeologiya russkogo iazyka i sposoby ikh peredachi v tadzhikskom iazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Dushanbe. 25 c.
- 18- Ian Lin'lin' (2023). *Issledovanie perevoda v lingvokognitivnom aspekte* // Politicheskaya lingvistika. № 6(102). S. 222–230.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Salimi Abdolmaleki, K. (2026). PROBLEMS OF TRANSLATING NON-EQUIVALENT LEXEMS OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE IRANIAN LINGUOCULTURAL CONTEXT. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 207-221.

DOI: 10.66224/IARLL.28.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/410>

چالش‌های ترجمه واحدهای واژگانی فاقد معادل زبان روسی

در بستر بافت زبانی-فرهنگی ایران

کوثر سلیمی عبدالملکی*

استادیار گروه زبان روسی، دانشگاه بجنورد،

بجنورد، ایران

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۲۶)

چکیده

ترجمه واژگان فاقد معادل، فرایندی پیچیده و شناختی-اکتشافی است که مستلزم تلفیق شایستگی‌های عمیق زبانی با دانش گسترده‌ی پیش‌زمینه‌ای فرهنگی از سوی مترجم است. انتقال دقیق معناشناسی واژگان فاقد معادل، عاملی کلیدی در موفقیت ارتباطات میان‌فرهنگی و غنی‌سازی متقابل نظام‌های زبانی محسوب می‌شود. در پژوهش حاضر، مسائل مبرم ترجمه‌ی واژگان فاقد معادل زبان روسی در شرایط خاص بافت زبانی-فرهنگی ایران مورد بررسی قرار می‌گیرد. در این کار، ضمن طبقه‌بندی و تحلیل نظام‌مند انواع اصلی واحدهای فاقد معادل، راهبردهای علمی و مدلل برای انتقال آن‌ها به زبان فارسی پیشنهاد شده است. تأکید ویژه‌ای بر واژگان دارای بار فرهنگی و «رنالیا» معطوف شده است که تفسیر آن‌ها بیشترین دشواری را در فرایند تربیت حرفه‌ای مترجمان ایرانی ایجاد می‌کند. موضوع تحقیق، واژگان فاقد معادل زبان روسی و مورد آن، ویژگی‌ها و مسائل ناظر بر ترجمه آن‌ها در محیط زبانی ایران است. ضرورت پژوهش ناشی از نیاز به بهبود روش‌های آموزش زبان‌شناختی با در نظر گرفتن ویژگی‌های اتنو-فرهنگی در ترجمه واحدهای خلأگون است. هدف مقاله، تحلیل جامع ویژگی‌های انتقال تک‌واژه‌های فاقد معادل روسی در فضای آموزشی دانشگاه‌های ایران است. اهداف پژوهش شامل گونه‌شناسی واحدهای بی‌معادل، شناسایی خطاهای تداخلی و دشواری‌های پیش‌روی دانشجویان ایرانی و همچنین تدوین الگوریتم‌های ترجمه در چارچوب آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی می‌باشد. پیکره پژوهش بر پایه تحلیل دگرگونی‌های ترجمه‌ای در کارهای دانشجویی و همچنین نتایج نظرسنجی از اساتید و دانشجویان رشته زبان روسی استوار است. نوآوری علمی اثر در این است که برای نخستین بار در چارچوب مطالعات تطبیقی زبان روسی و فارسی، تحلیلی چندوجهی از واژگان فاقد معادل با در نظر گرفتن ویژگی‌های روان‌شناختی-زبانی مخاطبان ایرانی انجام شده است. اهمیت کاربردی پژوهش نیز در امکان به‌کارگیری نتایج به‌دست‌آمده در تدوین درس‌نامه‌ها، کتاب‌های آموزشی و منابع فرهنگ‌نویسی نهفته است.

واژگان کلیدی: واژگان فاقد معادل، دگرگونی‌های ترجمه‌ای، واژگان دارای بار فرهنگی، «رنالیا»، راهبردهای ترجمه، زبان روسی، زبان فارسی، ارتباطات میان‌فرهنگی، خلأهای زبانی.

1. Email: k.salimi@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

TEMPORAL SYNTAXEMES AS A MEANS OF EVENT CONCEPTUALIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Shankhoeva Yakha Akhmet-Bashirovna¹

Postgraduate Student, Kosygin Russian State University,
Moscow, Russia

Bugaeva Irina Vladimirovna^{2*}

Professor, Kosygin Russian State University,
Moscow, Russia

(date of receiving: May, 2026; date of acceptance: August, 2026)

Abstract

The article examines temporal syntaxemes as means of contextual interpretation of an event in the Russian language. The aim of the study is to determine the role of temporal syntaxemes in the semantic organization of an event within the structure of an utterance, while preserving their basic temporal meaning. The material of the study consists of a card index of 200 utterances extracted by purposive sampling from the Russian National Corpus. Four groups of temporal syntaxemes are analyzed: temporative, terminative, dimensive, and distributive syntaxemes. It is shown that temporative syntaxemes express the temporal correlation of an event; terminative syntaxemes express a temporal limit; dimensive syntaxemes express temporal duration; and distributive syntaxemes express the recurrence or distribution of an action in time. It is established that resultivity, processuality, boundedness, duration, and recurrence as semantic-syntactic characteristics of an utterance are actualized not by the temporal syntaxeme in isolation, but through the interaction of its basic temporal semantics with lexical-semantic content, predicative structure, and context. In the cognitive aspect, a temporal syntaxeme is considered as a means of actualizing the temporal parameter of an event in its linguistic representation.

Keywords: Temporality, Syntaxeme, Temporal Syntaxeme, Temporative, Terminative, Dimensive, Distributive, Event Conceptualization, Contextual Interpretation, Temporal Relations.

1. E-mail: yaha.shoan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0433-8689>

2. E-mail: bugaevaiv@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0003-3682-4880> * Corresponding author

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСЕМЫ КАК СРЕДСТВО СОБЫТИЙНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шанхоева Яха Ахмет-Башировна¹

Аспирант, РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия

Бугаева Ирина Владимировна^{2*}

Профессор, РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия

(дата получения: май 2026г.; дата принятия: август 2026г.)

Аннотация

В статье рассматриваются темпоральные синтаксемы как средства контекстной интерпретации события в русском языке. Цель исследования – определить роль темпоральных синтаксем в смысловой организации события в структуре высказывания при сохранении ими базового временного значения. Материалом послужила картотека из 200 высказываний, извлеченных методом целевой выборки из Национального корпуса русского языка. Анализируются четыре группы темпоральных синтаксем: темпоративные, терминативные, дименсивные и дистрибутивные. Показано, что темпоративные синтаксемы выражают временную соотношенность события, терминативные – временной предел, дименсивные – временную протяженность, дистрибутивные – повторяемость или распределенность действия во времени. Установлено, что результативность, процессуальность, предельность, длительность и повторяемость как семантико-синтаксические характеристики высказывания актуализируются не темпоральной синтаксемой изолированно, а в результате взаимодействия ее базовой темпоральной семантики с лексико-семантическим наполнением, предикативной структурой и контекстом. В когнитивном аспекте темпоральная синтаксема рассматривается как средство актуализации временного параметра события в его языковой репрезентации.

Ключевые слова: темпоральность, синтаксема, темпоральная синтаксема, темпоратив, терминатив, дименсив, дистрибутив, событийная концептуализация, контекстная интерпретация, временные отношения.

1. E-mail: yaha.shoan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0433-8689>

2. E-mail: bugaevaiv@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0003-3682-4880> * Ответственный автор

Введение

Категория времени относится к числу базовых средств языковой организации события. В структуре высказывания временная характеристика не только локализует действие, состояние или процесс относительно определенного момента, периода либо другого события, но и участвует в его смысловой организации.

Теоретической основой исследования является научная традиция описания синтаксемы как минимальной семантико-синтаксической единицы, представленная в работах А. М. Мухина и Г. А. Золотовой (Мухин 1999; Золотова 1973; Золотова 1988). В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой синтаксема определяется как «минимальная единица синтаксического уровня, характеризующаяся морфологическим оформлением, категориально-семантическим значением и определенным набором синтаксических функций» (Золотова 1988. 432), что позволяет рассматривать темпоральные синтаксемы как единицы, объединяющие формальное выражение, категориально-семантическое значение и синтаксическую функцию.

Темпоральные синтаксемы рассматриваются как элементы структуры предложения, характеризующие действие или ситуацию с точки зрения их существования во времени (Погорелова, Срибунякорн 2017. 70). В исследованиях русского языка отсутствует единый подход к их классификации, что связано с разнообразием формального выражения и различиями в основаниях семантико-синтаксического описания (Погорелова, Срибунякорн 2017. 70). В настоящей статье анализируются темпоративные, терминативные, дименсивные и дистрибутивные синтаксемы. Их выделение восходит к классификации минимальных синтаксем Г. А. Золотовой (Золотова 1988) и используется в исследованиях темпоральных предложных единиц (Малинская 2024; Малинская 2020; Погорелова, Срибунякорн 2017). В рамках исследования эти типы соотносятся с основными параметрами временной

организации события: временной соотнесенностью, временным пределом, временной протяженностью и повторяемостью действия во времени.

Функционально-семантической основой исследования является понимание темпоральности как категории, отражающей восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций (Теория функциональной грамматики 1990. 5). В связи с этим темпоральная синтаксема рассматривается как средство временной локализации и контекстной актуализации временного параметра события.

Под событийной концептуализацией в настоящей статье понимается контекстно обусловленный способ представления события посредством его темпоральной характеристики. При таком подходе темпоральная синтаксема не рассматривается как самостоятельный носитель сложного концептуального содержания, ее роль состоит в актуализации одного из временных параметров события: временной соотнесенности, временного предела, временной протяженности или повторяемости. Семантико-синтаксические характеристики высказывания актуализируются не самой темпоральной синтаксемой изолированно, а в результате взаимодействия ее базовой темпоральной семантики с лексико-семантическим наполнением, предикативной структурой и контекстом высказывания.

Такое понимание соотносится с положениями когнитивной лингвистики о языке как средстве концептуализации и категоризации опыта, представленными в трудах Н. Н. Болдырева и Е. С. Кубряковой (Болдырев 2013; Болдырев 2021; Кубрякова 2004), а также с исследованиями когнитивного синтаксиса, в которых синтаксические структуры рассматриваются как способы языковой репрезентации смысла (Норман 2013). Вместе с тем в настоящей статье когнитивный подход не подменяет семантико-синтаксический анализ, а дополняет его: сначала определяется базовое темпоральное значение

синтаксемы, затем выявляется ее роль в контекстной актуализации временного параметра события.

Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения роли темпоральных синтаксем в семантической организации высказывания. В существующих работах данные единицы преимущественно рассматриваются с точки зрения их семантических типов, формального выражения и функции временной локализации, тогда как менее разработанным остается вопрос об их участии в контекстной актуализации временного параметра события при сохранении базового темпорального значения. Существенным для настоящего исследования является положение Т. Е. Шаповаловой о том, что синтаксическая словоформа в предложении с временными отношениями «наполняется событийными и оценочными смыслами и оттенками значений» и «служит семантическому осложнению простого предложения» (Шаповалова 2025. 78–79). Данное положение позволяет рассматривать темпоральную синтаксему как единицу, через которую временное значение получает семантическую конкретизацию в структуре высказывания.

Объектом исследования являются темпоральные синтаксемы в русском языке. Предмет исследования составляют способы их участия в семантической организации события на материале русскоязычных корпусных высказываний. Цель статьи – определить роль темпоральных синтаксем в семантико-синтаксической организации события в структуре русского высказывания с учетом их базового темпорального значения.

Материалом исследования послужила картотека из 200 высказываний, извлеченных из Национального корпуса русского языка методом целевой выборки. Отбор осуществлялся по формальному признаку наличия темпоральных синтаксем, выражающих временную соотнесенность, временной предел, временную протяженность или повторяемость действия во времени. В анализ включены формы *после разговора*, *после встречи*, *после*

болезни, после войны, перед экзаменом, во время войны, до вечера, до утра, к утру, к вечеру, в течение года, в течение месяца, весь день, несколько дней, каждый день, каждое утро, по вечерам, время от времени, соотнесенные с темпоративными, терминативными, дименсивными и дистрибутивными синтаксемами.

Материал исследования стилистически неоднороден: в выборку вошли высказывания из художественных, публицистических, учебных, научно-популярных, разговорных и деловых текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). В связи с этим отдельные наблюдения требуют учета функционально-стилистической принадлежности контекста.

Отличие настоящего исследования от предшествующих работ состоит в переносе внимания с описания формальных и семантических типов темпоральных синтаксем на их роль в смысловой организации события. Научная новизна исследования заключается в уточнении функционально-когнитивного статуса темпоральной синтаксемы как средства временной локализации и контекстной актуализации отдельных параметров события: результативности, процессуальности, предельности, длительности или повторяемости. При этом разграничиваются базовое временное значение синтаксемы и дополнительные смыслы, возникающие во взаимодействии с предикативной структурой, лексическим наполнением и контекстом высказывания.

Основная часть

В статье рассматриваются четыре группы темпоральных синтаксем: темпоративные, терминативные, дименсивные и дистрибутивные. Их анализ позволяет описать основные параметры временной организации события: временную соотнесенность, временной предел, временную протяженность и

повторяемость действия во времени. Контекстная интерпретация события при этом рассматривается как результат взаимодействия базовой темпоральной семантики синтаксемы с лексико-семантическим наполнением, предикативной структурой и контекстом высказывания.

Темпоративные синтаксемы выражают временную соотнесенность одного события, действия или состояния с другим событием, моментом либо периодом. В анализируемом материале к этой группе относятся синтаксемы *после разговора, после встречи, после болезни, после войны, перед экзаменом, во время войны*. Их базовое темпоральное значение связано с отношениями следования, предшествования или одновременности.

Наиболее показательны в этом отношении синтаксемы с предлогом *после*. В примерах «*После разговора Даренский понял...*» (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1 (1960) НКРЯ), «*После разговора с мамой папа перестал приглашать их...*» (Е. Эдин. Танк из веника (2013) НКРЯ) синтаксема *после разговора* сохраняет базовое значение временного следования: одно событие располагается во времени после другого. Вместе с тем предикативное окружение, представленное глаголами и предикативными сочетаниями *понял, перестал приглашать*, конкретизирует временное отношение и связывает его с изменением состояния, знания или поведения субъекта. Следовательно, синтаксема *после разговора* участвует в семантической организации события, однако сама по себе не выражает причинности, оценки или значения изменения.

Сходный механизм наблюдается в контекстах с синтаксемой *после встречи*. Ср.: «*После встречи с Донцовым Вера переменилась*» (А. С. Салуцкий. Немой набат (2019) НКРЯ), «*Все изменилось для меня после встречи с ней*» (А. Мацанов. Бабник (2012) НКРЯ), «*Переворот, по его собственному признанию, случился после встречи с Окуджавой*» (Н. П.

Крышук. Грустный человек (2002) НКРЯ). Синтаксема *после встречи* выражает отношение временного следования, а семантика изменения актуализируется предикатами и предикативными сочетаниями *переменилась, все изменилось, переворот случился*.

Особенно показательны для анализа сочетания *после болезни, после войны*, в которых временная соотнесенность соединяется с семантикой событий, обладающих высокой биографической, экзистенциальной или исторической значимостью. Ср.: «*После болезни* человека многое радует» (В. С. Маканин. Отдушина (1977) НКРЯ), «*После болезни* начался новый, более бурный период развития» (З. А. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня (1992) НКРЯ), «*После войны* у Щагова не осталось родных...» (А. И. Солженицын. В круге первом (1968) НКРЯ). Во всех приведенных случаях синтаксема сохраняют значение временного следования, однако существительные *болезнь, война* называют не нейтральные временные ориентиры, а события, способные изменить последующую ситуацию. Предикаты и предикативные сочетания *радует, начался, не осталось* фиксируют состояние, возникшее после предшествующего события. При этом сами формы *после болезни, после войны* не выражают восстановления, утраты или исторического изменения как собственного значения: эти смыслы формируются на уровне высказывания.

Иной характер временной соотнесенности представлен синтаксемой *перед экзаменом*. Ее базовое значение связано с предшествованием будущему событию. Ср.: «*Перед экзаменом* Карина и я, нервно перелистывая конспекты, бурно обсуждали творчество Блока» (Н. Щербак. Роман с филфаком (2010) НКРЯ), «Аспиранты трепетали *перед экзаменом* ...» (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009) НКРЯ), «*Перед экзаменом* нужно поймать “халяву”» (Ю. В. Саенко. Суеверия современных студентов (2004) НКРЯ). Экзамен еще не реализован как событие, но уже выступает смысловым

ориентиром для действий и состояний субъекта. На это указывает лексико-семантическое окружение: *нервно перелистывая, трепетали, нужно поймать “халяву”* соотносят данный интервал с подготовкой, ожиданием, эмоциональным напряжением или ритуализованным поведением.

Синтаксема **во время войны** реализует другой тип темпоративного значения. В отличие от форм с предлогами *после* и *перед*, она не задает отношения следования или предшествования, а выражает одновременность и включенность события в определенный временной период. Ср.: «Многие памятники были разрушены **во время войны** ...» (Польша – добрая соседка. (2004) НКРЯ), «Публичной дискуссии быть не могло, потому что дело было **во время войны** ...» (А. Филиппов. Участь эксперта (2003) НКРЯ), «**Во время войны** Советское государство обнаружило и свои преимущества, и свои слабости» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1 (1960) НКРЯ). Предикаты *были разрушены, быть не могло, обнаружило* получают семантическую определенность в соотнесении с исторически маркированным временным интервалом.

Темпоративные синтаксемы участвуют в событийной концептуализации через разные формы временной соотнесенности: следование, предшествование и одновременность.

Терминативные синтаксемы выражают временной предел действия, состояния или процесса. В анализируемом материале эту группу представляют синтаксемы *до вечера, до утра, к утру, к вечеру*. Их базовая темпоральная семантика связана с обозначением временной границы, однако характер этой границы зависит от формального выражения синтаксемы и ее предикативного окружения. Синтаксемы с предлогом *до* обычно указывают на предел продолжения действия или состояния, а синтаксемы с предлогом *к* соотносят событие с моментом, к которому формируется результат, изменяется состояние или достигается определенная степень проявления признака.

Синтаксема *до вечера* задает конечную границу дневного интервала. Ср.: «Я наблюдал, как она торгует билетами, и просидел *до вечера*» (И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999) НКРЯ), «*До вечера* провозился с комбайном Андрей...» (А. Азольский. Лопушок (1998) НКРЯ), «Потерпи *до вечера* ...» (Ф. Искандер. Мой кумир (1965–1990) НКРЯ). Содержание продолжения конкретизируется предикатами *просидел, провозился, потерпи*, соотносящими временную границу с наблюдением, физической работой или состоянием ожидания.

Синтаксема *до утра* также выражает предел продолжения, но ее контекстная реализация часто связана с ночным интервалом и ситуациями ожидания, бодрствования или физического усилия. Ср.: «Он наконец проснулся и говорит: “А *до утра* нельзя подождать?”» (А. Геласимов. Чужая бабушка (2001) НКРЯ), «Так *до утра* никто и не уснул» (Н. Ермильченко. Колыбельная (2000) НКРЯ), «Так втроем, обогревая друг друга, они дотянули *до утра*» (В. Маканин. Кавказский пленный (1995) НКРЯ). Предикаты *подождать, не уснул, дотянули* по-разному конкретизируют это продолжение: как ожидание, бодрствование или физическое выдерживание ситуации. При этом значения тревоги, бессонницы или преодоления не принадлежат синтаксеме *до утра* как ее самостоятельные семантические признаки.

Иной характер временной границы представлен синтаксемой *к утру*. В отличие от форм с предлогом *до*, она обозначает не предел продолжения, а момент, относительно которого фиксируется сформировавшийся результат, принятое решение или изменившееся состояние. Ср.: «*К утру* Ирина приняла решение: Алю – к матери» (В. Токарева. Своя правда (2002) НКРЯ), «*К утру* я смирился с тем, что увидеть ее живой уже не доведется...» (А. Волос. Недвижимость (2001) НКРЯ), «*К утру* она настолько оправилась, что могла передвигаться по комнате без посторонней помощи» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1 (1960) НКРЯ). Предикаты и предикативные сочетания *приняла*

решение, смирился, оправилась актуализируют результативность, тогда как синтаксема *к утру* лишь соотносит соответствующее состояние с временным пределом и сама не выражает решения, примирения или восстановления.

Сходный тип терминативной семантики представлен в контекстах с синтаксемой *к вечеру*. Ср.: «*К вечеру* в лесу комары прямо-таки зверели...» (В. Быков. Болото (2001) НКРЯ), «*К вечеру* Коля изнемог от восторга и полноты чувств...» (В. Астафьев. Затеси (1999) НКРЯ). Семантика нарастания задается прежде всего предикатами и контекстными показателями *зверели, изнемог*. Синтаксема *к вечеру* не выражает накопления автономно, но указывает на временную точку формирования или усиления состояния.

Сопоставление синтаксем с предлогами *до* и *к* позволяет уточнить характер терминативной семантики. В конструкциях типа *до вечера, до утра* граница обозначает предел, до которого продолжается действие, состояние или ожидание. В конструкциях типа *к утру, к вечеру* она соотносится с моментом, к которому фиксируется результат, изменение состояния или степень проявления признака.

Терминативные синтаксемы участвуют в событийной концептуализации через параметр временного предела: формы с предлогом *до* актуализируют предел продолжения, формы с предлогом *к* – момент фиксации результата, изменения или степени проявления признака.

Дименсивные синтаксемы выражают количественную характеристику времени, длительность или временную протяженность действия, состояния либо процесса. В анализируемом материале эту группу представляют синтаксемы *в течение года, в течение месяца, весь день, несколько дней*. В отличие от терминативных синтаксем, ориентированных на временную границу, дименсивные синтаксемы актуализируют саму протяженность события, то есть временной объем, занимаемый действием, состоянием или процессом.

Синтаксема **в течение года** обозначает длительный временной интервал, внутри которого может происходить развитие процесса, выполнение действия, накопление результата или изменение состояния. Ср.: «**В течение года** ему удалось напечатать семь рассказов и повесть» (С. Довлатов. Заповедник (1983) НКРЯ), «**В течение года** заведующий успел организовать кружок по изучению Лермонтова...» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940) НКРЯ), «Ох, как он похудел и постарел **в течение года**...» (И. С. Тургенев. Конiec Чертопханова (1872) НКРЯ). Предикативные сочетания *удалось напечатать, успел организовать, похудел и постарел* указывают на результат, достигнутый внутри обозначенного периода, либо на изменение состояния, развернутое во времени.

Синтаксема **в течение месяца** обозначает более ограниченный, но также протяженный временной интервал. Ср.: «**В течение месяца** дети наблюдают за изменениями» (О. Л. Литвиненко. Рекомендации для учащихся... (2021) НКРЯ), «... **в течение месяца** он страдал от невыносимых болей, галлюцинаций и бессонниц...» (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017) НКРЯ), «**В течение месяца** она будет сидеть у компьютера по пять часов в день...» (Л. В. Оборин. Боуи, современная “Орестея”... (2017) НКРЯ). Предикаты *наблюдают, страдал, будет сидеть* по-разному раскрывают характер протяженности. Сама синтаксема **в течение месяца** выражает длительность, но не определяет содержательный тип события.

Синтаксема **весь день** выражает полный охват дневного интервала действием или состоянием. Ср.: «Мы вчера с Кристиной **весь день** сидели, расшифровывали фотки» (agd-ardin. Колочий друг. Переписка в ICQ (2007) НКРЯ), «Ну, в общем, повоевала я с этими текстами **весь день** безрезультатно» (М. Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха (2002) НКРЯ), «**Весь день** я испытывал сплошные негативные эмоции»

(С. Довлатов. Чемодан (1986) НКРЯ). Предикативное окружение *сидели, расшифровывали, повоевала с этими текстами, испытывал негативные эмоции* конкретизирует, чем именно заполнен обозначенный временной отрезок.

Синтаксема *несколько дней* обозначает неопределенную, но семантически значимую длительность. Ср.: «Сложные дела нередко рассматривались *несколько дней*, иногда даже недель» (А. Афанасьев. Суд присяжных в России (2003) НКРЯ), «... *несколько дней* вели наружное наблюдение» (Л. Шарова. Трассовики (2003) НКРЯ), «*Несколько дней* был совсем не в себе» (В. Белоусова. Второй выстрел (2000) НКРЯ). Количественный компонент *несколько* задает приблизительность длительности, тогда как предикаты *рассматривались, вели наблюдение, был не в себе* определяют характер события, распределенного во времени.

Сопоставление дименсивных синтаксем показывает, что временная протяженность по-разному реализуется в структуре высказывания: формы *в течение года* и *в течение месяца* обозначают интервал, *весь день* подчеркивает полноту заполнения временного отрезка, *несколько дней* представляет длительность как приблизительно очерченный временной объем.

Дистрибутивные синтаксемы выражают повторяемость или распределенность действия, состояния либо процесса во времени. В анализируемом материале эту группу составляют синтаксемы *каждый день, каждое утро, по вечерам, время от времени*. В отличие от дименсивных синтаксем, которые характеризуют событие через его протяженность, дистрибутивные синтаксемы актуализируют воспроизводимость события.

Синтаксема *каждый день* выражает регулярную ежедневную повторяемость. Ср.: «...я пересматривал “Служебный роман” чуть ли не *каждый день*» (Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010) НКРЯ), «Результаты *каждый день* обсуждались на заседаниях

лаборатории...» (М. Э. Боцманова, Р. Д. Триггер. Изучение психологии подростка (2004) НКРЯ), «*Каждый день* фирма упаковывает и отправляет потребителю 50–70 т бумажных отходов» (Н. Малетин. Потребительская корзина для мусора (2003) НКРЯ). Характер повторяемого события определяется предикативной структурой: *пересматривал, обсуждались, упаковывает и отправляет*.

Синтаксема *каждое утро* конкретизирует регулярную повторяемость, связывая ее с началом дня. Ср.: «Первые 1,5 года *каждое утро* просыпался со словами “поганая школа”» (Форум: Наши дети: Подростки (2004) НКРЯ), «У нас *каждое утро* идет планирование номера» (Д. Волков, В. Сунгоркин. Кухня управляемой демократии (2003) НКРЯ), «*Каждое утро* Поташников просыпался с надеждой: не упал ли мороз?» (В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961) НКРЯ). Предикативное окружение *просыпался со словами, идет планирование, просыпался с надеждой* раскрывает разные формы повторяемости: эмоциональное состояние, регулярную организационную процедуру или ожидание.

Синтаксема *по вечерам* обозначает регулярную повторяемость действия в вечерний период. Ср.: «*По вечерам* тут бывают концерты...» (Я. Зубцова. Прекрасный маршрут // Домовой (2002) НКРЯ), «Андрей *по вечерам* пропадал в библиотеке...» (А. Азольский. Лопушок (1998) НКРЯ), «Кухня *по вечерам* гудела голосами жильцов» (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1 (1960) НКРЯ). Этот интервал может заполняться разными типами действий и состояний, что раскрывается предикатами *бывают, пропадал, гудела голосами*.

Особое место среди дистрибутивных синтаксем занимает *время от времени*. Эта форма выражает не строгую регулярность, а нерегулярное возобновление действия. Ср.: «...нужно было *время от времени* доказывать свое алиби» (Форум: 17 мгновений весны (2005–2010) НКРЯ), «Не забудьте

время от времени помешивать фондю» (Рецепты национальных кухонь: Франция (2000–2005) НКРЯ). Синтаксема *время от времени* задает неопределенную периодичность, а предикативное окружение *доказывать*, *помешивать* конкретизирует характер эпизодически возобновляемого действия.

Сопоставление дистрибутивных синтаксем показывает, что временная повторяемость неоднородна: формы *каждый день* и *каждое утро* задают регулярную повторяемость, *по вечерам* соотносит действие с вечерним интервалом, *время от времени* обозначает эпизодическое возобновление действия.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что темпоральные синтаксемы в русском языке выражают временную отнесенность события и участвуют в его семантической организации. Их базовая темпоральная семантика соотносится с определенным типом временных отношений: временной соотнесенностью, временным пределом, временной протяженностью или повторяемостью. В конкретном контексте эти отношения получают семантическую конкретизацию во взаимодействии с предикативной структурой, лексико-семантическим наполнением и общим смысловым строем высказывания.

Основной результат исследования состоит в установлении связи между типом темпоральной синтаксемы и способом актуализации временного параметра события. Темпоративные синтаксемы выражают соотнесенность события с другим событием, моментом или периодом; терминативные синтаксемы актуализируют временную границу; дименсивные синтаксемы представляют событие как развернутое внутри временного интервала; дистрибутивные синтаксемы выражают повторяемость или распределенность действия во времени.

Принципиальным для исследования является разграничение базовой темпоральной семантики синтаксемы и ее контекстной реализации. Дополнительные семантико-синтаксические характеристики формируются на уровне высказывания во взаимодействии темпоральной синтаксемы с предикативной структурой, лексико-семантическим наполнением и контекстом. Такое разграничение позволяет описывать темпоральную синтаксему не как автономный носитель сложного концептуального содержания, а как семантико-синтаксическую единицу, участвующую в актуализации временного параметра события. В этом проявляется ее функционально-когнитивный статус.

Литература

- 1- Болдырев Н.Н. (2013). *Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе*. Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (34). С. 5–13.
- 2- Болдырев Н.Н. (2021). *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций*. 5-е изд., перераб. и доп. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 236 с.
- 3- Золотова Г.А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. М.: Наука. 302 с.
- 4- Золотова Г.А. (1988). *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Отв. ред. Ю.Н. Караулов. АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука. 440 с.
- 5- Кубрякова Е.С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры. 560 с.
- 6- Малинская Т.В. (2024). *Темпоральные конструкции с наименованиями праздников в произведениях И.А. Бунина*. Язык и текст. Т. 11. № 2. С. 112–121.
- 7- Малинская Т.В. (2020). *Темпоральные синтаксемы с лексемой вечер в произведениях И.А. Бунина*. Отечественная филология. № 4. С. 26–34.
- 8- Мухин А.М. (1999). *Функциональный синтаксис*. СПб.: Наука. 184 с.
- 9- Норман Б.Ю. (2013). *Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие*. М.: ФЛИНТА. 254 с.

- 10- Погорелова М.В., Срибуньякорн Д. (2017). *Типология русских и тайских темпоральных синтаксем*. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2 (25). С. 70–79.
- 11- *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность* (1990). Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука. 264 с.
- 12- Шаповалова Т.Е. (2025). *Аксиологическая семантика высказываний с темпоральными субстантивными оборотами*. Верхневолжский филологический вестник. № 1 (40). С. 77–84.

Bibliography

- 1- Boldyrev N.N. (2013). *Aktual'nye zadachi kognitivnoi lingvistiki na sovremennom etape*. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. № 1 (34). S. 5–13.
- 2- Boldyrev N.N. (2021). *Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku: kurs lektsii*. 5-e izd., pererab. i dop. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G.R. Derzhavina. 236 s.
- 3- Zolotova G.A. (1973). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka*. M.: Nauka. 302 s.
- 4- Zolotova G.A. (1988). *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa*. Отв. ред. И.Н. Караулов. АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Nauka. 440 s.
- 5- Kubriakova E.S. (2004). *Iazyk i znanie: Na puti polucheniia znaniia o iazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira*. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury. 560 s.
- 6- Malinskaia T.V. (2024). *Temporal'nye konstruksii s naimenovaniiami prazdnikov v proizvedeniiakh I.A. Bunina*. Iazyk i tekst. T. 11. № 2. S. 112–121.
- 7- Malinskaia T.V. (2020). *Temporal'nye sintaksemy s leksemai vecher v proizvedeniiakh I.A. Bunina*. Otechestvennaia filologiya. № 4. S. 26–34.
- 8- Mukhin A.M. (1999). *Funktsional'nyi sintaksis*. SPb.: Nauka. 184 s.
- 9- Norman B.Iu. (2013). *Kognitivnyi sintaksis russkogo iazyka: ucheb. posobie*. M.: FLINTA. 254 s.
- 10- Pogorelova M.V., Sribuniakorn D. (2017). *Tipologiya russkikh i taiskikh temporal'nykh sintaksem*. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. № 2 (25). S. 70–79.
- 11- *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* (1990). Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука. 264 с.

- 12- Shapovalova T.E. (2025). *Aksiologicheskaya semantika vykazivaniya s temporal'nymi substantivnymi oborotami*. Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. № 1 (40). S. 77–84.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bugaeva , I., & Shankhoeva , Y. (2026). TEMPORAL SYNTAXEMES AS A MEANS OF EVENT CONCEPTUALIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(2), 223-241.

DOI: 10.66224/IARLL.28.12

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/421>

نحوه‌های زمانی و نقش آن‌ها در مفهوم‌سازی رویدادها در زبان روسی

یاخا احمد-باشیروونا شانخویوا^۱

دانشجوی دکتری، دانشگاه دولتی آن. کاسیگین روسیه (فناوری‌ها، طراحی و هنر)،
مسکو، روسیه

ایرینا ولادیمیرونا بوگایوا^۲*

استاد، دانشگاه دولتی آن. کاسیگین روسیه (فناوری‌ها، طراحی و هنر)،
مسکو، روسیه

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۶)

چکیده

در این مقاله، نقش گروه‌های قیدی زمان به‌عنوان ابزاری برای تفسیر زمینه وقوع یک رویداد در زبان روسی بررسی می‌شود. هدف پژوهش، تعیین نقش گروه‌های قیدی در سازمان‌دهی معنایی رویداد در ساختار گفتار است، ضمن آنکه این واحدها معنای زمانی پایه خود را حفظ می‌کنند. داده‌های پژوهش شامل ۲۰۰ جمله است که به‌شیوه هدفمند از پیکره ملی زبان روسی گردآوری شده‌اند. این گروه‌های قیدی در چهار دسته تحلیل شده‌اند: گروه‌های زمان‌نما (نشان‌دهنده زمان رخداد)، گروه‌های پایانه‌نما (نشان‌دهنده نقطه پایان زمان)، گروه‌های بُعدنما (نشان‌دهنده گستره یا مدت زمان) و گروه‌های توزیع‌نما (نشان‌دهنده تکرار یا پخش‌شدگی عمل در طول زمان). یافته‌ها نشان می‌دهد که گروه‌های زمان‌نما، نسبت زمانی رویداد را مشخص می‌کنند؛ گروه‌های پایانه‌نما، مرز یا حد زمانی آن را نشان می‌دهند؛ گروه‌های بُعدنما، طول مدت رویداد را بیان می‌کنند؛ و گروه‌های توزیع‌نما، بر تکرار یا پراکندگی عمل در طول زمان دلالت دارند. از جمله نتایج مهم پژوهش این است که ویژگی‌هایی مانند نتیجه‌مندی، فرایندی‌بودن، حد مشخص، استمرار و تکرارپذیری جمله که در واقع ویژگی‌های معنایی-نحوی آن به‌شمار می‌روند، به‌تنهایی و تنها با وجود یک گروه قیدی زمانی حاصل نمی‌شوند، بلکه این ویژگی‌ها در تعامل معنای پایه زمانی آن گروه قیدی با بافت جمله، ساختار محمول و بار معنایی واژگان به‌کاررفته شکل می‌گیرند و درک می‌شوند. از دیدگاه شناختی نیز، این گروه‌های قیدی زمانی، ابزاری برای برجسته‌سازی و عینیت‌بخشی به بُعد زمان رویداد در بازنمایی زبانی آن به‌شمار می‌روند.

واژگان کلیدی: زمان‌مندی، گروه قیدی، گروه قیدی زمانی، زمان‌نما، پایانه‌نما، بُعدنما، توزیع‌نما، مفهوم‌سازی رویدادی، تفسیر بافتی، مناسبات زمانی.

1. E-mail: yaha.shoan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0433-8689>

2. E-mail: bugaevaiv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3682-4880>

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی-پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۸۰۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

برگ درخواست اشتراک

نام و نام خانوادگی / مؤسسه:

شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:

نشانی:

تلفن:

کد پستی: صندوق پستی:

شماره‌های درخواستی از شماره تا شماره تعداد

درخواستی از هر شماره: تاریخ:

امضاء

بر اساس نامه شماره ۸۷۵۶۴/۱۸/۳ مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل
محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم،
تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون
بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات
روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک
اعتبار علمی- پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» با عنوان
Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury
در پایگاه‌های SCOPUS اسکوپوس، ISC (موسسه استنادی و
پایش علم و فناوری جهان اسلام)، eLIBRARY.RU (کتابخانه
الکترونیک و استنادی کشور روسیه)، SID (پایگاه اطلاعات علمی
جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ... نمایه
می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در
پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره
۱۶/۲۰۱-۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفاں آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

اولگا علیمونوا باگدانووا، پژوهشگر برجسته انستیتو ادبیات جهان گورکی، آکادمی علوم روسیه (مسکو، روسیه)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزو هیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ (سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریوچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیوچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونوا مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا روستاولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه، تاجیکستان)

میشل نیکو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی («فصلنامه علمی»)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والنتین گلاوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
معصومه معتمدنیا، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مازندران، بابلسر، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۳۴۵-۲۴۹۸

شاپا الکترونیکی: ۲۴۷۶-۳۵۰۰

بها: ۴۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- خطاهای معمول دانشجویان ایرانی در گفتار نوشتاری روسی: تحلیلی جامع بر پایه برگه‌های امتحانی
حسین غلامی / علی فلاحی ۱۱
- پیشگیری و اصلاح اشتباهات دانشجویان هنگام انجام تکالیف مستقل
مهرالنساء بازارونا نغزیبکوا / لاله طالبیونا روزیوا / شهناز کاکانونا ارگاشوا ۳۳
- رنگِ دنیای گیاهان در آیینۀ آزمون تداعی معنایی
مرضیه یحیی‌پور / جان‌اله کریمی مطهر ۵۳
- بررسی مفهوم «خاور عربی» در سبک منحصر به فرد نیکالای گومیلیوف
یلنا نیکالایونا یلتسوا ۷۱
- بررسی فعلی‌سازی پیوندهای همنشینی صفت «مهاجرتی» به‌عنوان عنصر کلیدی گفتمان مهاجرت
یکاترینا آگوننا زوبارووا / آرینا آکسنی‌یونا آفاناسیونا ۹۱
- کلاس‌های انطباقی به‌عنوان الگویی نهادی برای پیشگیری از رفتار انحرافی در کودکان خانواده‌های
دارای پیشینه مهاجرت: ابعاد زبان‌شناسی آموزشی و روان‌شناختی-تربیتی
اولگا پاولونا کرینیتسینا / لودمیللا ولادیمیرونا کالومیچنکا ۱۱۱
- مقولهٔ پیش‌بینی در متون فولکلوریک
نادژدا نیکالایونا منشاکووا / ناتالیا ولادیمیرونا خاروشوا ۱۲۷
- آزادسازی فرهنگی در دوران «ذوب شدگی خروشچف» و دگرگونی ادبیات شوروی: یک مرور روایتی
خلیدا صیامی ایدلاک / علی سبزی / حسین خلفی ۱۴۷
- مفهوم‌پردازی رنگی جهان گیاهان: در باب رنگ شکوفهٔ گیللاس وحشی در نگارهٔ زبانی جهان روسی
(پژوهشی چندگفتمانی)
تاتیانا ویکتورونا سیووا ۱۶۷
- نمایش‌های «رنگ سفید»: از تثبیت نمادین معانی تا دلالت‌های از دست دادن معنا
مریم شفق ۱۸۷
- چالش‌های ترجمه واحدهای واژگانی فاقد معادل زبان روسی در بستر بافت زبانی-فرهنگی ایران
کوثر سلیمی عبدالملکی ۲۰۷
- نحوه‌های زمانی و نقش آن‌ها در مفهوم‌سازی رویدادها در زبان روسی
یاخا احمد-باشیروونا شانخویوا / ایرینا ولادیمیرونا بوگایوا ۲۲۳